

Д 02
Ж. 92

ЖУРНАЛЬ

МИНИСТЕРСТВА

ЮСТИЦИИ.

1861.

АВГУСТЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Часть официальная.

	<i>Стр.</i>
Отдѣлъ I. Высочайшія повелѣнія.	29.
I. Постановленія по судебной части, обнародованныя въ іюль 1861 года.	
II. Высочайше утвержденное положеніе главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія.	
Отдѣлъ II. Правительственныя распоряженія.	32.
Циркуляры министерства юстиціи.	
Отдѣлъ III. Личный составъ.	35.
Главнѣйшія перемены въ личномъ составѣ по вѣдомству министерства юстиціи.	

II. Часть неофициальная.

X Отдѣлъ I. Нѣсколько словъ о судопроизводствѣ.	
A. Кузнецова.	269.
О вліяніи родственныхъ и другихъ отношеній на мѣру вины и наказанія преступниковъ.	
II. Ш.	279.
О покушеніи на преступленіе негодными средствами (изъ Миттермайера). Г. Рогенагена.	293.
О движеніи заководательства въ Пруссіи съ 1848 по 1860 г.	II. Юренева. 309.
X О началахъ проекта гражданскаго судопроизводства въ Австріи	A. Книрима. 341.

І ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ОТДѢЛЪ І.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

І. ПОСТАНОВЛЕНІЯ, ОБНАРОДОВАННЫЯ ВЪ ІЮЛЬ МѢСЯЦЪ.

1. О преобразованіи совѣстныхъ судовъ въ Петербургъ и Москвѣ.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ юстиціи о преобразованіи совѣстныхъ судовъ въ Санктпетербургѣ и Москвѣ, *мнѣніемъ положилъ*: 1., совѣстные суды въ Санктпетербургѣ и Москвѣ преобразовать на основаніяхъ, изложенныхъ въ пунктахъ 4—7 и 10 Высочайше утвержденнаго 23-го іюня 1852 года мнѣнія государственнаго совѣта (полн. собр. зак. № 26,396). *Примѣчаніе*. Совѣстные суды въ обѣихъ столицахъ руководствуются въ производствѣ и рѣшеніи дѣлъ, совѣстному разбирательству подлежащихъ, впредь до изданія новыхъ по сему предмету постановленій, правилами, изложенными въ примѣчаніи къ ст. 2438 общ. учрежд. губ. (св. зак. 1857 г. т. II по прод. II). 2., Изъ имѣющаго послѣдовать отъ преобразованія озна-

ченныхъ совѣстныхъ судовъ сбереженія 7,593 руб. 40 к.: а., производить на усиленіе канцелярскихъ средствъ столичныхъ судебныхъ палатъ, именно: первымъ департаментамъ гражданскихъ с.-петербургской 987 рублей 16 копѣекъ и московской 700 рублей въ годъ, а уголовнымъ палатамъ: въ С.-Петербургѣ 1030 рублей 16 коп. и въ Москвѣ 700 руб. въ годъ, и б., выдать годовые оклады тѣмъ канцелярскимъ чиновникамъ и служителямъ сихъ судовъ, кои не будутъ переведены на службу въ столичныя судебныя палаты, или же распределены по другимъ присутственнымъ мѣстамъ въ той же столицѣ, въ которой они доселѣ служили. 3., Остающуюся за тѣмъ свободную сумму обратить въ государственное казначейство.

Мнѣніе это удостоилось Высочайшаго его императорскаго величества утвержденія.

2. *Объ увеличеніи преимущества для чиновниковъ, поступающихъ на службу въ олонецкую губернію.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, объ увеличеніи преимуществъ для чиновниковъ, поступающихъ на службу въ олонецкую губернію, *мнѣніемъ положилъ*: представленіе сіе утвердить и вслѣдствіе того, въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ, постановить слѣдующее: „сверхъ выдачи чиновникамъ и канцелярскимъ служителямъ, поступающимъ на службу въ олонецкую губернію, годоваго оклада и двойныхъ прогоновъ при опредѣленіи, класснымъ чиновникамъ назначаются прибавки къ жалованью: по прослуженіи восьми лѣтъ—одна четверть, четырнадцати лѣтъ—одна половина, двадцати лѣтъ—три четверти, двадцати пяти—полный окладъ, по мѣсту, каждымъ занимаемому.

Мнѣніе это удостоилось Высочайшаго его императорскаго величества утвержденія.

II. ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГЛАВНОГО
КОМИТЕТА ОБЪ УСТРОЙСТВѢ СЕЛЬСКАГО СОСТОЯНІЯ.

*I. О сохраненіи должностнымъ лицамъ мѣстныхъ по
крестьянскимъ дѣламъ учреждений получаемыхъ ими пенсій.*

Главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, журналомъ, Высочайше утвержденнымъ 1-го іюня сего года, согласно съ заключеніемъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, положилъ: къ числу должностей, на которыхъ служащія, сверхъ содержанія, сохраняютъ получаемыя ими за прежнюю службу пенсіи, отнести, примѣняясь къ ст. 12 т. III св. зак. уст. о пенс., и должности мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений, а именно: 1., мировыхъ посредниковъ, какъ въ первые три года назначенія ихъ губернаторами, такъ и при послѣдующемъ порядкѣ ихъ избранія; 2., кандидатовъ къ мировымъ посредникамъ; 3., членовъ отъ правительства уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ; 4., секретаря уѣзднаго мирового съѣзда; 5., членовъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, и 6., секретаря губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

ОТДѢЛЪ II.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ПО МИНИСТЕРСТВУ ЮСТИЦІИ.

I. Циркуляръ и. управляющаго министерствомъ юстиціи къ губерскимъ, областнымъ и инымъ мѣстамъ прокурорамъ о незасвидѣльствованіи отпускныхъ.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ возникъ вопросъ: должны ли быть утверждаемы присутственными мѣстами выданныя помѣщикомъ его бывшимъ крестьянамъ и дворовымъ людямъ отпускныя, оставшіяся не засвидѣльствованными по день обнародованія Всемилостивѣйшаго манифеста 19-го февраля сего года.

Силою Высочайше утвержденнаго 19-го февраля сего года положенія всѣ отпускныя, которыя по сіе число не были утверждены надлежащими присутственными мѣстами, потеряли всякое значеніе, ибо бывшіе крѣпостные люди получили уже, по воспослѣдованіи Всемилостивѣйшаго манифеста 19-го февраля, то право, которое имъ предоставлялось отпускною; и за симъ принятіе къ утвержденію и утвержденіе присутственными мѣстами отпускныхъ не можетъ имѣть мѣста.

Но такъ какъ Высочайшее положеніе ставитъ крестьянъ въ срочно-обязательное отношеніе къ помѣщику, а между тѣмъ

отпускною крестьяне и дворовые освобождаемы были отъ всякихъ повинностей въ пользу помѣщика, то вполне справедливо было бы тѣмъ крестьянамъ и дворовымъ людямъ, отпущеннымъ владѣльцемъ на волю, отпускныя конихъ остались по день обнародованія Всемилостивѣйшаго манифеста 19-го февраля сего года не засвидѣтельствованными подлежащими присутственными мѣстами, предоставить, если пожелаютъ, воспользоваться тотчасъ освобожденіемъ отъ обязательныхъ къ помѣщику отношеній, назначенныхъ новыми положеніями.

По сямъ соображеніямъ, согласно 21 и 22 ст. положенія объ устройствѣ дворовыхъ людей и примѣняясь къ 8-й ст. мѣстнаго положенія для губерній великороссійскихъ, новороссійскихъ и бѣлорусскихъ, на томъ основаніи, что отпускная не предоставляла отпущенному крестьянину права на пользованіе землею,—по совокупномъ сношеніи министерства внутреннихъ дѣлъ и министерства юстиціи признано справедливымъ, чтобы всѣ отпускныя, оставшіяся не засвидѣльствованными присутственными мѣстами, до обнародованія Всемилостивѣйшаго манифеста 19-го февраля сего года, отсылались къ подлежащимъ мировымъ посредникамъ, для разсмотрѣнія каждой изъ нихъ особо и для выдачи увольнительныхъ свидѣтельствъ, на точномъ основаніи приведенныхъ статей положеній Высочайше утвержденныхъ 19-го февраля сего года, тѣмъ бывшимъ крестьянамъ и дворовымъ людямъ, которые изъявятъ желаніе на освобожденіе отъ обязательныхъ отношеній къ помѣщику и на приписку къ другимъ обществамъ городскимъ и сельскимъ, на общихъ основаніяхъ, указанныхъ новыми положеніями.

Поручаю вамъ предложить надлежащимъ присутственнымъ мѣстамъ: губернскимъ непосредственно, а уѣзднымъ чрезъ гг. уѣздныхъ стряпчихъ о вышеизложенномъ къ руководству.

2 *Циркуляръ г. управляющаго министерствомъ юстиціи къ губернскимъ, областнымъ и инымъ мѣсть прокурорамъ о представленіи особымъ мнѣніемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.*

Одинъ изъ губернскихъ прокуроровъ возбудилъ вопросъ: долженъ ли онъ, въ случаѣ несогласія съ большинствомъ членовъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, доносить о своихъ мнѣніяхъ и куда представлять подобныя донесенія.

По закону (св. зак. т. и общ. губ. учр. ст. 787, 1159, 1301), члены административныхъ присутственныхъ мѣсть: губернскаго правленія, казенной палаты и палаты государственныхъ имуществъ, въ случаѣ несогласія съ состоявшимся, вопреки ихъ мнѣнія, постановленіемъ, представляютъ свои мнѣнія министрамъ, по принадлежности, въ опредѣленный срокъ (7 и 10 дневный).

Принимая во вниманіе, что къ предметамъ вѣдомства губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, относятся по силѣ 3 п. 126 и 129 ст. гл. 3-й Высочайше утвержденнаго 19 февраля сего года положенія о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ и дѣла распорядительныя, я вмѣняю вамъ въ обязанность, согласно съ приведенными узаконеніями для губернскихъ административныхъ мѣсть, въ случаѣ несогласія съ постановленіемъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, представлять въ 7 дневный срокъ свои отдѣльныя мнѣнія, на основаніи 9 п. Именнаго указа, даннаго 19 февраля сего года правительствующему сенату объ учрежденіи главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, — въ министерство внутреннихъ дѣлъ, при чемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда признаете это нужнымъ, имѣете представить и копію съ вашего мнѣнія въ министерство юстиціи.

ОТДѢЛЪ III.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ.

Главнѣйшія перемены въ личномъ составѣ по вѣдомству министерства юстиціи.

(Приказы по мн. юстиціи отъ 28 іюня, 10 и 17 іюля за №№ 21, 22 и 23).

1) ПО ГУБЕРНСКИМЪ УЧРЕЖДЕНІЯМЪ.

Произведены за выслугу лѣтъ въ надворные советники:
Коллежскіе ассесоры: прокуроръ таганрогскаго градоначальства Степанъ Волковъ съ 26 августа и товарищъ председателя воронежской палаты гражданскаго суда Иванъ Халютинъ съ 9 декабря 1860 года.

Назначены: Утвержденный опредѣленіемъ правительствующаго сената, послѣдовавшимъ 10 мая 1861 года, въ должности мирового посредника по данковскому уѣзду, рязанской губерніи, состоявшій предсѣдателемъ 2-го департамента московской палаты гражданскаго суда, коллежскій совѣтникъ князь Оболенскій—чиновникомъ за оберъ-прокурорскій столъ въ

правительствующемъ сенатѣ, сверхъ комплекта, съ оставленіемъ въ должности мирового посредника (8 іюня 1861 года).

Состоящій при департаментѣ министерства юстиціи, надворный совѣтникъ фонъ-*Гардеръ*—товарищемъ предсѣдателя псковской палаты гражданскаго суда (15 іюня 1861 года).

Исправляющій должность товарища предсѣдателя псковской палаты гражданскаго суда, коллежскій ассесоръ *Возинъ*—товарищемъ предсѣдателя тамошней палаты уголовного суда (15 іюня 1861 года).

Губернскіе прокуроры: рязанскій, статскій совѣтникъ *Ралькинъ* и калужскій, надворный совѣтникъ *Трузсонъ*: первый—калужскимъ, а послѣдній—рязанскимъ губернскими прокурорами (28 іюня 1861 года).

Причисленъ къ департаменту министерства юстиціи: предсѣдатель 1-го департамента московской палаты гражданскаго суда, коллежскій ассесоръ *Вейденшаммеръ*, для принятія на себя, согласно избранію дворянства, званія члена временной комиссіи по крестьянскому дѣлу въ московской губерніи (16 іюня 1861 года).

II. ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О СУДОУСТРОЙСТВѢ.

Г. Спасовичъ въ одной изъ своихъ лекцій о теоріи судебно-уголовныхъ доказательствъ высказалъ неблагоклонный взглядъ на выборное начало въ примѣненіи его къ суду. Главная его мысль по этому предмету состоитъ въ томъ, что общество не въ состояніи само выбрать себѣ хорошихъ судей-техниковъ, и что только правительство можетъ сдѣлать составъ судебныхъ мѣстъ соответствующимъ цѣли ихъ учрежденія. Разсмотримъ, на сколько эта мысль справедлива, и для этого прослѣдимъ развитіе ея у почтеннаго профессора при опредѣленіи имъ личнаго состава каждой ступени суда.

Мы совершенно согласны, что достаточно имѣть три ступени суда: а) единичныхъ нижнихъ судей (назовемъ ихъ ми-

ровыми), б) окружные суды и с) великіе областныя судебныя сенаты (назовемъ ихъ лучше судебными палатами, оставивъ названіе сената для кассационнаго суда и для того департамента, въ который приносятся жалобы на министровъ). Нижніе судьи, или по нашему мировые, рѣшительно необходимы потому, что множество дѣлъ по своей малоцѣнности и нѣкоторыя проступки по своей маловажности должны разсматриваться и рѣшаться на самомъ мѣстѣ ихъ возникновенія и совершенія. Частныя лица каждый день заключаютъ между собой сдѣлки о самыхъ ничтожныхъ предметахъ; каждая такая сдѣлка можетъ возбудить споръ между ними, и ихъ интересы требуютъ, чтобы споръ этотъ былъ быстро разрѣшенъ. Между тѣмъ предметъ спора можетъ быть такъ малоцѣненъ, что отправляться для его разрѣшенія въ мѣсто пребыванія окружнаго суда значить жертвовать рублями для приобрѣтенія копѣекъ. Поэтому то въ настоящее время, мы увѣрены, частныя лица, терпя нарушеніе своихъ правъ, часто не обращаются къ суду единственно по причинѣ его отдаленности. Это, разумѣется, несправедливо, такъ какъ для правосудія нѣтъ разницы между копѣечными и тысячными дѣлами, его цѣль— чтобы всякое нарушенное право было непременно возстановлено, какъ бы оно маловажно ни было (конечно, если этого желаетъ тотъ, чье право нарушено), наконецъ всякій знаетъ, что для одного копѣйка гораздо важнѣе, чѣмъ для другаго десятки тысячъ рублей.

Поэтому то и нужно, чтобы для малоцѣнныхъ дѣлъ, примѣрно такихъ, въ которыхъ споръ не превышаетъ 30 рублей, существовалъ, такъ сказать, домашній судъ. Точно также и нѣкоторыя проступки должны разсматриваться домашними мировыми судьями. Съ одной стороны за проступкомъ немедленно будетъ слѣдовать наказаніе, съ другой, и это главное, не нужно будетъ по всякому незначительному происшествію требовать преступника и свидѣтелей въ окружный судъ и этимъ стравывать ихъ отъ занятій.

Теперь представляется вопросъ— какихъ качествъ должно

требовать отъ мировыхъ судей? Намъ кажется, что прежде всего желательно, чтобы мировые судьи выходили изъ среды мѣстныхъ жителей. чтобы въ эти должности вступали лица, имѣющія нравственный вѣсъ и вліяніе въ данной мѣстности, пользующіяся общественнымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Только тогда мировые судьи будутъ, говоря словами г. Спасовича, «хорошими представителями совѣсти народной».

Это послѣднее основаніе онъ приводитъ, говоря о необходимости выборнаго элемента въ личномъ составѣ окружнаго суда. Между тѣмъ про нижнихъ судей онъ говоритъ, что они должны быть техниками, превосходно знающими законъ, и поэтому должны назначаться правительствомъ, такъ какъ толпа, сословіе, плохой оцѣнщикъ техническихъ способностей и образованности юридической.

Намъ кажется, что весьма нелогично желать, чтобы окружные суды состояли не изъ однихъ судей-техниковъ, но изъ «представителей совѣсти народной», и въ то же время утверждать, что нижніе судьи должны назначаться исключительно изъ однихъ «техниковъ»; нелогично потому, что нижніе судьи, по самому характеру ихъ дѣятельности, стоятъ ближе къ народу, чѣмъ окружные; дѣла, которыя имъ приходится рѣшать, по большей части не имѣютъ юридическаго интереса и суть обыденные житейскіе случаи; мѣстные жители для разрѣшенія этихъ случаевъ гораздо охотнѣе будутъ обращаться къ лицамъ, ими самими выбраннымъ, чѣмъ совершенно имъ незнакомымъ. Конечно, весьма желательно, чтобы эти выборные судьи были юристами. Сами избиратели, надѣмая, были бы довольны, если бы могли выбрать не только образованнаго и добросовѣстнаго человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и превосходно знающаго законы; но развѣ у насъ такъ много юристовъ? Дай Богъ, чтобы личный составъ хотя однихъ высшихъ судебныхъ мѣстъ былъ изъ юристовъ, но требовать, чтобы всѣ нижніе судьи, которыхъ должно быть, конечно, довольно значительное число, были юристы, значитъ требовать невозможнаго. И потому въ наше время условіемъ исправленія должности нижняго судьи должно быть не юри-

дическое образованіе, а только такое, какого требуетъ г. Спасовичъ отъ своихъ выборныхъ судей въ окружныхъ судахъ, т. е. гимназическое. Но г. Спасовичъ кромѣ того боится, чтобы нижній судья, если онъ будетъ выбираемъ сословіями, не сталъ сословнымъ судьей; чтобы правосудіе не стало или дворянскимъ, или мѣщанскимъ, или крестьянскимъ, тогда какъ оно должно быть *государственнымъ*. Но боязнь его едва ли основательна: правосудіе не будетъ *сословнымъ*, если избраніе будетъ предоставлено не дворянамъ, мѣщанамъ или крестьянамъ, а всѣмъ сословіямъ вмѣстѣ, всему обществу. Скажемъ кстати, что у насъ есть превосходный элементъ для образованія нижнихъ или мировыхъ судей—это мировые посредники. По ст. 35 положенія о губ. уѣзд. по крест. дѣламъ учрежд. мировые посредники имѣютъ право, если споряція стороны того желаютъ, разсматривать всякій споръ гражданскій. Вслѣдствіе этой статьи мировые посредники, если они поймутъ высокое и важное значеніе, предоставленное имъ нашимъ правительствомъ, если пріобрѣтутъ довѣріе и любовь крестьянъ, если этимъ заслужатъ уваженіе всѣхъ прочихъ сословій, могутъ въ теченіи времени естественнымъ путемъ изъ мировыхъ посредниковъ сдѣлаться мировыми судьями, и такимъ образомъ сама жизнь можетъ выработать мировую юстицію, которая будетъ нуждаться только въ санкціи закона для того, чтобы стать въ ряду государственныхъ учреждений. Кончая о нижнихъ судьяхъ, мы скажемъ, что для насъ ясно какъ день, что въ число ихъ могутъ быть избираемы только тѣ, которые сами желаютъ принять на себя судейскія обязанности.

Читатель сейчасъ увидитъ, почему мы дѣлаемъ эту оговорку.

Г. Спасовичъ, какъ мы уже сказали выше, допускаетъ выборныхъ судей въ окружные суды, но Боже мой! лучше онъ не оказывалъ бы имъ этой милости, какую жалкую роль предоставляетъ онъ имъ!

Во первыхъ, онъ смотритъ на службу по выборамъ какъ на рекрутскую повинность. Такъ онъ говоритъ: «сдѣлаемъ служ-

«бу по выборамъ безусловно обязательно, съ исключеніемъ возможности выбранному отъ нея уклониться. Повинность служебную несут издавна низшія состоянія. Непонятно, почему «должно быть избавляемо отъ него высшее, то именно, котораго содѣйствіе было бы всего полезнѣе для государства. Оно, «какъ пользующееся высшими привилегіями и преимуществами, «должно бы и обязанности нести самыя большія. Повинность «службы судебной могла бы быть столько же обязательна, и «могла бы быть обезпечена точно такими же принудительными «мѣрами, какъ повинность уплаты податей, военной службы, «явки въ судъ въ качествѣ свидѣтеля. Кромѣ денегъ государство можетъ иногда требовать отъ гражданъ пожертвованій «въ силахъ умственныхъ и нравственныхъ на благо общественное, при системѣ же voluntarism'a или добродѣтели служенія сословія будутъ всегда имѣть плохихъ представителей, «а суды плохихъ засѣдателей. Если эта повинность слишкомъ «тяжела, то можно бы облегчить ее, разлагая ее равномернѣе на тѣхъ, которые ей подчинены. Если, напримѣръ, трехлѣтній срокъ службы слишкомъ продолжителенъ, то можно «бы его измѣнить въ годичный». Неужели г. Спасовичъ думаетъ, что суды получаютъ хорошихъ засѣдателей отъ того только, что эти должности будутъ замѣщаться не тѣми, которые чувствуютъ какое либо влеченіе къ юридическимъ занятіямъ, а можетъ быть тѣми, которые чувствуютъ рѣшительное отвращеніе заниматься гражданскими или уголовными дѣлами? Неужели онъ забываетъ, что эти дѣла по большей части въ высшей степени сухи и скучны; что любой образованный человѣкъ можетъ признавать всю пользу, всю достопочтенность судейской профессіи, но не чувствовать къ ней ни малѣйшаго влеченія; что заставлять такого человѣка цѣлый годъ заниматься судебными дѣлами, значитъ насловать его природу. Послѣ этого можемъ ли мы ждать отъ него любви къ дѣлу? а безъ любви къ своему дѣлу можетъ ли онъ принести малѣйшую пользу? Мы совершенно согласны съ тѣми, что высшія сословія, какъ болѣе образованныя и богатая, должны нести на себѣ болѣе об-

щественныхъ тягостей, чѣмъ низшія, но обязанность доставлять изъ среды своей недобровольныхъ судей нисколько не облегчить тягостей простаго народа, а даже увеличить ихъ. Нѣтъ, пусть священныя судейскія обязанности принимаетъ на себя только тотъ, кто чувствуетъ къ нимъ призваніе, только отъ такого человѣка мы вправѣ ожидать, что онъ вполне посвятитъ себя своей дѣятельности, что для него не будетъ дѣлъ ничтожныхъ и скучныхъ, такъ какъ при разрѣшеніи каждаго дѣла онъ будетъ одушевляться любовію къ своимъ занятіямъ. Впрочемъ самъ г. Спасовичъ недоувѣряетъ своимъ выборнымъ судьямъ, (да и возможно ли доувѣрять имъ при его системѣ избранія). Онъ сажаетъ въ каждый окружный судъ предсѣдателя, человѣка юридически образованнаго и назначаемого отъ правительства, и дѣлаетъ его надзирателемъ надъ выборными судьями. Послѣднимъ онъ предоставляетъ рѣшать дѣла по большинству голосовъ, но каждое рѣшеніе идетъ на пересмотръ предсѣдателя, который «или соглашается съ рѣшеніемъ, или объявляетъ свой протестъ и переноситъ дѣло въ высшую инстанцію». Спрашивается, хорошо положеніе выборнаго судьи, если онъ отличается умственнымъ развитіемъ и самостоятельностью, видѣть, что правительство ему не доувѣряетъ, что оно ставитъ надъ нимъ не знаемъ назвать кого—по словамъ г. Спасовича предсѣдателя, но по нашему называйте это лицо какъ угодно, но только не предсѣдателемъ и не судьей. Что за судья тотъ, который протестуетъ противъ своихъ товарищей—судей? Онъ скорѣе нынѣшній прокуроръ. Если ставить надъ судьями надзирателя, котораго считаютъ, разумѣется, надежнѣе судей, то спрашивается, не лучше ли прямо предоставить одному этому лицу рѣшать дѣла? Если г. Спасовичъ предоставляетъ такую роль выборнымъ судьямъ, то не лучше ли, чтобы ихъ вовсе не было и судъ принадлежалъ бы одному лицу, которое онъ называетъ предсѣдателемъ? Скажемъ кстати: вообще въ тысячу разъ лучше, если судъ состоитъ изъ одного лица, а не изъ нѣсколькихъ лицъ. Напо-

минаемъ читателю превосходную главу «о числѣ судей въ каждомъ судѣ» изъ прекраснаго сочиненія Бентама, «о судоустройствѣ». Мы вполне усвоили себѣ всѣ мысли въ ней выраженные въ пользу *единичнаго суда*.

Первое возраженіе, которое представляется противъ подобнаго устройства суда, состоитъ въ томъ, что если предоставить одному лицу рѣшать дѣла, то оно очень легко можетъ не объять всѣхъ сторонъ дѣла, упустить какія либо обстоятельства его, иногда весьма существенныя. Говорятъ—умъ хорошо, а два лучше. Но это мечта, что при коллегіальномъ устройствѣ суда дѣло разсматривается внимательнѣе. Напротивъ того, чѣмъ больше судей, даже чѣмъ всѣ они добросовѣстнѣе, тѣмъ болѣе они надѣются другъ на друга, тѣмъ спокойнѣе приступаютъ къ разсмотрѣнію дѣла, тѣмъ невнимательнѣе разсматриваютъ; самый добросовѣстный судья при свойственной человѣческой природѣ склонности къ лѣни невольно думаетъ: не бѣда, если я только *проблгу* дѣло, если и упущу какія либо обстоятельства его, другой замѣтитъ ихъ, и дѣло будетъ разрѣшено самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Другой, третій думаетъ то же самое, и въ результатѣ выходитъ, что дѣло не разсмотрѣно со всѣхъ его сторонъ, во всѣхъ его подробностяхъ. Между тѣмъ предоставте-ка рѣшать дѣла одному лицу, съ тѣмъ, разумѣется, чтобы каждый шагъ его могъ контролироваться общественнымъ мнѣніемъ, чтобы не только при докладѣ дѣла присутствовали постороннія лица, но и самыя рѣшенія его могли подвергаться печатному обсужденію,—съ какою осмотрительностію тогда будетъ это лицо приступать къ каждому дѣлу, какъ всѣ его умственные способности будутъ напряжены, чтобы не сдѣлать какаго нибудь промаха, чтобы не осрамить себя передъ обществомъ. Этого страха конечно не бываетъ, когда нѣсколько лицъ разрѣшаютъ дѣла, и чѣмъ многочисленнѣе составъ суда, тѣмъ менѣе каждый чувствуетъ стыдъ ошибочнаго рѣшенія. Наконецъ, нельзя сказать, чтобы единичный судья совершенно былъ предоставленъ однимъ своимъ спламъ,

если судебная часть устроена правильно, т. е. если судья являются естественные помощники въ лицѣ адвокатовъ, которые имѣютъ личный интересъ съ полною ясностью изложить передъ судьей всѣ обстоятельства дѣла и точно опредѣлить всѣ спорные пункты. Но, скажутъ, если и допустить, что единственный судья по самому своему положенію внимательнѣе разсматриваетъ дѣла, чѣмъ коллегія судей, то все таки опасно предоставлять одному лицу такую власть, отъ которой зависитъ жизнь, свобода, честь, собственность частныхъ лицъ. Конечно, власть единичнаго судьи огромна, но за то какъ велика и отвѣтственность его! Въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ коллегія судей. Единичный судья одинъ стоитъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, передъ закономъ. Ему нельзя прятаться за своихъ товарищей, нельзя говорить: рѣшеніе неправильно, но не я одинъ постановилъ его, я даже былъ противнаго мнѣнія, но большинство было противъ меня, и я присталъ къ нему. Отвѣчать одному за судебныя рѣшенія—какая сильная гарантія правильности этихъ рѣшеній. Наконецъ скажутъ, что одному судья не справиться со всѣми дѣлами, производящимися въ его судѣ. Но во первыхъ, принявъ единичную систему суда, увеличьте число самыхъ судебныхъ мѣстъ, отъ этого судебныя мѣста станутъ ближе къ мѣсту жительства тяжущихся, а общее число судей въ государствѣ все таки уменьшится; во вторыхъ, каждый судья можетъ имѣть помощниковъ изъ лицъ, только что окончившихъ юридическій курсъ, которымъ будетъ пріятнѣе познакомиться съ судебною практикою подъ руководствомъ судьи, чѣмъ служить въ канцеляріи какого либо присутственнаго мѣста. Эти помощники, въ случаѣ болѣзни, отпуска, отвода судьи, могутъ исправлять его обязанности. Прибавьте ко всему сказанному, что при меньшемъ количествѣ судей, легче улучшить личный составъ судебныхъ мѣстъ, и не увеличивая особенно расходовъ, легче сдѣлать содержаніе судей, если не «великодушнымъ,» какъ хотеть того г. Спасовичъ, то по крайней мѣрѣ достаточнымъ, а достаточное содержаніе судей новая гарантія правильнаго исполненія ими своего долга.

Отъ окружнаго единичнаго судьи уже мало требовать общаго образованія, нужно, чтобы онъ былъ юристомъ. Но долженъ ли онъ быть назначаема отъ *правительства* или по *выбору*? Г. Спасовичъ считаетъ невозможнымъ комплектованіе окружныхъ судовъ однимъ выборнымъ началомъ по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ онъ не допускаетъ выборныхъ нижнихъ судей. Эти причины, какъ мы видѣли, заключаются въ томъ, что толпа плохой оцѣнщикъ техническихъ способностей и юридической образованности. Мы не понимаемъ, почему общество (или, какъ говорить г. Спасовичъ, толпа) не можетъ судить о юридическихъ способностяхъ кандидата на судебное мѣсто. Оно можетъ видѣть его дипломъ, свидѣтельствующій о полученіи имъ теоретическаго образованія, требовать отъ него удостовѣренія въ томъ, что онъ съ честію извѣстное число лѣтъ послѣ званіе адвоката, или былъ помощникомъ какого либо судьи, наконецъ, при рѣшеніи вопроса о его выборѣ, основываться на его репутаціи. Въ этомъ отношеніи избиратели находятся въ одинаковомъ положеніи съ правительственными лицами. Последнія тоже могутъ судить о способностяхъ желающихъ получить судебныя мѣста только на основаніи ихъ диплома, формулярнаго списка и служебной репутаціи. Наши выборные судьи не потому не вполне удовлетворительны, что они выборные, а потому, что вообще условія поступленія въ судебское званіе у насъ чрезвычайно широки и неопредѣленны. Поэтому нѣтъ необходимости уничтожать выборы въ судебныя должности, а только слѣдуетъ сдѣлать болѣе строгими условія избираемости въ судьи. При этомъ нельзя не замѣтить, что если предоставить судебной власти самостоятельность и независимость отъ административной власти, то избиратели будутъ болѣе дорожить своимъ правомъ выбора и умнѣе пользоваться имъ, чѣмъ въ настоящее время.

Все сказанное нами относится какъ до окружныхъ судовъ, такъ и до судебныхъ палатъ. Только условія для занятія судебской должности въ палатѣ должны быть еще строже; къ ней должны быть допускаемы только прослужившіе извѣстное

число лѣтъ въ низшихъ судахъ. Личный составъ палатъ долженъ быть изъ нѣсколькихъ лицъ потому, что въ палатахъ будетъ болѣе дѣлъ, чѣмъ въ окружныхъ судахъ, но тѣмъ не менѣе въ высшей степени полезно, чтобы и въ судебныхъ палатахъ дѣла рѣшались не коллегіально, а однимъ судьейю.

Въ кассационномъ судѣ другое дѣло: тамъ нужна коллегія, потому что рѣчь идетъ не о простомъ примѣненіи закона, а о разъясненіи его, объ единообразномъ пониманіи его всѣми судебными мѣстами. Въ кассационный судъ должны быть назначаемы правительствомъ лица, пріобрѣвшія извѣстность своими заслугами на судебскомъ или адвокатскомъ поприщѣ.

А. КУЗНЕЦОВЪ.

О ВЛІЯНІИ РОДСТВЕННЫХЪ И ДРУГИХЪ ОТНОШЕНІЙ

НА МѢРУ ВІНЫ

И НАКАЗАНІЯ ПРЕСТУПНИКОВЪ.

При опредѣленіи наказанія нѣсколькимъ лицамъ, участвовавшимъ въ совершеніи одного и того же преступленія, по уложенію о наказаніяхъ различаются, если преступленіе было совершено по предварительному между виновными соглашенію, зачипщники, сообщники, подговорщики или подстрекатели, пособники, которыхъ содѣйствіе было необходимо для совершенія преступленія, пособники, которыхъ содѣйствіе не было необходимо, укрыватели и попустители.

Всѣ эти лица подлежатъ наказанію, въ законахъ опредѣленному за совершенное преступленіе, въ высшей мѣрѣ, одною или двумя степенями ниже (130—137 ст. ул. о нак.).

Въ законѣ положительно опредѣленъ образъ участія въ преступленіи каждаго изъ означенныхъ лицъ, но упущено изъ виду различіе ихъ по степени участія, по отношенію къ предмету и обстоятельствамъ преступленія и къ наказанію, которому каждый изъ нихъ можетъ подлежать.

При примѣненіи уложенія судебныя мѣста въ рѣшеніяхъ своихъ по возможности исправляютъ недостатокъ закона, отступая отъ буквального его смысла. Эти отступленія подають поводъ къ

многочисленнымъ вопросамъ, весьма разнообразно разрѣшаемымъ въ нашей судебной практикѣ.

Въ журналѣ министерства юстиціи въ минувшемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ (*№* 4) былъ разобранъ одинъ изъ этихъ вопросовъ, именно вопросъ о вліяніи родственныхъ и тому подобныхъ отношеній на мѣру вины и наказанія преступниковъ.

Не соглашаясь съ г. Арсеньевымъ, мы постараемся развить наши мысли объ этомъ предметѣ, которыя въ результатахъ представляютъ выводы, почти совершенно противоположные его выводамъ.

Уложеніе о наказаніяхъ отличается вообще чрезвычайно опредѣленностью изложенныхъ въ немъ законовъ. Суду предоставляется, за исключеніемъ весьма немногихъ случаевъ, свобода только въ опредѣленіи мѣры наказанія и эта свобода даже ограничивается правилами, которыми при этомъ должно руководствоваться (141, 146, 147 ст. ул. о нак.).

Эта опредѣленность закона объясняется желаніемъ ограничить произволь суда въ опредѣленіи наказаній, опасностью предоставить свободу судамъ, дѣйствія которыхъ, какъ дѣйствія нашихъ судовъ, могутъ быть повѣряемы только ревизіею дѣлъ и наблюденіемъ министерства юстиціи. Очевидная опасность произвола судовъ при столь недостаточныхъ средствахъ контроля ихъ дѣйствій заставила искать въ опредѣленности закона средство огражденія подсудимыхъ.

Но стремясь ограничить произволь суда, законъ опредѣленностью своею стѣсняетъ необходимую свободу его дѣйствій. Очерчивая кругъ, за предѣлы котораго не можетъ переступить судья, законъ ставитъ его въ невозможность разрѣшить правильно частный случай, выходящій изъ очерченнаго закономъ круга. Мы не беремъ въ настоящее время на себя разрѣшить вопросъ о томъ, искупается ли пользою, приносимою опредѣленностью закона, простирающеюся изъ нея вредъ, мы указываемъ на нее, какъ на источникъ многихъ недоумѣній, возникающихъ въ примѣненіи закона. При разрѣшеніи этихъ недоумѣній, практика, въ видахъ предупрежденія вредныхъ послѣдствій, могущихъ произойти отъ

примѣненія закона въ буквальномъ его смыслѣ, отступаетъ отъ него. Мы считаемъ эти отступленія необходимыми, но находимъ ихъ возможными и правильными только при извѣстныхъ условіяхъ, которыми ограждается произволь въ толкованіи закона.

Кромѣ абсолютной справедливости принципа, на которомъ основано отступленіе отъ буквального смысла закона, необходимо, во первыхъ, чтобы онъ былъ сообразенъ съ внутреннимъ смысломъ закона, во вторыхъ, чтобы онъ былъ одинаково примѣняемъ ко всемъ аналогичнымъ частнымъ случаямъ.

Понятіе объ абсолютной справедливости само по себѣ понятіе весьма относительное, одно лицо можетъ быть добросовѣстно убѣждено въ абсолютной справедливости извѣстнаго принципа, который можетъ быть по одинаково добросовѣстному убѣжденію другого лица абсолютно несправедливъ. Несомнѣнныя истины, до которыхъ доходила наука, становятся со временемъ несомнѣнными нелѣпостями.

Поэтому примѣненіе на практикѣ всякой юридической истины должно быть ограничено тѣми положеніями, которыя признаются за абсолютно истинными закономъ. Произволь свободы произвольнѣе произвола закона. Независимо отъ того, что онъ противенъ закону, онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допущенъ въ вопросѣ столь важномъ, какъ вопросъ о наказаніи.

Какъ справедливость наказанія обуславливается равенствомъ его при равенствѣ вины, такъ справедливость каждаго принципа, на которомъ основано отступленіе отъ закона, обуславливается справедливостью въ примѣненіи его къ каждому отдѣльному аналогичному случаю.

Руководствуясь изложенными соображеніями, мы признаемъ совершенно правильными рѣшенія судовъ, которыми опредѣляется наказаніе укрывателю кражи со взломомъ, которому обстоятельство взлома не было извѣстно, какъ за укрывательство простой кражи, пособнику убійства женою мужа, который не зналъ объ особенныхъ отношеніяхъ убійцы къ жертвѣ преступленія, какъ пособнику простаго убійства. Непра-

ведливо было бы вмѣнять этимъ преступникамъ въ вину такія обстоятельства преступления, которыя не были имъ извѣстны и не могли имѣть вліянія на рѣшимость ихъ совершить преступленіе; нашъ уголовный законъ для вмѣненія преступления требуетъ существованія преступнаго умысла, несомнѣнно доказаннаго; слѣдовательно принятое въ разрѣшеніи приведенныхъ случаевъ положеніе согласно съ внутреннимъ смысломъ закона, и мы не находимъ примѣра, въ которомъ примѣненіе этого положенія оказалось бы несправедливымъ.

Соглашаясь безусловно съ необходимостью и правильностью отступленія отъ буквальнаго смысла закона въ примѣрѣ наказанія пособника въ убійствѣ мужа женою, мы, согласно съ г. Арсеньевымъ, находимъ вообще неправильнымъ и невозможнымъ буквальное примѣненіе закона о наказаніи участниковъ преступления въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ нихъ состоитъ въ особенныхъ отношеніяхъ съ жертвою преступления.

Въ доказательство невозможности такого примѣненія закона приведены три примѣра: А замышляетъ убить жену свою и подговариваетъ къ тому еще двухъ лицъ, Б и В, которыя вмѣстѣ съ нимъ и совершаютъ преступленіе, Г помогаетъ имъ, но такимъ образомъ, что преступленіе могло быть совершено и безъ его содѣйствія, Д не препятствуетъ имъ совершить преступленіе, Е укрываетъ его.

По буквѣ закона А, Б и В подлежатъ наказанію по 1 степ. 21 ст., Г по 2-й степени, Д и Е по 3-й степени той же статьи. По мнѣнію г. Арсеньева, слѣдуетъ опредѣлить наказаніе А по 1-й степ. 21 ст., Б и В по 3-й, Г по 4-й, Д и Е по 5-й степени той же статьи.

А, задумавъ убить жену свою Б, подговорилъ къ тому постороннее лицо В, которое и совершаетъ убійство.

По буквѣ закона А и В подлежатъ наказанію по 3-й степени 21 статьи, слѣдовательно убійство жены черезъ посредство другаго лица выгодноѣ для А, потому что, совершивъ самъ преступленіе, онъ подвергся бы наказанію по 1-й степени 21 статьи.

А убиваетъ Б, посторонняго ему человѣка, В жена Б помогаетъ А въ совершеніи убійства такимъ образомъ, что пособничество ея представляется необходимымъ для достиженія преступной цѣли.

По буквѣ закона Б подлежитъ наказанію по 3-й степени 21 статьи, которому подверглось бы и лицо въ равной степени по обстоятельствамъ дѣла виновное, но не связанное никакими отношеніями съ жертвою преступления.

Останавливаясь на послѣднемъ примѣрѣ, мы находимъ, что онъ совершенно доказываетъ необходимость отступленія въ подобныхъ случаяхъ отъ буквы закона.

При убійствѣ родственныя отношенія убійцы къ убитому по закону составляютъ особенное обстоятельство преступления, которое увеличиваетъ наказаніе при предумышленномъ убійствѣ двумя степенями, при убійствѣ безъ обдуманнаго заранѣ намѣренія одною степенью.

Сіе обстоятельство равно относится къ убійцѣ, родственнику убитаго, какъ и къ родственнику, пособнику преступления. Поэтому, когда при убійствѣ безъ обдуманнаго заранѣ намѣренія или при предумышленномъ убійствѣ участникомъ преступления нарушены его родственныя отношенія, наказаніе его должно быть увеличено въ первомъ случаѣ одною, во второмъ двумя степенями.

Изъ этого общаго правила г. Арсеевъ допускаетъ исключеніе въ томъ случаѣ, когда преступникъ принялъ участіе въ преступленіи послѣ смерти жертвы преступления. Конечно, смертью прекращаются всѣ обязанности, пронтекающія изъ союза семейственнаго, но они прекращаются съ точки зрѣнія закона; смерть не вдругъ прекращаетъ чувство, всякое дѣйствіе противное которому мы признаемъ безнравственнымъ. Принимая, что наказаніе преступника опредѣляется субъективною стороною преступления, т. е. нравственною виновностью преступника, намъ кажется, мы не можемъ не признать лицо, совершившее это безнравственное дѣйствіе, подлежащимъ опредѣляемому закономъ увеличенію слѣдующаго

ему за совершенное преступление наказанія одною или двумя степенями.

Въ видахъ поддержанія союза семейственнаго, признаваемого закономъ необходимымъ для блага общественнаго, уложение о наказаніяхъ охраняетъ родственныя отношенія, за нарушение которыхъ при совершеніи преступленія опредѣляетъ высшую степень наказанія. Засимъ возникаетъ вопросъ: охраняетъ ли законъ союзъ семейственный отъ нарушения его членами союза или также отъ нарушеній его всякимъ другимъ лицомъ. Разрѣшая этотъ вопросъ положительно, мы находимъ, что согласно цѣли и внутреннему смыслу закона, наказаніе, опредѣляемое за нарушение убійствомъ простыхъ отношеній, при предумышленномъ нарушеніи родственныхъ отношеній должно быть возвышено двумя степенями, при нарушеніи ихъ безъ обдуманнаго заранее намѣренія одною степенью. Поэтому мы не раздѣляемъ мнѣнія г. Арсеньева въ разрѣшеніи перваго изъ вышеприведенныхъ примѣровъ опредѣленіемъ наказанія Б и В по 3-й степ. 21 ст., Г по 4-й, Д и Е по 5-й степени той же статьи. Всѣ эти лица, принимая участія въ убійствѣ А жены его, нарушили охраняемые закономъ родственныя отношенія. Нарушеніе это было предумышленное, за которое законъ опредѣляетъ возвышеніе наказанія двумя степенями, поэтому и наказаніе каждаго изъ нихъ должно быть возвышено двумя степенями.

Что касается до втораго примѣра, въ которомъ А, задумавъ убить жену свою Б, подговорилъ къ тому постороннее лицо В, мы расходимся съ г. Арсеньевымъ въ буквальномъ пониманіи словъ 132 ст. ул. о нак. къ *коему они подговаривали*. В, убивъ Б, совершилъ простое предумышленное убійство, но А подговаривалъ его къ убійству жены, поэтому онъ подлежитъ наказанію по 1-й степени 21 статьи, именно на основаніи этихъ словъ закона. Эти слова доказываютъ, что наказаніе подговорщику должно быть опредѣляемо не за то преступленіе, которое совершено подговореннымъ имъ лицомъ, но именно за то преступленіе, которое подговорщикъ

имѣлъ въ виду. Поэтому опредѣленіе А наказанія по 3-й степени 21 статьи можетъ только служить доказательствомъ нелѣпости рѣшенія по своей неправильности. Правильное разрѣшеніе дѣла по закону со всѣхъ точекъ зрѣнія представляется правильнымъ.

Разсмотрѣвъ вопросъ о вліяніи родственныхъ отношеній, г. Арсеньевъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Родственныя отношенія одного изъ преступниковъ къ жертвѣ преступленія не могутъ имѣть послѣдствіемъ возвышенія наказанія прочихъ участниковъ преступленія, которые должны быть наказываемы точно такъ, какъ если бы этихъ отношеній вовсе не существовало.

2) Родственныя отношенія одного изъ преступниковъ къ жертвѣ преступленія во всякомъ случаѣ должны имѣть послѣдствіемъ возвышеніе наказанія преступника, если только участіе его въ преступленіи сопряжено было съ непосредственнымъ нарушеніемъ родственной связи. Такимъ участіемъ нельзя считать укрывательство преступленія или преступника или недонесеніе о содѣянномъ преступленіи.

Въ основаніи этихъ выводовъ мы находимъ слѣдующее положеніе:

Степень и мѣра наказанія опредѣляются субъективною стороною преступленія, т. е. нравственною виновностью, отъ которой зависитъ и юридическая виновность преступника.

Разнообразіе и число теорій уголовного права, изъ которыхъ каждая имѣетъ своихъ послѣдователей и своихъ противниковъ, указываютъ на затруднительность абсолютнаго разрѣшенія уголовныхъ вопросовъ, указывая съ тѣмъ вмѣстѣ и на осторожность, съ которою должно примѣнять въ практикѣ истины уголовной науки. Мы того мнѣнія, что судъ долженъ подчиняться предписаніямъ закона, а потому положенія г. Арсеньева приводятъ насъ къ вопросу о томъ, опредѣляется ли въ уложеніи о наказаніяхъ степень и мѣра наказанія только нравственною виновностью преступника.

При разрѣшеніи этого вопроса, намъ могутъ привести

столько же примѣровъ, которые даютъ отрицательный отвѣтъ, сколько примѣровъ, которые даютъ отвѣтъ положительный.

За святотатство опредѣляются весьма тяжкія наказанія въ сравненіи съ наказаніями, опредѣляемыми за воровство, очевидно въ виду большой злой воли, необходимой въ преступникѣ для нарушенія правъ собственности церкви.

За поддѣлку россійской монеты виновные подвергаются наказанію двумя степенями выше наказанія за поддѣлку монеты иностраннаго чекана, очевидно въ виду большей опасности государству отъ перваго преступленія.

Виновный въ поддѣлкѣ документа съ намѣреніемъ сократить карантинные обряды, когда онъ прибылъ изъ мѣста, гдѣ свирѣпствуетъ чума, подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни, очевидно для предупрежденія преступленія по его опасности.

Конечно, чтобы украсть вещь, стоящую 29 рублей, не нужно болѣе злой воли чѣмъ чтобы украсть вещь, стоящую 31 рубль; чтобы украсть лошадь не нужно болѣе злой воли, чѣмъ для всякой другой кражи, между тѣмъ за кражу предмета, коего цѣна выше тридцати рублей и за кражу лошади уложеніе назначаетъ большее наказаніе.

Убийца, который лишилъ жизни убитое имъ лицо чрезъ истязанія, или передъ тѣмъ подвергалъ его какимъ либо жестокимъ мученіямъ, выказываетъ большую степень злой воли и въ виду его нравственной виновности уложеніе о наказаніяхъ опредѣляетъ ему наказаніе по 2-ой степени 21 статьи; тотъ, который, рѣшившись на убійство, избралъ средствомъ къ достиженію своей цѣли отравленіе, не выказалъ этимъ особенной нравственной испорченности, но такъ какъ избранное имъ средство опаснѣе всякаго другаго для жертвы преступленія, то уложеніе о наказаніяхъ опредѣляетъ отравителю наказаніе по 2-ой степени 21 статьи.

Если вы увлекаетесь фактической стороною преступленія, вы находите въ законѣ примѣры, которые васъ оправдываютъ, если вы увлекаетесь нравственною стороною, многіе примѣры подтверждаютъ, что вы правы въ вашемъ увлеченіи

Если не наказывать за воровство, число воровъ безконечно увеличится. Трудно оспаривать это предположеніе, а между тѣмъ оно приводитъ къ заключенію, что цѣль наказанія есть предупрежденіе преступленій. Въ виду этой цѣли при опредѣленіи степени и мѣры наказанія за преступленія получаетъ огромное значеніе ихъ фактическая сторона. Мы поэтому уже не можемъ согласиться съ г. Арсеньевымъ въ томъ, что юридическая виновность преступника зависитъ только отъ субъективной стороны преступленія. Этою стороною, по нашему мнѣнію, обусловливается только справедливость наказанія, справедливость степени его и мѣры. Никакія причины, никакая цѣль не могутъ оправдать нарушеніе границъ нравственной справедливости. Нарушеніе закономъ этой справедливости приводитъ къ самымъ плачевнымъ результатамъ, но если законъ нарушаетъ ее, вправѣ ли судъ исправлять этотъ недостатокъ закона. Намъ кажется, что это превышаетъ власть суда и мы во всякомъ случаѣ предпочитаемъ въ судѣ подчиненіе абсолютно несправедливымъ законамъ превышенію его власти. Мы соглашамся съ г. Арсеньевымъ въ томъ, что несправедливо въ вышеприведенномъ примѣрѣ подвергнуть Г, котораго участіе въ убійствѣ А жены его состояло въ томъ, что онъ караулилъ у дверей дома, гдѣ совершалось убійство, наказанію по 2 степени 21 статьи, одною степенью выше виновнаго въ обыкновенномъ предумышленномъ убійствѣ, но мы находимъ это опредѣленіе наказанія правильнымъ по закону, которому и подчиняемся. Для поясненія нашей мысли возьмемъ примѣръ внѣ предѣловъ нашего спора. А по предварительному соглашенію съ В и Г убиваетъ Б, В во время убійства держитъ жертву преступленія, Г караулитъ у дверей. Пособничество В и Г не было необходимо, А могъ обойтись безъ ихъ содѣйствія. На основаніи 2003 и 133 статей уложенія о наказаніяхъ В и Г подлежатъ наказанію по 3 степени 21 статьи. Какъ мы находимъ несправедливымъ въ предъидущемъ примѣрѣ назначить наказаніе пособнику Г выше наказанія, опредѣляемаго за обыкновенное предумышленное убійство, такъ

въ настоящемъ примѣрѣ мы находимъ несправедливымъ опредѣлить равное наказаніе В и Г, которые по степени участія ихъ въ преступленіи выказали столь различную степень злой воли. Но никто не будетъ спорить противъ правильности послѣдняго рѣшенія, правильности подчиненія суда закону, который, опредѣленностью своею ограничивая свободу суда въ опредѣленіи наказанія участникамъ преступленія сообразно съ обстоятельствами ихъ участія, предписываетъ подвергнуть ихъ тому же наказанію, какъ виновника преступленія, если ихъ участіе было необходимо, и смягчить наказаніе одною степенью, если ихъ участіе не было необходимо.

Возвращаясь къ вопросу о томъ, опредѣляется ли въ уложеніи о наказаніяхъ степень и мѣра наказанія только нравственною виновностью преступника, по многочисленнымъ примѣрамъ, которые могутъ быть приведены въ пользу положительнаго и отрицательнаго отвѣта, мы приходимъ къ убѣжденію, что уложеніе признаетъ право гражданства какъ за субъективной, такъ и за объективной стороною преступленія, имѣетъ въ виду при опредѣленіи наказаній какъ предупредить преступленіе, такъ и подвергнуть преступника такому злу, которое было бы справедливо по отношенію къ его безнравственности.

Увеличеніе степени наказанія въ извѣстныхъ случаяхъ соотвѣтствуетъ цѣли предупрежденія наказанія, обусловливаясь степенью злой воли преступника въ отношеніи къ обстоятельству, подавшему поводъ къ увеличенію наказанія. Родственные отношенія охраняются и чтятся закономъ, нарушеніе ихъ опасно для государства, какъ посягательство на святость союза, который признается основою общественнаго благосостоянія, поэтому законъ увеличиваетъ наказаніе нарушителей родственныхъ отношеній. Это увеличеніе наказанія обусловливается и оправдывается нравственною виновностью преступника, нарушившаго родственные отношенія. Намъ кажется, что наше толкованіе подтверждается примѣромъ многихъ отношеній, въ нарушеніи которыхъ выражается столько же злой воли, какъ и въ нарушеніи родственныхъ отношеній, но въ виду которыхъ законъ остается равнодушнымъ, потому что не

видитъ въ нарушеніи ихъ того вреда, который видитъ въ нарушеніи отношеній родственныхъ. Человѣкъ убиваетъ своего друга, связаннаго съ нимъ тысячею разныхъ узъ, свою любовницу, мать его дѣтей—безъ сомнѣнія онъ выказываетъ большую степень злой воли, нежели убійца человѣка, не находившагося съ нимъ ни въ какихъ отношеніяхъ, но законъ не дѣлаетъ между этими преступленіями никакого различія. Допуская эти мотивы закона при увеличеніи наказанія за нарушеніе родственныхъ отношеній, мы приходимъ къ убѣжденію, что это увеличеніе должно относиться ко всѣмъ участникамъ преступленія и при всѣхъ видахъ участія. Намъ кажется, что по смыслу статей закона судъ не вправѣ принять толкованіе г. Арсеньева, хотя болѣе гуманное, въ выводахъ своихъ болѣе абсолютно правильное, но несогласное съ смысломъ закона. Мы не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, которые говорятъ, что для нарушенія чужихъ родственныхъ отношеній нужно столько же злой воли, сколько и для нарушенія своихъ собственныхъ, поэтому мы несогласны съ принципомъ уложенія, которое во всякомъ случаѣ увеличиваетъ наказаніе при предумышленномъ убійствѣ двумя степенями, при убійствѣ безъ обдуманнаго заранее намѣренія одною степенью. Явная несправедливость нѣкоторыхъ наказаній при примѣненіи этого принципа оправдываетъ наше несогласіе, но принимая во вниманіе, что вредъ, наносимый общественному организму фактомъ нарушенія преступленіемъ родственныхъ отношеній одинаково наносится всѣми участниками преступленія, что для содѣйствія нарушенію родственныхъ отношеній нужно болѣе злой воли, нежели для содѣйствія нарушенію простыхъ отношеній, мы находимъ, что при родственномъ убійствѣ наказаніе участниковъ преступленія должно быть увеличиваемо сообразно съ мѣрою и обстоятельствами участія въ преступленіи, безъ сомнѣнія менѣе для тѣхъ лицъ, которые непосредственно нарушили родственныя отношенія. Находя принципъ уложенія неправильнымъ, мы не признаемъ за судомъ права толкованіемъ закона исправлять принципъ, потому что не находимъ никакого сомнѣнія въ примѣненіи закона. Истина, признаваемая закономъ, совершенно ясна,

при предумышленномъ родственномъ убійствѣ слѣдуетъ увеличивать наказаніе двумя степенями, при убійствѣ безъ обдуманнаго заранѣ намѣренія одною степенью; мы не видимъ основанія перейти отъ нея къ предположенію, что въ извѣстныхъ случаяхъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, достаточно увеличивать только мѣру наказанія.

Для большаго уясненія нашей мысли мы укажемъ на примѣненіе ея въ примѣрахъ, приведенныхъ г. Арсеньевымъ. Крестьянинъ А долго состоялъ въ связи съ крестьянкою Б, по убѣжденію родственниковъ А женился на болѣе зажиточной крестьянкѣ М и прекратилъ на время сношенія съ Б, но сношенія эти скоро возобновились, Б старалась всѣми силами произвести раздоръ между мужемъ и женою, возстановить перваго противъ послѣдней, и наконецъ стала угаваривать А убить М и потомъ жениться на ней. Какъ ни сильно было вліяніе Б на А, послѣдній долго не соглашался на преступленіе. Наконецъ, уступая усиленнымъ просьбамъ Б, онъ рѣшился умертвить жену свою, и исполнилъ это въ томъ мѣстѣ и въ то время, которыя были указаны ему Б. Дѣло изложено согласно показанію А, потому что Б конечно старалась свалить всю вину на А и сознавалась только въ знаніи о его преступномъ умыслѣ. При рѣшеніи дѣла Б была признана виновною въ подговорѣ и подстрекательствѣ А къ убійству жены его. На основаніи 2000 ст. ул. о нак. А былъ приговоренъ къ наказанію по 1 й степени 21 статьи.

Разрѣшая вопросъ о томъ, какъ должна быть наказана Б, за подстрекательство къ убійству жены по 1 степени 21 статьи, или за подстрекательство къ простому предумышленному убійству, по 3 й степени 21 статьи, г. Арсеньевъ находитъ, что она должна быть подвергнута высшей мѣрѣ наказанія по 3-й степени 21 статьи. Имѣя въ виду, что по закону родственныя отношенія при предумышленномъ убійствѣ признаются обстоятельствомъ, увеличивающимъ наказаніе двумя степенями, мы находимъ, что Б подлежитъ наказанію по 1-й степени 21 статьи.

Въ оправданіе своего предположенія г. Арсеньевъ приводитъ, что Б въ томъ случаѣ, если бы она сама совершила преступленіе, подлежала бы наказанію только по 3-й степени 21 статьи и находитъ разницу въ винѣ ея между обоими случаями весьма незначительную, именно только ту, что она привлекла къ преступленію другое лицо, за что наказаніе должно быть ей увеличено по закону только въ мѣрѣ. Мы съ своей стороны находимъ значительную разницу въ ея винѣ: въ подговорѣ мужа къ убійству жены, мы видимъ болѣе злой воли нежели въ совершеніи простаго убійства, и хотя находимъ увеличеніе наказанія двумя степенями чрезмѣрнымъ съ степенью злой воли, но признаемъ правильнымъ опредѣленіе суда, который назначилъ бы Б наказаніе по 1-й степени 21 статьи, потому что это опредѣленіе согласно съ требованіемъ закона.

Солдаты А состоялъ въ любовной связи съ крестьянкою Б, бывшею за мужемъ за крестьяниномъ В. Однажды вечеромъ, когда А былъ въ домѣ В, между ними произошла сильная ссора, во время которой А схватилъ лежавшій на столѣ ножъ и вонзилъ его въ грудь В, отъ чего послѣдній тотчасъ же умеръ. Тогда А позвалъ Б, находившуюся въ другой комнатѣ и не успѣвшую предупредить убійства, и отчасти угрозами, отчасти просьбами убѣдилъ ее вынести трупъ въ поле, гдѣ онъ и помогъ ей зарыть его въ землю. Затѣмъ Б по приказанію А вымыла полъ въ избѣ, вычистила ножъ и вообще помогала А въ сокрытіи слѣдовъ убійства. Судъ призналъ А виновнымъ въ убійствѣ В безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, и приговорилъ его къ наказанію по 4-й степ. 21 статьи. (ст. 2004 ул. о нак.). Б была признана виновною въ укрывательствѣ убійства, и слѣдовательно подлежащею наказанію двумя степенями ниже А, т. е. по 6-й степени 21 статьи.

Мы уже сказали о нашемъ несогласіи съ г. Арсеньевымъ, который находитъ, что Б не подлежитъ увеличенію наказанія вслѣдствіе родственныхъ отношеній ея къ В, потому что смертию В прекратились эти отношенія, и принимая во вни-

маніе эти отпошенія, признаемъ, что ей слѣдовало бы увеличить наказаніе одною степенью.

Оканчивая этими примѣрами нашъ взглядъ на правильное примѣненіе дѣйствующихъ законовъ, мы позволимъ себѣ выразить надежду, что по поводу нашего спора съ г. Арсеньевымъ высказаны будутъ другіе взгляды и убѣжденія и приведены рѣшенія судебныхъ мѣстъ для опредѣленія принциповъ, которыми въ возбужденномъ вопросѣ руководствуется судебная практика. Бракъ въ крестьянскомъ сословіи подчиненъ произволу родительской власти, однимъ изъ послѣдствій котораго являются часто повторяющіеся случаи убійства мужей ихъ женами, которыя прибѣгаютъ къ этому крайнему средству, какъ единственному, чтобы разорвать неразрывныя узы, ихъ связывающія. Въ виду этого правильное разрѣшеніе вопроса о вліяніи родственныхъ отношеній, какъ съ теоритической, такъ и съ законной точки зрѣнія, независимо отъ значенія этого вопроса вообще, представляется чрезвычайно важнымъ, что даетъ намъ и основаніе къ высказанной нами надеждѣ.

И. Ш.

О ПОКУШЕНІИ НА ПРЕСТУПЛЕНІЕ

НЕГОДНЫМИ СРЕДСТВАМИ.

(Из Миттермайера).

По вопросу о томъ, «подлежитъ ли наказанію покушопіе на преступленіе, если не доставало самаго объекта преступленія или извѣстныхъ признаковъ, требуемыхъ закономъ для состава преступленія»,—мы находимъ уже указанія въ римскомъ правѣ, которое признавало, что въ такихъ случаяхъ не слѣдуетъ считать покушеніе подлежащимъ наказанію.

Такъ, по мнѣнію юриста Павла, не подлежитъ наказанію тотъ, кто хотѣлъ уничтожить духовное завѣщаніе, въ полномъ убѣжденіи, что оно было вѣрное и дѣйствительное, между тѣмъ какъ впоследствии оказалось, что оно было подложнымъ. Признавая вѣрность такого взгляда, послѣдующая практика имѣла достаточное основаніе не считать покушенія подлежащимъ наказанію и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ кто-нибудь ранилъ бы трупъ, полагая, что убиваетъ своего врага; или укралъ свою собственную вещь, принимая ее за чужую; или, наконецъ, если-бы дѣвушка приняла средство для изгнанія плода, неосновательно думая, что она беременна.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ не хотѣли наказывать одно только злое намѣреніе обвиняемаго, такъ какъ не доставало самаго объекта преступленія и самыхъ существенныхъ признаковъ, требуемыхъ закономъ для состава преступленія.

Основываясь на этомъ, правилъ и разсуждая послѣдовательно, слѣдуетъ признавать безнаказанность обвиняемаго и въ томъ случаѣ, когда онъ для совершенія своего преступленія употребилъ средства, при которыхъ ни въ какомъ случаѣ не возможно было совершеніе преступленія, хотя обвиняемый и считалъ ихъ годными для этого.

Прежде всего мы находимъ примѣненіе этого взгляда у итальянскихъ писателей, именно у Карминьяни и Жіудіани, а впоследствии и у многихъ другихъ, когда чаще стали слѣдовать тому мнѣнію, что покушеніе подлежитъ только тогда наказанію, когда въ немъ заключается начало совершенія. Такъ Росси старается доказать, что нѣтъ никакого основанія говорить о началѣ совершенія преступленія, когда предпринимается что-нибудь невозможное, неисполнимое. Слѣдовательно, когда кто-нибудь намѣревается отравить другаго и высыпаетъ въ приготовленный для него напитокъ *камедь*, вмѣсто мышьяку, то онъ не начинаетъ еще совершать преступленіе отравленія, потому что для этого существенно необходимъ какой-нибудь *ядъ*, а не *камедь*, которою невозможно отравить человѣка.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда наступило время составленія новыхъ кодексовъ, вопросъ о наказуемости покушенія, предпринятаго съ негодными средствами, сдѣлался предметомъ жаркихъ препій въ законодательныхъ собраніяхъ. Такъ въ 1808 году Фейербахъ предлагалъ въ своемъ проектѣ кодекса уголовныхъ законовъ для Баваріи слѣдующее узаконеніе: «Покушеніе на преступленіе не наказывается, если внѣшнее дѣйствіе не было въ связи съ преступленіемъ, такъ что послѣднее, по естественному ходу, никакъ не могло совершиться»;—но коммисія не приняла его взгляда, боясь злоупотребленій и утверждая, что *намереніе* дѣйствовавшего должно главнымъ образомъ служить мѣриломъ его вины.

Напрасно ищемъ мы въ ученыхъ изслѣдованіяхъ этого времени хотя малѣйшаго согласія и ясности по этому вопросу. Практика, зависящая всегда болѣе или менѣе отъ результатовъ науки, представляетъ еще менѣе удовлетворительный

выводъ. Причина этого заключалась во вредномъ вліяніи, которое оказывала теорія устрашенія и предупрежденія на юристовъ тогдашняго времени, которые вслѣдствіе этого не могли отказаться отъ своего ложнаго мнѣнія, что слѣдуетъ наказывать и одно злое намѣреніе, когда даже не было совершено преступленія.

Въ позднѣйшихъ нѣмецкихъ законодательныхъ собраніяхъ начали уже иначе рѣшать настоящей вопросъ, что было слѣдствіемъ увеличенія числа тѣхъ писателей, которые признавали покушеніе не подлежащимъ наказанію, когда оно было предпринято съ негодными средствами. Вездѣ однако была замѣтна еще борьба прежнихъ мнѣній съ новѣйшими, которая особенно высказывалась въ преніяхъ, возникшихъ по поводу изданія новаго свода уголовныхъ законовъ для баденскаго государства.

Миттермайеръ предложилъ комиссіи, учрежденной для этой цѣли, признать въ законѣ безнаказанность лица, употребившаго совершенно негодныя средства. Нѣсколько членовъ комиссіи соглашались съ нимъ, но большинство считало подобное узаконеніе опаснымъ для общаго спокойствія и отвергло его. Въ окончательномъ рѣшеніи однако постановили: 1) что слѣдуетъ наказывать употребленіе негодныхъ средствъ только тогда, когда обвиняемый по ошибкѣ, или по другимъ обстоятельствамъ употребилъ вмѣсто дѣйствительнаго, ему извѣстнаго средства, какое-нибудь другое, недѣйствительное средство; 2) примѣнить этотъ законъ только къ тяжкимъ преступленіямъ и 3) назначать только меньшую степень наказанія.

Другое направленіе приняла кодификація въ послѣднее десятилѣтіе. Стали болѣе и болѣе сокращать содержаніе сводовъ, оставляя рѣшеніе отдѣльныхъ спорныхъ вопросовъ науцѣ и обсужденію судей. Это направленіе было особенно замѣтно въ прусскихъ законодательныхъ собраніяхъ, въ которыхъ рѣшили не вводить въ сводъ особеннаго узаконенія о настоящемъ вопросѣ, но оставлять рѣшеніе его въ отдѣльныхъ случаяхъ на обсужденіе судей. Этому мнѣнію слѣдуютъ те-

перь преимущественно при составленіи новыхъ кодексовъ. Что касается до прусской судебной практики, то она сначала рѣшила настоящій вопросъ въ пользу того мнѣнія, что не слѣдуетъ наказывать обвиняемаго въ тѣхъ случаяхъ, когда недоставало самаго объекта преступленія и когда покушеніе на преступленіе было предпринято съ негодными средствами. Но, опасаясь слишкомъ расширить понятіе о безнаказанности покушенія, она стала различать въ отдѣльныхъ случаяхъ, было-ли употреблено средство абсолютно или только относительно негодное, и большею частію считала наказаніе умѣстнымъ только въ послѣднемъ случаѣ.

Во французскомъ законодательствѣ мы не находимъ особеннаго узаконенія для разрѣшенія настоящаго вопроса; но наука, какъ и судебная практика согласны въ томъ, что не должно считать покушенія такого рода (*tentative vaine*) подлежащимъ наказанію. Замѣчательно притомъ, что французская уголовная практика чрезвычайно бѣдна примѣрами подобныхъ случаевъ. Это объясняется тѣмъ, что государственные прокуроры оставляютъ обыкновенно преслѣдованіе, зная впередъ, что присяжные освободятъ подсудимаго отъ всякаго наказанія. Въ одномъ случаѣ подобнаго рода ахенскій уголовный судъ приговорилъ къ наказанію обвиняемаго, хотѣвшаго выстрѣлить въ одного человѣка изъ ружья, уже разряженнаго другимъ лицомъ безъ его вѣдома. Почти всѣ писатели не одобрили этого приговора. Напротивъ того монпельскій судъ въ приговорѣ 26 февраля 1852 г. не призналъ покушенія подлежащимъ наказанію въ томъ случаѣ, когда одинъ человѣкъ выстрѣлилъ въ комнату другаго, думая, что послѣдній находится въ ней, между тѣмъ какъ его не было дома.

И прежніе и новѣйшіе французскіе писатели, какъ: Rossi, Rauter, Voitard, Bertauld, Trébutien, Ortolan, Nypels и друг., вообще согласны въ томъ, что покушеніе не можетъ быть наказываемо, если оно было предпринято съ негодными средствами. Но мы и здѣсь замѣчаемъ различіе въ примѣненіи этого основнаго правила. Большинство писателей принимаетъ, напримѣръ, безнаказанность дѣйствій подсудимаго

только въ тѣхъ случаяхъ, когда употребляются абсолютно негодныя средства; отрицаетъ же примѣненіе этого правила при относительной, случайной негодности. Оттого общимъ голосомъ не одобрили приговора, состоявшагося въ Нидерландахъ въ 1857 году, которымъ освободили отъ всякаго наказанія того, который хотѣлъ отравить другаго сѣрвой кислотой. Правда, что ядъ этотъ былъ разведенъ водою, и лицо, которому подали его подмѣшаннымъ въ кофе, тотчасъ-же выплюнулъ его по причинѣ его отвратительнаго вкуса; но тѣмъ не менѣе могли справедливо считать этотъ приговоръ невѣрнымъ, потому что здѣсь было употреблено средство абсолютно годное и только счастливый случай помѣшалъ подсудимому достигнуть своей цѣли.

Англійская уголовная практика представляетъ также мало примѣровъ по нашему вопросу, и именно по той же причинѣ, по которой во Франціи не преслѣдуютъ покушеній подобнаго рода. Только въ отношеніи къ преступленію изгнанія плода установлено новѣйшимъ законодательствомъ наказаніе за всякое покушеніе на это преступленіе, не принимая въ уваженіе ни употребленное средство, ни физическое состояніе женщины. Покушеніе наказывается, если женщина даже не была беременна, или средство никогда не могло имѣть желаемаго успѣха. Этимъ строгимъ опредѣленіемъ хотѣли разомъ окончить всѣ споры, постоянно возникающіе по этому преступленію. Въ отношеніи къ другимъ преступленіямъ мы не видимъ этой строгости, такъ наприм., въ случаяхъ отравленія требуется въ indictment точнаго опредѣленія рода и свойства употребляемаго яда.

Въ сѣверной Америкѣ держатся большею частію вышеизложенныхъ мнѣній, господствующихъ въ Англій.

Въ Германіи увеличивается въ новѣйшее время все болѣе и болѣе число тѣхъ писателей, которые исключаютъ наказаніе въ случаяхъ, касающихся до нашего вопроса, хотя нѣкоторые, какъ напримѣръ Гельшперъ, Баръ и Кругъ еще возстаютъ противъ безусловнаго примѣненія вышеизложеннаго правила, допуская много исключеній. Между

послѣдними писателями заслуживаютъ особеннаго вниманія остроумныя изслѣдованія Гельшнера и Бара.

Первый основываетъ свое мнѣніе на ученіи объ ошибкахъ и заблужденіи, которыя не уничтожаютъ существо дѣйствія, такъ какъ оно было предпринято съ знаніемъ и намѣреніемъ. Онъ принимаетъ за покушеніе, подлежащее наказанію, всякое дѣйствіе, обнаруживающее связь (Causalzusammenhang) между задуманнымъ преступленіемъ и дѣйствіемъ, принимаемымъ для осуществленія его.

Мы убѣждены, что безуспѣшность дѣйствія только тогда не уничтожаетъ вѣнченія, когда она произошла вслѣдствіе обстоятельствъ, не зависѣвшихъ отъ воли обвиняемаго, между тѣмъ какъ всѣ прилагаемыя средства могли ручаться за успѣхъ. Напримѣръ, если пуля отскочила, или тотъ, кого хотѣли застрѣлить, бросился въ сторону и только этому обстоятельству обязанъ былъ спасеніемъ, или если раненнаго вылѣчилъ искусный врачъ. Но во всѣхъ другихъ случаяхъ, ошибка обвиняемаго будетъ касаться самаго существа дѣйствія и не можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ *преступленіе*, по недостатку самыхъ существенныхъ признаковъ, требуемыхъ закономъ для состава его. Мнѣніе Гельшнера находится въ прямомъ противорѣчій съ ясными словами закона, требующаго для наказанія дѣйствія, достаточнаго для совершенія преступленія; притомъ же онъ не обращаетъ вниманія на то важное обстоятельство, что, вслѣдствіе его взгляда, судебное изслѣдованіе будетъ лишено всякаго объективнаго основанія и единственно ограничится обманчивыми выводами изъ злаго умысла. Возьмемъ для примѣра слѣдующій случай. А умираетъ послѣ краткой болѣзни, свидѣтели показываютъ, что онъ заболѣлъ, принявъ отъ В бѣлый порошокъ. Химическій анализъ между тѣмъ доказываетъ, что этотъ порошокъ былъ аравійская камедь; однако нѣкоторые обстоятельства наводятъ подозрѣніе на В, что онъ намѣренъ былъ лишить А жизни; какъ тутъ быть? неужели подвергнуть В уголовному слѣдствію, не смотря на недостатокъ въ объективномъ составѣ преступленія?

Баръ отличаетъ дѣйствительную, серьезную волю отъ простаго желанія, относя къ послѣднему всѣ дѣйствія, противорѣчащія общимъ закономъ мышленія и природы.

Не смотря на остроумные различія и выводы этой теоріи, ее нельзя рекомендовать ни законодательству, ни практикѣ, потому что чрезвычайно трудно разобрать въ отдѣльномъ случаѣ душевное состояніе обвиняемаго и свойства его воли, такъ какъ часто и собственное признаніе подсудимаго обманчиво. Это же сознаетъ и *Баръ*. Слѣдовательно, все слѣдствіе будетъ основываться на сомнительныхъ предположеніяхъ и дѣло наконецъ рѣшится только судейскимъ произволомъ. Притомъ же требованіе *Бара*, чтобы принимали въ уваженіе, что именно думалъ обвиняемый при употребленіи средствъ, несоотвѣтствовавшихъ его цѣли, и какимъ образомъ произошла его ошибка, лишено всякаго юридическаго основанія. Если считаютъ справедливымъ наказывать за покушеніе на преступленіе всякаго, кто съ серьезной волей совершаетъ дѣйствіе, способствующее, по его мнѣнію, успѣшному совершенію преступленія, то также должны наказывать и того, кто молитъ Бога лишить жизни своего врага, какъ и того, кто даетъ другому квасцы, чтобы отравить его, или наконецъ дѣвушку, принявшую розмаринный спиртъ, чтобы изгнать свой плодъ. Утверждаютъ, будто бы тотъ, кто желаетъ погубить своего врага, непрестанно молясь о его смерти, питаетъ только одно желаніе, а не злой умыселъ. Однако это предположеніе ошибочно, такъ какъ суевѣрный человѣкъ считаетъ свою молитву на столько же дѣйствительною, какъ и тотъ, кто даетъ аравійскую камедь, въ полномъ убѣжденіи, что она есть средство къ отравленію. То же самое нужно сказать объ употребленіи симпатическихъ средствъ. Ограниченный человѣкъ, прибѣгнувшій къ такимъ средствамъ, такъ убѣжденъ въ дѣйствительности ихъ, что волю его основательно можно называть твердой и серьезной.

Приступимъ теперь къ болѣе подробному изложенію, указывая именно на тѣ основныя начала, которымъ необходимо слѣдовать при разрѣшеніи настоящаго вопроса.

I. Судья вправе карать покушение на преступление на столько, на сколько его уполномочиваетъ въ этомъ законъ. Законодатель ясно показываетъ, опредѣляя точно—какъ и въ какихъ случаяхъ наказывать покушеніе на преступленіе,—что онъ не желаетъ угрожать наказаніемъ за всякое покушеніе, и тѣмъ менѣе предоставить судѣ произвольное опредѣленіе его состава.

II. При опредѣленіи дѣйствій, подлежащихъ наказанію, законодатель выставляетъ извѣстные признаки, которыми эти преступныя дѣйствія должны отличаться. Такъ законодатель, для состава преступленія *воровства*, требуетъ, чтобы подсудимый присвоилъ себѣ *чужую собственность изъ корыстолобивой цѣли*; онъ опредѣляетъ преступленіе *отравленія*, требуя чтобы былъ данъ кому-нибудь *ядъ*; онъ характеризуетъ преступленіе *изгнанія плода* условіемъ, чтобы *беременная женщина* приняла средства, которыя въ *состояніи причинить* преждевременныя роды или смерть плода.

Какъ скоро законодатель опредѣляетъ также наказаніе и за покушеніе на эти преступленія, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что его узаконеніе можетъ относиться только къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ именно обнаруживались преступныя дѣйствія съ тѣми признаками, которые законъ положительно требуетъ для состава этихъ преступленій. Слѣдовательно для состава преступленія изгнанія плода необходимо, чтобы женщина, надъ которой покушались совершить это преступленіе, была беременна, наконецъ необходимо, чтобы употребляемыя средства могли ручаться за вѣрный успѣхъ. Если бы допустить, что законодатель хотѣлъ уполномочить судей наказывать всякое покушеніе, не отличающееся извѣстными признаками, только изъ за того, что подсудимый имѣлъ намѣреніе совершить преступленіе, то это не только противорѣчило бы всѣмъ основнымъ правиламъ вѣрнаго истолкованія законовъ, но и установило бы систему страшнаго судебного произвола.

III. Никто не можетъ отрицать, что каждое преступленіе наказывается главнымъ образомъ за нарушеніе обществен-

наго интереса и закономъ установленнаго порядка, а также и за нарушение извѣстнаго права, принадлежащаго отдѣльному лицу, напримѣръ на жизнь, собственность и т. д. Если не существуетъ права, къ нарушенію котораго относится извѣстное дѣйствіе, напримѣръ, если тотъ, кого намѣрены убить, уже умеръ, или когда употребляемое средство вовсе не соотвѣтствуетъ цѣли, то вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо уничтожаются условія всякаго правонарушенія и законодатель не вправе карать подобныя дѣйствія какъ нарушения правъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ лицамъ.

IV. Каждое законодательство, принимая за основное правило наказывать только тогда покушеніе на преступленіе, когда оно заключаетъ въ себѣ начало совершенія самаго преступленія, можетъ послѣдовательно карать только тѣ дѣйствія, которыя именно заключаютъ въ себѣ дѣйствительное начало предумышленнаго преступленія. Для этого дѣйствія такого рода должны отличаться извѣстными въ законѣ опредѣленными признаками и только тогда имѣется дѣйствительное основаніе для наказанія, когда намѣреніе подсудимаго зрѣло и твердо было направлено на опредѣленное преступленіе.

Развѣ рационально говорить о началѣ совершенія преступленія, а слѣдовательно и о покушеніи, подлежащемъ наказанію, если совершеніе самаго преступленія вовсе не было возможно и мыслимо? Если напримѣръ, А стрѣляетъ въ В на разстояніи 3,000 шаговъ; или С, намѣреваясь отравить своего врага Д, даетъ ему пить чистую воду съ сахаромъ?

V. Тѣ законодатели, судьи и писатели, которые держатся противоположнаго воззрѣнія, основываютъ свое мнѣніе на слѣдующихъ доводахъ: а) Какъ только злое намѣреніе совершить преступленіе выражается какимъ-либо дѣйствіемъ, судья въ полномъ правѣ опредѣлить наказаніе за покушеніе на это преступленіе, не смотря на то, избралъ ли подсудимый средство сообразное съ цѣлію или нѣтъ, потому что и преступная воля сама по себѣ должна подлежать наказанію, ибо она доказываетъ нравственную испорченность

подсудимаго. Наказаніе должно противодѣйствовать изъявленію такой преступной воли, должно уничтожить ее, какъ сопротивляющуюся господству закона, и исправить преступника. b) Въ противномъ случаѣ освобожденіе отъ наказанія вело-бы въ заблужденіе другихъ гражданъ и могло бы легко побудить ихъ совершать подобныя дѣйствія. c) Определеніе наказанія необходимо для общаго успокоенія и огражденія общества отъ моральнаго вреда. d) Наказаніе оправдывается, потому что въ противномъ случаѣ подсудимый избралъ-бы въ послѣдствіи болѣе сообразныя средства для достиженія своей цѣли.

Съ такимъ воззрѣніемъ мы не можемъ согласиться; потому что aa) при определеніи общаго состава преступления должно держаться сперва объективнаго, а потомъ уже субъективнаго воззрѣнія. Притомъ нельзя наказывать одно злое намѣреніе, выражающееся какимъ-либо образомъ, но слѣдуетъ наказывать преступное дѣйствіе, совершенное съ извѣстными, закономъ определенными, признаками. Одно ошибочное воззрѣніе приверженцевъ теоріи предостереженія и устрашенія и въ новѣйшее время пристрастіе къ мистическому формализму въ теоріяхъ Гегели, Сталя и др. могли вести къ вредной защитѣ подобнаго субъективнаго воззрѣнія въ уголовномъ правѣ. Примѣромъ сказаннаго могутъ служить тѣ случаи, когда напримѣръ, мужъ, намѣреваясь причинить смерть своей женѣ, старается ускорить ея смерть тѣмъ, что онъ ее больную, напримѣръ, чахоткой постоянно разсерживаетъ или лишаетъ ея необходимой помощи; или когда кто-нибудь намѣревается убить опасно больного внезапнымъ испугомъ, зная, что по предписанію доктора его слѣдовало-бы беречь отъ всякаго волненія; или когда наконецъ дѣвушка, считая себя беременною, старается уничтожить послѣдствія своего легкомысленнаго поступка усиленною работою или поднятіемъ тяжелыхъ вещей. Ни одинъ мудрый законодатель не будетъ въ подобныхъ случаяхъ карать, а между тѣмъ и здѣсь выражается преступная воля.

Съ полнымъ убѣжденіемъ можно утверждать, что слѣдствіе останется не полнымъ если слѣдователь не будетъ

главнымъ образомъ обращать свое вниманіе на опредѣленіе объективнаго состава преступленія, а потомъ уже приступить къ изслѣдованію существа преступной воли подсудимаго. Едва-ли возможно иначе достигнуть вѣрнаго результата, не имѣя никакой твердой и вѣрной точки опоры и зная притомъ, что большею частію обвиняемые упорно забираются и рѣдко проносятъ чистосердечное признаніе.

bb) Тѣ писатели, которые ссылаются на вредныя послѣдствія безнаказанности подобныхъ дѣйствій, основываютъ свое мнѣніе на невѣрномъ обобщеніи общественнаго сужденія и не обращаютъ вниманія на то, что желаніе совершить преступленіе не всегда зависитъ отъ безнаказанности какого-нибудь дѣйствія. Можно дѣйствительно допустить, что многіе случаи могли-бы возбудить нравственное негодованіе публики и оправдывали бы недověрчивость, съ которой старались-бы удалиться отъ виновнаго; но подобное настроеніе не бываетъ постояннымъ и общимъ явленіемъ; напротивъ, во многихъ случаяхъ будутъ смѣяться надъ глупостью обвиняемаго, въ другихъ же сожальтъ его. Были, напримѣръ, вотъ какіе случаи: мужъ, желая освободиться отъ своей жены, клалъ для этой цѣли въ постель ея кости умершаго отъ чахотки, будучи вполне увѣренъ, что употребляемое средство будетъ имѣть надлежащій успѣхъ. У многихъ, разумѣется, этотъ поступокъ возбудилъ негодованіе; но большинство смѣялось надъ ограниченностью этого человѣка. Другой же случай возбудилъ всеобщее сожаленіе къ дѣвушкѣ, принадлежащей къ честному, но строгому семейству. Дѣвушку эту нѣкто соблазнилъ гнуснымъ образомъ и она, чувствуя себя беременною, открылась знакомому доктору и просила у него изгоняющее средство. Тотъ, боясь, чтобы она не обратилась къ болѣе услужливому врачу, обѣщала помочь и далъ ей средство; но невинный порошокъ былъ аравійская камедь. Обманутая дѣвушка употребляла его съ полною увѣренностью въ успѣхъ—и родила здороваго ребенка.

cc) Предположенія, что безнаказанность могла бы вводить гражданъ въ заблужденіе, происходятъ отъ невѣрнаго

обобщенія нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаевъ, изъ которыхъ невозможно вывести общее заключеніе. Большинство случаевъ оставляютъ безъ вниманія и произвольно говорятъ о всеобщемъ безпокойствѣ, котораго на дѣлѣ не бываетъ.

dd) Наказаніе никакъ нельзя оправдывать однимъ опасеніемъ, что обвиняемый въ другой разъ умѣе выполнить свое преступное намѣреніе. Здѣсь смѣшиваютъ мѣры предупрежденія съ уголовнымъ правосудіемъ. Бываютъ дѣйствительно случаи, которые могутъ требовать нѣкоторыхъ предупредительныхъ мѣръ со стороны правительства, но этой причиной еще не оправдывается наказаніе, опредѣленное за извѣстное преступленіе. Развѣ можно основывать приговоръ на простомъ предположеніи? Откуда, напримѣръ, извѣстно, что дѣвушка, употребивъ совершенно недостаточное изгоняющее средство, употребитъ на будущее время болѣе дѣйствительное средство; причемъ наконецъ очень справедливо можно спросить, откуда извѣстно, что она скоро опять сдѣлается беременною и снова рѣшится на изгнаніе плода.

Мы убѣждены, что граньцу между покушеніемъ, не подлежащимъ наказанію, и покушеніемъ, заслуживающимъ его, лучше всего опредѣлить слѣдующими основными правилами:

I. Для состава преднамьреннаго преступленія требуется соотношеніе между объектомъ, обладающимъ извѣстнымъ качествомъ, и между извѣстнымъ свойствомъ употребляемаго средства. Если же у объекта преступленія не достаетъ закономъ опредѣленнаго качества, или употребляемое средство, или способъ его употребленія исключаетъ возможность совершенія преднамьреннаго преступленія, то въ такомъ случаѣ покушеніе на это преступленіе не заслуживаетъ наказанія, хотя бы и видно было намьреніе совершить преступленіе.

II. Но покушеніе на преступленіе всегда подлежитъ наказанію, если преступленіе не совершилось только вслѣдствіе невозможнаго или недостаточнаго употребленія средства, само по себѣ годнаго для успѣшнаго совершенія; или, если по другимъ обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ подсудимаго, преступленіе не удалось, не смотря на всѣ подготовленія, общавшіяся желаемый исходъ.

Объяснимъ эти положенія, примѣняя ихъ къ отдѣльнымъ преступленіямъ.

1. Покушеніе на преступленіе *двоебравія* не подлежитъ наказанію, если лицо, полагая, что первый бракъ еще существуетъ, готовится вступить въ новый бракъ, между тѣмъ какъ первый уже прекратился. Здѣсь нѣтъ юридическихъ данныхъ для состава этого преступленія. Такъ въ одномъ случаѣ въ 1854 г. жена оставила своего мужа. Въ октябрѣ 1858 г. сей послѣдній хотѣлъ жениться на В, не сказавъ ни ей, ни суду о существующемъ, по его мнѣнію, первомъ бракѣ. Впоследствии оказалось, что жена его умерла въ Америкѣ еще въ мартѣ 1858 года.

2. Покушеніе на преступленіе *утайки и поддѣлки* не подлежитъ наказанію, если напримѣръ, кто-нибудь уничтожитъ дѣйствительное, по его мнѣнію, завѣщаніе, между тѣмъ какъ оно было подложное. Здѣсь недостаетъ объекта, необходимаго для состава преступленія, т. е. дѣйствительнаго завѣщанія. Иначе рѣшился бы тотъ случай, когда кто-нибудь умышленно приготавливалъ-бы фальшивый документъ, напримѣръ, вексель, хотя такъ неловко, что этимъ векселемъ никого нельзя было бы обмануть и причинить убытокъ; если-бы напримѣръ, имя векселедателя было выдуманно и неизвѣстно акцептанту. Наказаніе оправдывается вообще въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ поддѣлка не удалась вслѣдствіе неловкаго исполненія, потому что въ нихъ высказывается уже дѣйствительное начало совершенія, т. е. дѣйствіе, составляющее поддѣлку и вмѣстѣ съ тѣмъ составъ преступленія.

3. При преступленіи *воровства* важенъ тотъ случай, когда кто-нибудь крадетъ свою собственность, полагая, что она чужая. Подобный поступокъ не можетъ подлежать наказанію, потому что характеристическій признакъ преступленія воровства есть присвоеніе чужой вещи; своя же собственная вещь не можетъ сдѣлаться чужой, по одной волѣ украсть ее. Многократно оспаривали примѣненіе правила о недействительности средствъ въ томъ случаѣ, когда воръ, намѣреваясь совершить кражу, употребляетъ для этой цѣли немного корот-

кую лѣстницу. Правильнѣе, кажется, принимать здѣсь покушение подлежащимъ наказанію, такъ какъ въ этомъ дѣйствіи заключается начало совершенія, ибо употребляемое средство само по себѣ годно для совершенія преступленія. Можно допустить исключеніе изъ этого правила, если по обстоятельствамъ видна была положительная невозможность совершить кражу. Такъ Баръ упоминаетъ объ одномъ случаѣ, въ которомъ подсудимый употребилъ лѣстницу длиною въ 12 футовъ, между тѣмъ какъ окна были на 50 футовъ отъ земли.

4. Покушение на преступленіе *изгнанія плода* не подлежитъ наказанію: а) если не доказано, что женщина была дѣйствительно беременна, или, если плодъ ея имѣлъ только видъ пароста (*mola*); в) если были употреблены средства, которыми *невозможно* было нарушеніе естественнаго развитія плода или совершенное уничтоженіе его.

Только при такихъ условіяхъ возможно произнести справедливый приговоръ, такъ какъ по опыту доказано, что большею частію употребляются чрезвычайно невинныя средства, какъ напримѣръ, размаринный спиртъ, *Volus*, *Tuya*, *orientalis* и друг. и кромѣ того, по новѣйшимъ ученнымъ изслѣдованіямъ, вообще сомнѣваются въ существованіи абсолютно дѣйствующихъ средствъ для изгнанія плода, исключая того случая, когда искусный врачъ прорѣжетъ оболочку зародышева яйца (*Eihäute*).

5. Покушение на преступленіе *убійства* не подлежитъ наказанію:

а) Если недостаетъ объекта преступленія, т. е. если обвиняемый выстрѣлилъ по ошибкѣ въ куклу, чучело или стволъ дерева, принявъ эти предметы за человѣка, или, если тотъ, кого хотѣли убить, не жилъ уже во время дѣйствія. При обвиненіи въ преступленіи дѣтоубійства важно доказательство, что ребенокъ еще не начиналъ жить.

в). Если кто-нибудь намѣревался выстрѣлить въ другаго изъ незаряженнаго ружья, или изъ ружья, изъ котораго нельзя было выстрѣлить, потому что забыли, напримѣръ, надѣть пистонъ.

с) Если то лицо, которое обвиняемый хотѣлъ застрѣлить, не находилось на предполагаемомъ мѣстѣ. Но его слѣдуетъ наказать, если въ комнатѣ находилось другое лицо.

д) Если разстояніе между стрѣлявшимъ и объектомъ покушенія было такъ велико, что попасть въ него было рѣшительно невозможно.

6. Чаще всего встрѣчается примѣненіе нашего вопроса при преступленіи *отравленія*.

Покушеніе на это преступленіе не подлежитъ наказанію.

а) Если употребляемое вещество никакъ нельзя считать *ядомъ*.

в) Если обвиняемый перемѣшалъ ядъ съ такими веществами, которыя нейтрализуютъ дѣйствіе его, такъ какъ употребляемое вещество перестаетъ тогда быть *ядомъ*.

с) Если вещество имѣетъ силу яда только при употребленіи въ большомъ количествѣ, а въ отдѣльномъ случаѣ употребили это вещество въ такомъ маломъ количествѣ, что оно не могло дѣйствовать какъ ядъ.

Другое дѣло, если употребляемое вещество, хотя и не могло дѣйствовать въ данномъ количествѣ, но произвело бы вредное вліяніе при частомъ повтореніи его. Здѣсь все зависитъ отъ доказательства того, что обвиняемый имѣлъ твердое намѣреніе повторять употребленіе этого же средства, напримѣръ, при отравленіи ртутью. Въ такомъ случаѣ въ дѣйствіяхъ обвиняемаго заключалось бы уже начало совершенія преступленія и тогда оправдывалось бы и наказаніе.

д) Если вредное свойство яда ослабѣло вслѣдствіе примѣси къ нему другаго вещества или вслѣдствіе того, что ядъ находился долгое время, послѣ смѣшенія съ другимъ веществомъ, на открытомъ воздухѣ, то наказаніе все таки полагается, если экспертами не будетъ доказано, что этимъ обстоятельствомъ *совершенно* уничтожилось вредное свойство яда.

Одно уменьшеніе силы яда еще не уничтожаетъ его качества, какъ средства по себѣ годнаго для совершенія преступленія. Въ одномъ случаѣ, сообщенномъ въ архивѣ Гольтдаммера

IV стр. 585., давали ликеръ съ примѣсью сѣрпой кислоты. Приготовленный такимъ образомъ напитокъ находился довольно долго на открытомъ воздухѣ, пока его не приняло то лицо, которое хотѣли отравить. Судебныя инстанціи различно смотрѣли на этотъ случай.

Покушеніе на преступленіе отравленія напротивъ подлежитъ наказанію.

а) Когда причина, по которой употребляемое средство не имѣло желаемого успѣха, заключается въ индивидуальности или въ физическомъ состояніи лица, на которое направлено покушеніе, вслѣдствіе чего уничтожилось вредное дѣйствіе яда. Сюда относится тотъ случай, когда отравляемый привыкнетъ къ употребленію такихъ вредныхъ веществъ: напримѣръ, у лица, употреблявшихъ много опиума или принимавшихъ часто ядовитыя вещества, нужныя для живописи; точно также, когда лицо не задолго до принятія яда ѣло извѣстную пищу, имѣющую свойство нейтрализовать дѣйствіе яда.

в) Въ томъ случаѣ, когда неуспѣшность преступнаго дѣйствія зависѣла отъ физическаго или душевнаго состоянія самаго подсудимаго, напримѣръ, если онъ пролилъ большую часть ядовитаго вещества. Обвиняемый наказывается на томъ же основаніи, какъ и тотъ, кто бы стрѣлялъ въ другаго, но, испугавшись, мѣтилъ такъ дурно, что не могъ попасть въ него.

с) Наконецъ, если употребляемый ядъ имѣлъ такое свойство, что лицо, которому его поднесли, испугавшись отвратительнаго запаха, заподозрило существованіе яда въ предлагаемой пищѣ и отказалось отъ нея, или же, если оно сейчасъ ее выплюнуло.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ видна цѣлесообразность употребляемаго средства и во всѣхъ дѣйствіяхъ заключается начало самаго преступленія, успѣшному совершенію котораго препятствовалъ только счастливый случай, такъ что опредѣленіе наказанія уместно и справедливо.

О ДВИЖЕНІИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ВЪ ПРУССІИ

съ 1818 по 1860 г.

(извлечено изъ статьи в. Герольди ().*

Законодательство должно бы было всегда соответствовать степени развитія законовѣднія, сознанію права въ народѣ и тѣмъ отношеніямъ жизни, которыя должны быть управляемы закономъ. Но это не всегда бываетъ и даже не всегда возможно, такъ что на самомъ дѣлѣ законодательство всегда стоитъ далеко позади. Когда эта разница дѣлается слишкомъ замѣтною и чувствительною, нерѣдко настаетъ время, въ которое происшедшее замедленіе вознаграждается. Такимъ временемъ представляется 1848 годъ.

Взглянувъ на успѣхи, сдѣланные въ наше время наукою и искусствомъ, нельзя не признать его достаточно созрѣвшимъ и благоприятнымъ для успѣшнаго составленія законодательныхъ кодексовъ потому, что наше время отличается рѣдкимъ богатствомъ познаній и законовѣдніе получило сильный толчокъ отъ вліянія исторической школы, которая приобрѣла такое значеніе для законодательства, какого

(*) Jahrbuecher der deutschen Rechtswissenschaft und Gesetzgebung 1860, vi Band, 4 Heft.

нельзя было ожидать вначалѣ ея появленія. Историческая школа указала намъ, что право есть произведеніе всей жизни народа, такъ же какъ и языкъ, что право, получивши начало отъ духа отдѣльнаго народа, подвергается тѣмъ измѣненіямъ, которыя постигаютъ этотъ народъ, подобно каждому организму, находящемуся въ состояніи постоянного развитія, она указала и раскрыла намъ источники права и сдѣлала для насъ удобнымъ непосредственное пользованіе ими. Къ тому же мы имѣемъ уже опытность, приобрѣтенную въ теченіи почти ста лѣтъ на поприщѣ кодификаціи, мы привыкли къ логическому, строгому мышленію, приобрѣли умѣнье выражать наши мысли на словахъ, мы познакомились съ положеніемъ права у другихъ народовъ и можемъ пользоваться исторіею развитія ихъ законодательствъ.

Но, съ другой стороны, настоящее государственное устройство Пруссіи представляетъ затрудненія для успѣховъ законодательства, потому что, должно сознаться, для составленія законовъ малочисленное собраніе удобнѣе, нежели обширный законодательный корпусъ. Такъ при составленіи *«общаго земскаго права»* Суарецъ былъ душою всего дѣла и его проекты подвергались обсужденію комисіи, составленной изъ нѣсколькихъ членовъ. Въ прусскихъ палатахъ старались достигнуть того же посредствомъ назначенія комисій. Но палаты эти составляютъ собраніе, которое мало способно приходить къ заключенію и едва ли вовсе годится для обсужденія проектовъ законоположеній, которое обременено множествомъ занятій, скорѣе относящихся къ управленію, нежели къ законодательству, такъ что на это послѣднее не можетъ быть обращено столько вниманія и заботливости, сколько можно ожидать при продолжительныхъ работахъ правительства и сколько требуетъ самая сущность дѣла. Можетъ ли быть въ такомъ большомъ числѣ депутатовъ изъ различныхъ сословій и съ различнымъ образованіемъ, мѣняющихся черезъ годъ или немного болѣе, достаточно юридическаго пониманія и юридической образованности, чтобы проникнуть основныя начала права, или достаточно самоотверженія, чтобы и при отсутствіи этихъ качествъ дать согласіе на какой нибудь законъ. Если бы госу-

дарственному совѣту Наполеона или Суарцу пришлось защищать свое произведеніе передъ такимъ собраніемъ, то мы никогда не имѣли бы «*наполеонова кодекса*» или «*общаго земскаго права*». Поэтому, при такихъ условіяхъ, хотя и возможно изданіе отдѣльныхъ законовъ, но трудно достигнуть такого законодательства, котораго желаютъ многіе въ Германіи и какимъ мы его видимъ въ австрійскомъ уложеніи или прусскомъ земскомъ правѣ.

Въ меньшихъ германскихъ государствахъ къ этимъ невыгодамъ присоединяется еще и та, что они вообще не обладаютъ условіями, необходимыми для составленія и обсужденія законовъ, и что изданіе уложенія обошлось бы для нихъ слишкомъ дорого. Поэтому для нихъ самое выгодное принять законодательство большаго сосѣдняго государства. О германскомъ законодательствѣ для всего великаго отечества, при нынѣшней разбѣденности политическихъ отношеній въ Германіи, нечего и думать; въ настоящее время нельзя ожидать ни одного общаго уложенія для Германіи, ни даже такого однообразія въ законахъ отдѣльныхъ государствъ, какое мы видимъ въ общемъ германскомъ вексельномъ уставѣ.

Своевременно и не безъ интереса будетъ бросить взглядъ, по прошествіи двѣнадцати лѣтъ, на прусское законодательство, чтобы видѣть, какія формы приняло оно со времени начала новой свободной жизни въ Пруссіи и оцѣнить самые результаты, къ которымъ оно пришло.

По части *государственной права* въ законодательствахъ всѣхъ германскихъ государствъ съ 1848 года замѣчается необыкновенная дѣятельность, при чемъ является стремленіе къ перенесенію учрежденій Англій и Франціи, съ сохраненіемъ всѣхъ условій парламентскаго и министерскаго устройства, на германскую почву по тому образцу, въ которомъ они представляются учеными и путешественниками. Главная ошибка такого образа дѣйствій, очевидно, заключалась въ томъ, что заимствовались только внѣшнія формы чужеземныхъ учрежденій, между тѣмъ какъ основанія оставались старыя, и не было обращено вниманія на то, что составляетъ

главную силу англійскихъ государственныхъ учрежденій, а именно участіе народа въ отправленіи ппзшихъ общественныхъ должностей (полицейскихъ, общиннаго и судебного управленія, по части собираія податей). Это участіе, распространяя понятіе о достоинствѣ, значеніи и необходимости закона и о порядкѣ, который имъ охраняется, глубоко вселяетъ въ народѣ чувство законности и такимъ образомъ приготовляетъ его къ свободной парламентской дѣятельности. Конституціонализмъ Германіи проникнуть тѣми же взглядами и тѣми же недостатками, какъ и во Франціи, какъ тамъ, такъ и здѣсь чувствуется отсутствіе хорошаго корпоративнаго устройства и чрезмѣрное преобладаніе правительственнаго элемента. Государство производятъ на степень большой рабочей артели, а палаты депутатовъ служатъ, повидимому, только средствомъ къ тому, чтобы дѣлать опыты надъ отвлеченными теоріями и противодѣйствовать правительству, на которое, какъ и во Франціи, привыкли смотрѣть непріязненно. Масса же народа остается чужда огражденію своихъ интересовъ.

По части *гражданскаго права* прежде всего обращаютъ на себя вниманіе законы о *внѣ брачныхъ совокупленіяхъ*, издашныя въ 1854 г.

Римское право (*lex Julia de adulteris*) подвергало наказанію обѣ стороны, вповныя въ совокупленіи, вслѣдствіе чего здѣсь не могло быть рѣчи ни о вознагражденіи жепщины, ни о правѣ требовать прощанія для ребенка. Каноническое право смотрѣло на этотъ предметъ болѣе снисходительно, предоставляя обольщенной жепщинѣ право требовать отъ обольстителя вступленія съ нею въ бракъ или выдачи приданаго и возлагая преимущественно на отца обязанность доставить ребенку, рожденному внѣ брака, необходимое содержаніе. Но при этомъ требовалось, чтобы относительно тождества лица, называемаго отцомъ, не было спора, такъ какъ каноническое право для доказательства этого тождества представляло такъ же мало средствъ, какъ и римское. Этотъ недостатокъ повергалъ

юристовъ въ недоумѣніе при примѣненіи закона и былъ поводомъ ко многимъ спорамъ. Французское право даже вовсе запрещаетъ изслѣдованіе по этому предмету на томъ основаніи, что оно невозможно. Оно впадаетъ въ крайность, сваливая всѣ послѣдствія незаконной связи на женщину даже и въ томъ случаѣ, когда она невиновата, совершенно освобождая отъ нихъ мужчину и разрывая всякую нравственную связь между отцомъ и его ребенкомъ.

Въ общемъ земскомъ правѣ, въ предупрежденіи случаевъ дѣтубійства, постановлены правила, въ высшей степени благоприятныя для женщины. Ей легко предоставляется право присяги. Число мужчинъ, имѣвшихъ съ нею связь, не принимается во вниманіе, и на каждомъ изъ послѣдующихъ, въ случаѣ несостоятельности предшествовавшаго, лежитъ обязанность доставить ребенку пропитаніе, обязанность, которая распространяется даже на родителей ихъ. По эти правила, не достигнувъ своей цѣли—предупрежденія дѣтубійства, послужили поводомъ къ разрушенію нравственности, добросовѣстности и святости клятвы.

Новый законъ 1854 года имѣетъ цѣлью устранить эти недостатки. Обольщенная получила право требовать отъ обольстителя только издержекъ при разрѣшеніи отъ бремени, на крещеніе ребенка, на содержаніе въ продолженіи шести недѣль и только въ очень немногихъ случаяхъ, когда вся или преимущественная вина падаетъ на него,—присканія средствъ къ существованію, ни въ какомъ случаѣ не пользуясь правами разведенной жены; отвѣтственность восходящихъ уничтожена, допущеніе присяги, какъ доказательства, предоставлено усмотрѣнію суда.

Въ законахъ о *бракѣ* было обращено особенное вниманіе на причины развода.

Въ этомъ отношеніи всегда замѣчалось разногласіе между юристами, богословами и положительными законами, исключая только прелюбодѣяніе и злоумышленное оставленіе одного супруга другимъ, которыя всегда были

признаваемы достаточными причинами къ разводу; при этомъ за невинною стороною признавалось право безпрепятственно вступать въ новый бракъ, между тѣмъ какъ виновная была стѣсняема въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе тяжелыми условіями. Въ началѣ хviii столѣтія, съ измѣненіемъ прежняго взгляда на государство и церковь, измѣняется понятіе о бракѣ и за тѣмъ допускается болѣе и болѣе причинъ къ разводу. Сообразно господствовавшему тогда духу времени и вслѣдствіе распространеннаго мнѣнія, что строгость въ этомъ отношеніи, способствуя къ уменьшенію народонаселенія, вредна для государства, общее земское право чрезвычайно облегчило разводы. Они сдѣлались возможными въ случаѣ неспособности къ брачному сожитію или тѣлесныхъ недостатковъ, происшедшихъ во время брака, въ случаѣ бѣшенства или умопомѣшательства одного изъ супруговъ, въ случаѣ обоюднаго ихъ согласія на разводъ при неизмѣнн дѣтей, въ случаѣ ряда преступленій со стороны одного изъ нихъ, когда въ другомъ эти преступленія поселили непреодолимую ненависть и, наконецъ, въ случаѣ сильнаго и глубоко вкоренившагося отвращенія одного къ другому.

Съ 1825 года частые разводы обращаютъ на себя вниманіе правительства. Изъ попытокъ улучшенія законовъ о разводахъ слѣдуетъ упомянуть о проектѣ 1856 г., цѣлью котораго было только очистить дѣйствовавшіе законы отъ вредныхъ опредѣленій, не составляя новой системы и избѣгая столкновенія съ ученіемъ церкви.

Въ этомъ проектѣ было предположено нѣкоторыя изъ прежнихъ основаній развода вовсе уничтожить, сдѣлавъ между остальными различіе, такъ чтобы по однимъ изъ нихъ можно было безусловно требовать развода, а по другимъ только съ нѣкоторыми ограниченіями. Слѣдующія дѣйствія одного изъ супруговъ предоставляли другому безусловное право требовать развода: прелюбодѣяніе, мужеложство и другія противуестественные пороки, недозволенное обращеніе, могущее подать поводъ къ подозрѣнію въ нарушеніи супружеской вѣрности, злонамѣренное оставленіе, покушеніе одного изъ супруговъ на

жизнь другого, обращеніе къ какому нибудь постыдному ремеслу, перемѣна религіи, и условное право: дѣйствія, опасныя для жизни, свободы, чести, здоровья или должности одного изъ супруговъ, продолжительное и позорное заключеніе одного изъ супруговъ въ тюрьмѣ или въ смирительномъ домѣ, безпорядочная жизнь и отказъ въ помощи.

Исключеній изъ правила, запрещающаго разведенному супругу, виновному въ прелюбодѣяніи, вступать въ бракъ съ соучастникомъ его преступленія, предположено на будущее время не дѣлать, потому что такія исключенія очевиднымъ образомъ способствуютъ разврату. Кромѣ того, проектъ заключалъ въ себѣ слѣдующія характеристическія опредѣленія: 1) если просьба о разводѣ основана не на прелюбодѣяніи и не на злонамѣренномъ оставленіи, то предварительно развода назначается *wоспрещеніе стола и ложа* (*Trennung von Tisch und Bett*) на время отъ одного года до трехъ лѣтъ, съ тѣмъ, что предоставляется просить о разводѣ только въ теченіи трехъ мѣсяцевъ по истеченіи этого времени. 2) Виновный супругъ не прежде можетъ вступить въ новый бракъ, какъ по истеченіи трехъ лѣтъ со дня вступленія рѣшенія о разводѣ въ законную силу, при чемъ, однако, изъ этого срока вычитается время, въ теченіи котораго продолжалось воспрещеніе стола и ложа, если оно имѣло мѣсто.

3) Прокуроръ имѣетъ право препятствовать расторженію брака подачею жалобы на судъ, допустившій разводъ.

Этотъ проектъ не былъ принятъ, потому что католики возстали противъ него, желая вынудить подчиненіе брачныхъ дѣлъ епископамъ и отвергая умѣстность разводовъ, хотя проектъ имѣлъ въ виду ограничить ихъ, а не распространить.

Къ 1859-му году былъ составленъ новый проектъ, сохранившій въ себѣ, кромѣ правилъ о разводахъ, предположенія относительно способовъ заключенія брака.

Относительно разводовъ въ немъ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія противъ прежняго проекта, а именно: допущено разрѣшеніе лицу, виновному въ прелюбодѣяніи, вступать въ бракъ съ его соучастникомъ, но исключены опредѣленія о *tempus clausum*, т. е. о запрещеніи супругу, подавшему поводъ къ

разводу, вступать въ теченіи извѣстнаго времени въ новый бракъ, о воспрещеніи стола и ложа и о правѣ вмѣшательства прокурора.

Къ причинамъ развода присоединены сумасшествіе и бѣшенство.

Основаніемъ этой части проекта служили слѣдующія соображенія:

Принужденіе къ брачной жизни не можетъ способствовать ни развитію нравственности, ни установленію хорошихъ супружескихъ отношеній, потому что при такомъ условіи бракъ не соответствуетъ своей главной цѣли, не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ всегда и вездѣ долженъ быть—самымъ тѣснымъ общеніемъ двухъ лицъ, желающихъ составлять все другъ для друга. Неоспоримо какъ то, что число разводовъ еще не убѣждаетъ въ ихъ потребности, такъ и то, что слишкомъ большая легкость разводовъ можетъ повести къ ослабленію заботливости со стороны супруговъ объ устраниеніи ихъ взаимныхъ раздоровъ и объ укрощеніи страстей, возбуждающихъ желаніе развода. Задача законодательства заключается здѣсь въ избраніи вѣрной середины.

Такъ какъ бракъ составляетъ основаніе семейства, то государство не можетъ не принять участія въ разводахъ и должно допускать ихъ только въ важныхъ случаяхъ. Опредѣленіе этихъ случаевъ лежитъ на обязанности законодательства. Руководствуясь опытомъ, при извѣстныхъ фактическихъ данныхъ, оно должно безпрятственно допускать разводы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда возникаетъ сомнѣніе относительно достаточности основаній къ разводу, требовать предварительнаго изслѣдованія. Такъ образуются безусловныя и условныя причины развода.

Что касается въ частности до вышеозначенныхъ опредѣленій, исключенныхъ новымъ проектомъ, то они были признаны неудобными по различнымъ причинамъ.

Воспрещеніе стола и ложа предложено уничтожить: 1) потому что въ бѣдныхъ классахъ народа, особенно между ремесленниками, рабочими и хлѣбопашцами, при ихъ образѣ жизни,

оно производить вражду, вмѣсто примиренія, 2) потому что оно подвергает опасности ихъ средства къ пропитанію и вредно дѣйствуетъ на нравственность, 3) потому что оно пріучаетъ каждаго изъ супруговъ жить безъ другаго, представляя ему добывать себѣ насущный хлѣбъ собственными средствами.

Tempus clausum было установлено съ тою цѣлью, чтобы затруднить вступленіе въ новый бракъ, задуманный еще прежде подачи просьбы о разводѣ, какъ это часто случалось. Противъ этого было представлено возраженіе, что подобные случаи не были общимъ правиломъ и что слѣдовало бы предоставить усмотрѣнію суда помѣщеніе подобнаго условія въ приговорѣ. Это правило имѣетъ тѣ же недостатки, какъ и временное разъединеніе.—Неудовлетвореніе естественной человѣческой потребности брака можетъ повести къ разстройству всѣхъ жизненныхъ отношеній, и мнѣніе, что разведенный супругъ обыкновенно только по легкомыслію желаетъ вступить въ новый бракъ, ошибочно; если же и встрѣчаются иногда подобные случаи, то они не могутъ служить основаніемъ какому нибудь общему правилу, потому что законодатель долженъ принимать въ соображеніе общія отношенія въ жизни, а не ставить себѣ задачею, вѣдѣствіе какихъ нибудь незначительныхъ проявленій исправлять посредствомъ законовъ нравы народа. Наконецъ, какъ временное разъединеніе, такъ и *tempus clausum* не выполняютъ своего назначенія—затруднять разводы и этимъ побуждать супруговъ къ добровольнымъ взаимнымъ соглашеніямъ: все, чего хотять достигнуть подобными постановленіями, можетъ быть достигнуто только совершеннымъ отнятіемъ возможности развода.

Право прокурора, въ качествѣ *defensor matrimonii* (защитника брака), наблюдать за поддержаніемъ браковъ, было отвергнуто на томъ основаніи, что прокуроръ не имѣетъ никакихъ отношеній къ первой инстанціи, и вмѣшательство его въ настоящемъ случаѣ повело бы къ нарушенію правильнаго хода судо-

производства. Кромѣ того, при введеніи этого учрежденія встрѣчаются и другія затрудненія, какъ то: неизвѣстность въ томъ, слѣдуетъ ли обоимъ супругамъ или одного изъ нихъ считать противною стороною, и касательно положенія на нихъ обязанности нести издержки, когда прокуроръ подастъ жалобу противъ ихъ желанія.

При обсужденіи этого проекта въ 1857 году было заявлено мнѣніе, чтобы вовсе не опредѣлять причинъ, по которымъ можно требовать развода, предоставивъ разрѣшеніе вопроса о томъ, слѣдуетъ ли въ извѣстномъ случаѣ уничтожить бракъ или нѣтъ, присяжнымъ изъ сосѣдей или товарищей, такъ какъ разрѣшеніе этого вопроса, основываясь на субъективномъ воззрѣніи, болѣе доступно такимъ лицамъ, нежели судьямъ. Но законъ, который не даетъ судьямъ, для разрѣшенія вопроса о допущеніи развода, никакихъ положительныхъ правилъ, ведетъ къ самымъ дурнымъ послѣдствіямъ, потому что ставитъ субъективное воззрѣніе судьи на степень таинственной судьбы, рѣшающей участь спорящихъ; при такомъ законѣ никто не могъ бы знать напередъ, какимъ образомъ субъективное воззрѣніе судьи разрѣшитъ данный случай и случайно составившееся между нѣсколькими гражданами мнѣніе служило бы основаніемъ приговору о правахъ супруговъ. Слѣдуетъ отдать предпочтеніе даже худшему, но положительно высказанному закону, который обезпечивалъ бы, по крайней мѣрѣ, законную точность и опредѣлительность, составляющія основаніе благоустроенной общественной жизни. Противъ этого могутъ возразить, что такая неизвѣстность многихъ удерживала бы отъ стремленія къ разводу, побуждая къ исполненію супружескихъ обязанностей. Но въдѣ и теперь до процесса о разводѣ супругамъ неизвѣстно, удастся ли имъ внушить судьямъ желаемое убѣжденіе; эта неизвѣстность не можетъ никого удержать отъ намѣренія развѣстись какъ скоро представляется къ тому возможность.

Проектъ 1859 года устанавливаетъ новый способъ заключенія брака—*гражданскій бракъ*.

Государство и церковь въ силу своихъ основныхъ законовъ принуждены идти различными путями: поэтому съ уни-

чтоже иемъ необходимости согласія между гражданскими законами и церковными постановленіями, т. е. съ освобожденіемъ церкви не отъ защиты государства, а отъ его опеки, между ними должно было произойти значительное столкновение. Оно могло быть устранено или подчиненіемъ гражданскихъ законовъ церковнымъ постановленіямъ, или введеніемъ гражданского брака. Но въ Пруссіи принятіе перваго изъ этихъ средствъ уже потому невозможно, что государство, въ отношеніи къ гражданамъ несправедливо отказываясь подобнымъ дѣйствіемъ отъ своего верховнаго права, было бы поставлено въ неизвѣстность, которой изъ церквей, католической или евангелической, подчинить свои законы. Если бы постановить особенные брачные законы для католиковъ и особенные для членовъ евангелической церкви, то государство нашлось бы въ необходимости возвести на степень государственныхъ законовъ не только въ настоящее время существующія церковныя постановленія, но, въ отношеніи къ католической церкви, и всѣ будущія, слѣдовательно такія, которыя, совершенно отрѣшившись отъ содѣйствія государства, не составляютъ болѣе его законодательства. Но, не имѣя права употреблять принудительныя мѣры въ отношеніи къ церкви, оно не должно ставить гражданина въ такую зависимость отъ нея, которая повела бы къ принужденію совѣсти.

Такъ какъ въ Пруссіи невозможно постановить законъ, который примыкалъ бы къ исповѣданію одной изъ церквей, то это затрудненіе, которое при различіи взглядовъ на бракъ въ различныхъ церквяхъ должно постоянно возрастать, можетъ быть устранено только введеніемъ гражданского брака. Это единственное средство предупредить столкновение между государствомъ и церковью, достойное обонхъ и предоставляющее обонмъ то, что имъ слѣдуетъ.

Противъ гражданского брака дѣлаются слѣдующія, достойныя вниманія, возраженія:

1) Введеніе гражданского брака поведетъ къ столкновенію еще болѣе опасному, когда духовенство будетъ употреб-

лять мѣры церковнаго благочинія противъ лицъ, заключающихъ такой бракъ; при настоящемъ положеніи диссидентовъ было бы достаточно закона 30 марта 1847 г., позволяющаго гражданскій бракъ подъ условіемъ выхода изъ церкви.

Но противъ этого слѣдуетъ замѣтить, что отлученіе отъ церкви чловѣка, слѣдующаго во всемъ остальномъ ея правиламъ, за то только, что онъ пользуется правомъ, предоставленнымъ ему гражданскими законами, было бы принужденіемъ совѣсти и противурѣчло бы понятіямъ евангелической церкви, которая не признаетъ или, по крайней мѣрѣ, болѣе не употребляетъ отлученія отъ церкви, хотя, съ другой стороны, на употребленіе угрозы отлученія церковь имѣетъ право, и государству остается только наблюдать, чтобы она не употребляла средствъ, недозволенныхъ законами.

2) Между государствомъ и церковью въ настоящемъ случаѣ вовсе нѣтъ столкновенія, оно заключается только въ предѣлахъ самой церкви. Въ церкви существуютъ различные взгляды на предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, и даже были споры о томъ, на сколько служители церкви обязаны подчиняться предписаніямъ своего начальства. По мнѣшю другихъ, не церковные суды были виновниками этого столкновенія, а опредѣленія общаго земскаго права, которое, установивъ заключеніе брака на основаніяхъ совершенно правильныхъ и съ точки зрѣнія церкви, въ отношеніи развода приняло такія слабыя основанія, что не только церковь, но и само государство стремятся теперь къ ограниченію его предѣловъ. Способы заключенія брака разнообразны и во многомъ подчинены ограниченіямъ, имѣющимъ чисто гражданскій характеръ; поэтому удовлетвореніе требованій чисто церковнаго происхожденія было бы совершенно справедливо. Церковь, признавая, напр., чисто гражданское требованіе согласія начальства для вступленія нѣкоторыхъ лицъ въ бракъ, должна имѣть, съ своей стороны, право требовать, чтобы государство уважало препятствія къ браку, собственно ею опредѣленные. Такъ же неудобно предоставленное супругамъ право разводиться по взаимному согласію въ силу рѣшенія, объявляемаго отъ имени короля, между тѣмъ какъ

вслѣдствіе такого развода, непризнаваемаго церковью, они не могутъ получить отъ нея разрѣшенія на вступленіе въ новый бракъ.

Но изъ того, что причиною этого разногласія служить различіе мнѣній, не слѣдуетъ, чтобы противорѣчіе между гражданскими законами и постановленіями церкви, вслѣдствіе котораго духовенство не признаетъ силы гражданскихъ законовъ, а государство не можетъ его къ тому принудить, не было столкновеніемъ между государствомъ и церковью. Вышеизложенное приводитъ къ заключенію, что при различныхъ вѣроисповѣданіяхъ и различныхъ религіозныхъ направленіяхъ въ Пруссіи нечего и думать о соглашеніи между государствомъ и церковью, посредствомъ подчиненія перваго постановленіямъ послѣдней

3) Противъ гражданского брака говоритъ, кромѣ того, высокое достоинство и святость брака, высшее нравственное положеніе женщинъ, которыя противятся взгляду на бракъ, какъ на договоръ, и совершенію его передъ окружнымъ судьей, потому что онѣ справедливо признаютъ нераздѣльность формы брака съ его внутреннимъ содержаніемъ и святостью, и совершеніе его передъ судьей представляется имъ дѣйствіемъ произвольнаго соглашенія. Наконецъ, гражданскій бракъ приносить съ собою опасный взглядъ, что бракъ есть чисто договорный союзъ.

Эти соображенія отчасти опровергаются тѣмъ, что гражданскій бракъ не дѣлается обязательнымъ и не требуется, чтобы соединенныя съ нимъ формальности соблюдалась при всякомъ бракѣ, но предоставляется самому лицу, смотря по его внутреннему убѣжденію, воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ или не воспользоваться (факультативный гражданскій бракъ). Въ 1860 г. этотъ проектъ былъ предложенъ палатамъ и нижней принятъ вполне, а верхней—только въ отношеніи правилъ о разводахъ. Учрежденіе гражданского брака верхней палатою было отвергнуто.

Закладное право въ Германіи долгое время основывалось на принципахъ, принятыхъ римскимъ правомъ; но со введеніемъ

емъ ипотечныхъ книгъ они оказались неудобопримѣнимыми, вслѣдствіе чего были приняты новыя пачала, чисто-германскаго происхожденія, болѣе обезпечивающія утвержденія права собственности въ недвижимыхъ имѣніяхъ, вещный кредитъ и безопасность общественныхъ интересовъ. На такихъ началахъ основанъ и прусскій ипотечный уставъ 1783 года.

Въ 1841 и 1853 годахъ были изданы дополнительныя постановленія, имѣющія въ виду упрощеніе ипотечнаго производства.—Но они произвели очень незначительныя преобразованія, главныя основанія ипотечнаго порядка постоянно оставались и до сихъ поръ остаются нетропытыми, хотя въ литературѣ очень много говорили о необходимости ихъ преобразованія (*).

Говоря о *вексельномъ правѣ*, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что обращеніе векселей въ продажѣ и общеупотребительность ихъ въ купеческомъ мірѣ до настоящаго времени сохранили за нимъ характеръ, который оно имѣло еще въ XVII столѣтіи. Но чрезъ подчиненіе вексельныхъ отношеній законодательнымъ опредѣленіямъ вексельное право потеряло свое общеевропейское значеніе, что особенно замѣтно въ Германіи, гдѣ необыкновенное разнообразіе законодательства относительно этого предмета должно было имѣть самыя печальныя послѣдствія. Въ 1848 году былъ издавъ *обще-германскій вексельный уставъ*, который, впрочемъ, несправедливо называется *германскимъ*, потому что въ сущности онъ есть ничто иное, какъ *проектъ вексельнаго устава для прусскихъ провинцій, составленный по заключеніямъ комиссіи королевскаго государственнаго совѣта (1847 г.)*, и основанный на принципахъ англійскаго вексельнаго права.

(*) Хотя авторъ въ своей статьѣ говоритъ гораздо подробнѣе объ этомъ предметѣ, но мы сочли неудобнымъ изложить сообщаемыя имъ свѣдѣнія въ той-же подробности, потому что онѣ предполагаютъ предварительное подготовленіе, котораго, по спеціальности самаго предмета, и малозвѣстности его въ Россіи, нельзя ожидать въ большинствѣ нашихъ читателей.

Но такъ какъ каждое изъ правительствъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ можетъ дѣлать дополненія и измѣненія въ этомъ уставѣ, то при отсутствіи общаго высшаго суда для всей Германіи, не смотря на необходимость общаго законодательства относительно правъ вексельнаго и торговаго, не замедлитъ появиться различіе, которое поведетъ къ совершенному или по крайней мѣрѣ частному уничтоженію благодѣтельныхъ послѣдствій этого устава.

Прусскіе законы *конкурса* въ томъ видѣ, какъ они изложены въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, главнымъ образомъ основаны на общемъ германскомъ правѣ, отъ котораго они уклоняются только въ немногихъ случаяхъ. Такъ по прусскимъ законамъ право объявленія несостоятельности принадлежало не самому несостоятельному, а судѣ, которому было предоставлено вообще гораздо больше права нежели по обще германскимъ законамъ: онъ повѣрялъ конкурсную массу, управлялъ ею до раздѣла имущества должника, продавалъ это имущество. Но вмѣстѣ съ тѣмъ трудности, представляющіяся главнымъ образомъ въ соединеніи матеріальнаго обезпеченія съ быстротою производства, которое въ конкурсныхъ дѣлахъ значительно усложняется черезъ стеченіе отдѣльныхъ процесовъ, по прусскимъ законамъ были увеличены нѣкоторыми мѣрами, вслѣдствіе которыхъ удовлетвореніе каждой претензіи останавливалось до совершеннаго утвержденія остальныхъ.

Хотя съ 1825 года дѣлались неодноразныя попытки въ законодательномъ порядкѣ къ устраненію этихъ и многихъ другихъ недостатковъ, но онѣ не имѣли рѣшительнаго успѣха, потому что касались частныхъ, между тѣмъ какъ весь уставъ требовалъ коренныхъ преобразованій.

Такія преобразованія были произведены уставомъ 8 мая 1855 года, основаннымъ въ сущности на французской системѣ. Этотъ уставъ дѣлаетъ различіе между торговою и неторговою несостоятельною, которое въ прежнихъ законахъ не было принято. При торговой несостоятельности для учрежденія конкурса достаточно объявленія должника о томъ, что онъ не въ состояніи заплатить (*Insolvenz*), между тѣмъ какъ при не-

торговой для этого требуется, чтобы сумма долговъ превышала стоимость имущества должника. Прежній уставъ для открытія конкурса требовалъ, чтобы несостоятельность была доказана и только въ немногихъ случаяхъ признавалъ ее не подлежащею сомнѣнію и не требующею дальнѣйшихъ изслѣдованій, такой порядокъ, конечно, замедлялъ ходъ всего дѣла. Новый уставъ для открытія конкурса, при торговой несостоятельности, считаетъ достаточнымъ прекращеніе платежей, не требуя разрѣшенія вопроса о томъ, соединена ли съ этимъ недостаточность имущества должника для покрытія долговъ его. До тѣхъ поръ, пока купецъ аккуратно выплачиваетъ свои долги, по его дѣламъ не можетъ быть открытъ конкурсъ.

Кромѣ того, новый уставъ содержитъ въ себѣ точныя опредѣленія противъ противозаконныхъ стачекъ между должникомъ и другими лицами, допускаетъ оспариваніе цѣлаго ряда сдѣлокъ, заключенныхъ въ ущербъ кредиторамъ, и предоставляетъ все, касающееся массы имущества, исключая только спорныхъ пунктовъ, непосредственному усмотрѣнію назначеннаго отъ суда комиссара, который лишь въ немногихъ случаяхъ обязанъ испрашивать разрѣшеніе суда.

Раздѣлъ имущества, обращеннаго въ денежный капиталъ, дозволяется непосредственно по желанію кредиторовъ. Порядокъ старшинства подчиненъ однородной и упрощенной системѣ, чрезъ что устранилось вліяніе римскаго и германскаго правъ, которыя поддерживали значеніе личнаго кредита привилегіями, считавшимся необходимыми для успѣховъ торговли, ремесленной и фабричной промышленности.

Примѣненіе правилъ французскаго права имѣло въ настоящемъ случаѣ благотѣльные послѣдствія. Въ Пруссіи съ самаго начала недоставало органическаго развитія правилъ конкурснаго порядка, который по древнему германскому праву замѣнялся чрезвычайно строгимъ долговымъ производствомъ. Со введеніемъ римскаго права, хотя законы о конкурсахъ, пополненные обычнымъ правомъ и практикой, значительно улучшились, недостатокъ въ правилахъ объ исполнительныхъ

мѣрахъ и покровительство личнаго кредита препятствовали достиженію цѣли. Устраненіе этихъ недостатковъ особенно чувствительно при вынѣшнемъ распространеніи торговыхъ сдѣлокъ и при большихъ издержкахъ, сопряженныхъ съ прусскимъ судопроизводствомъ.

Въ началѣ прошедшаго десятилѣтія въ *уголовномъ правѣ и судопроизводствѣ* Германіи, французскій элементъ беретъ рѣшительный перевѣсъ, послѣ того какъ германское уголовное право, въ теченіи 25 лѣтъ уже разрабатываемое лучшими юристами въ теоріи и практикѣ, обнаруживало признаки будущихъ усилій. И теперь перѣдко можно слышать похвалы новому уголовному кодексу и порицанія прежнихъ уголовныхъ законовъ Пруссіи. При этомъ главнымъ доказательствомъ недостаточности этихъ послѣднихъ приводится то обстоятельство, что черезъ 5 лѣтъ послѣ изданія земскаго уголовного кодекса уже были изданы положенія 30 декабря 1798 года и 26 декабря 1799 г.; по въ этомъ отношеніи новый кодексъ 14 апрѣля 1851 года далеко не выдерживаетъ сравненія съ общимъ земскимъ правомъ, потому что не прошло и двухъ лѣтъ со времени его изданія, какъ уже огромное число лицъ, содержащихся подъ стражею—слѣдствіе строгости перешедшихъ въ прусскіе законы опредѣленій французскаго кодекса—принудило къ изданію 22 мая 1852 г. новаго закона, который, кромѣ уменьшенія мѣры наказанія для отдѣльныхъ преступленій, сдѣлалъ значительныя измѣненія въ правилахъ о подсудности.

Такъ, какъ это улучшеніе не могло доставить желаемыхъ результатовъ, то 9-го марта 1853 года былъ изданъ новый законъ, смягчившій наказанія за поддѣлку документовъ, воровство и укрывательство краденныхъ вещей и предоставившій судѣ болѣе обширный кругъ дѣйствій при совокупности нѣсколькихъ преступленій. Накопецъ, 6 марта 1854 г. и 14 апрѣля 1856 г. были сдѣланы новыя измѣненія въ законахъ по этимъ предметамъ.

При составленіи земскаго уголовного права было обращено главное вниманіе на то, чтобы опредѣлить наказанія

по возможности за всякое преступленіе. Цѣль этого стремленія заключалась въ томъ, чтобы для каждаго сдѣлать доступнымъ сознаніе законныхъ послѣдствій его поступковъ и доставить для судьи вѣрнѣйшее руководство при разрѣшеніи отдѣльныхъ случаевъ. Такимъ образомъ возникло огромное число законныхъ опредѣленій, которыя, однакоже, не могли быть достаточны въ дѣйствительной жизни и при недостаткѣ руководительныхъ началъ перѣдко ставили судью въ затруднительное положеніе. Смертная казнь примѣнялась слишкомъ часто и совершалась слишкомъ мучительными способами, какъ напр., посредствомъ сожиганія. Во многихъ случаяхъ наказаніе назначалось не по роду преступленія, а сообразовалось съ различіями по сословіямъ, такъ напр., законы о дуэляхъ имѣли силу только для лицъ, принадлежавшихъ къ извѣстнымъ классамъ общества. Наконецъ, эти законы содержали въ себѣ слишкомъ много полицейскихъ предупредительныхъ мѣръ и принимали среднюю мѣру между осужденіемъ и полнымъ оправданіемъ—оставленіе въ подозрѣніи.

Но тѣмъ не менѣе, при всѣхъ этихъ недостаткахъ, нельзя не согласиться съ отзывомъ одного изъ лицъ, разсматривавшихъ этотъ кодексъ, что «составитель его обнаружилъ точный философскій умъ, самое близкое знакомство съ главными основаніями уголовного законодательства и его духомъ и истинное знаніе человѣческой природы».

Въ концѣ прошедшаго столѣтія Штюбель, Клейншродъ Клейпъ и другіе, юристы философски и практически образованные, предпринимая обработку прусскаго уголовного права. Философія Канта оказала на него огромное вліяніе и оно было, можно сказать, частью общаго германскаго уголовного права, пополненнаго нѣкоторыми опредѣленіями, сообразно требованіямъ времени и науки. Это время было началомъ новаго созидательнаго періода. Между Фейербахомъ и Грольманомъ возникъ споръ, однимъ изъ послѣдствій котораго было принятіе въ 1813 г. въ Баваріи составленнаго Фейербахомъ уголовного кодекса, долгое время считавшагося образцомъ

въ отношеніи опредѣлительности наказаній и послѣдовательнаго построенія ихъ на принятыхъ принципахъ.

Когда въ 1826 году былъ предпринятъ общій пересмотръ дѣйствовавшихъ законовъ, на уголовное право было обращено особенное вниманіе и въ теченіи 25 лѣтъ много издержекъ и времени посвящено на его разработку. Результатомъ всѣхъ трудовъ было составленіе девяти проектовъ. Послѣдній изъ нихъ былъ предложенъ представителямъ страпы въ смутное время передъ революціею 1848 года и, къ сожалѣнію, отвергнутъ. Оппозицію преимущественно составляли представители ринейскихъ провинцій, требовавшіе введенія французскихъ законовъ, особенно пользовавшагося въ то время необыкновенною популярностью суда присяжныхъ и тройственной системы наказаній. Такимъ образомъ благоговѣніе къ французскимъ законамъ и къ суду присяжныхъ, который самымъ разсудительнымъ людямъ казался необходимымъ условіемъ политической свободы, вытѣснило или исказило отечественное прусское законодательство.

При такихъ обстоятельствахъ былъ составленъ новый проектъ, передѣланный изъ французскаго кодекса и не имѣющій ни малѣйшей связи съ прежними двадцати пятилѣтними трудами. Повело ли это принятіе чужеземнаго законодательства къ лучшему, трудно опредѣлить въ настоящее время; но оно во всякомъ случаѣ вредно уже потому, что французскія понятія о законахъ противоположны тѣмъ, которыя господствуютъ въ Пруссіи, и что принципы уголовного права будутъ оставаться до тѣхъ поръ чуждыми для народа, пока національные принципы вновь не замѣнятъ чужеземныхъ.

Вотъ что говоритъ по поводу этого новаго проекта Кохъ, принимавшій нѣкоторое время участіе въ его составленіи: «мое содѣйствіе ограничилось присутствіемъ два или три раза въ совѣщаніяхъ. Преобладаніе французскаго элемента скоро вытѣснило меня. Все дѣло почти исключительно осталось въ рукахъ лицъ, образовавшихся въ школѣ рейнско-французскаго права.

Этимъ объясняется въ сущности чужеземный характеръ этого уголовного кодекса. Тогда какъ въ общемъ земскомъ правѣ и преимущественно въ послѣднихъ проектахъ, изданныхъ до 1848 года, руководительнымъ началомъ служить идея справедливости, въ настоящемъ кодексѣ господствуетъ мрачный духъ наполеоновской системы устрашенія.— Онъ лишаетъ судью всякой возможности, вѣдь предѣловъ предписанной мѣры, взвѣсить внутренній характеръ поступка и смягчить для отдѣльнаго частнаго случая соединенную съ абстрактнымъ устрашеніемъ строгость. Жену, не участвовавшую въ преступленіи, совершеномъ мужемъ, но оставшуюся ему вѣрною, которая, вслѣдствіе неотступныхъ просьбъ своего заточеннаго мужа, старается доставить ему ложное свидѣтельское показаніе о томъ, что онъ въ извѣстное время не былъ на мѣстѣ преступленія, этотъ кодексъ такъ же какъ и клятвопреступника, руководимаго корыстью, осуждаетъ на заключеніе въ смиренительномъ домѣ и навсегда лишаетъ гражданской чести и правоспособности. Такая строгость побудила въ одномъ случаѣ присяжныхъ обратиться къ королю съ просьбою о помилованіи, что и подало поводъ къ замѣнѣ этого позорнаго наказанія соразмѣрнымъ тюремнымъ заключеніемъ».

Что касается до требоваемаго рейнскими провинціями тройственнаго дѣленія дѣйствій, подлежащихъ наказанію, а именно: на преступленія, проступки и полицейскія нарушенія (*Verbrechen, Vergehen, Uebertretungen*), то необходимость его не признается даже французскими юристами. Но это дѣленіе главнымъ образомъ неудобно потому, что, требуя соответствующаго опредѣленія подсудности и не предоставляя судѣ возможности сообразоваться съ характеромъ извѣстнаго случая, оно возвышаетъ мѣру наказанія.

И во Франціи пришли къ убѣжденію, что наказанія чрезмѣрно строгі, вслѣдствіе чего особеннымъ закономъ предоставлено присяжнымъ при всѣхъ преступленіяхъ принимать во вниманіе смягчающія вѣщу обстоятельства. Прусскимъ закономъ это допущено только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при

чемъ вовсе не опредѣлено, какія именно изъ такихъ обстоятельствъ должны быть прилагаемы присяжными и какія судьей.

«Тогда какъ французское тройственное дѣленіе», говоритъ совѣтникъ апелляціоннаго суда Кривель (*), «должно служить къ опредѣленію предметовъ вѣдомства судовъ, для чего оно вовсе не нужно, то оно производитъ неопредѣленность раздѣленія обязанностей между судьей и присяжными и совершенно уничтожаетъ основное правило французскаго уголовного судопроизводства, что присяжные должны произнести рѣшеніе о фактѣ, а судья примѣнить законъ. Не проходитъ ни одного засѣданія суда присяжныхъ, въ которомъ не возникли бы вытекающія отсюда затрудненія».

Впрочемъ это неудобство не можетъ быть устранено предоставленіемъ присяжнымъ права принимать во вниманіе только извѣстные обстоятельства, смягчающія вину. Уже при составленіи кодекса оказалось невозможнымъ исчислить всѣ такіа обстоятельства. Возможно ли послѣ этого раздѣлить ихъ по внутреннему характеру и важности для того, чтобы опредѣлить, кто именно можетъ на нихъ ссылаться?

Недостатокъ заключается въ самомъ принципѣ неподвижнаго распредѣленія всѣхъ дѣйствій, подлежащихъ наказанію, на три группы. вспомогаельное средство, представляемое смягчающими вину обстоятельствами, только по наружности ведетъ къ исключенію изъ общаго правила, а на самомъ дѣлѣ уничтожаетъ общее правило, предоставляя усмотрѣнію присяжныхъ назначеніе менѣе строгаго наказанія и ничѣмъ не ограничивая ихъ права въ этомъ отношеніи.

Принятіе этого средства во Франціи объясняется невозможностью устранить строгость дѣйствующаго уложенія безъ коренныхъ въ немъ измѣненій.— Но принятіе этого тройственнаго дѣленія въ основаніе новаго уголовного кодекса въ Прус-

(*) Гольтдаммеръ. Архивъ прусскаго уголовного права, 1 стр. 465.

сн, установленіе особаго рода подлежащихъ преимущественно строгому наказанію преступленій подъ названіемъ *Verbrechen*, при признаніи, что такая система невозможна безъ причиненія насилія самой жизни закоповъ, и допущеніе вслѣдствіе сего обстоятельствъ, смягчающихъ вину, можетъ быть объяснено только преимущественнымъ вліяніемъ французскаго права. Простой юридическій взглядъ и естественное дальнѣйшее развитіе прусскаго законодательства никогда не привели бы къ такимъ противорѣчіямъ. — Это мертвое тройственное дѣленіе, непослѣдовательно соединенное съ уменьшающими вину обстоятельствами, совершенно чуждый германскому характеру продуктъ неподвижной и проникнутой формализмомъ французской юриспруденціи.

Не менѣе спорный вопросъ въ уголовномъ судопроизводствѣ представляли до повѣйшаго времени доказательства. Въ старомъ германскомъ процессѣ приговоръ основывался не на субъективномъ убѣжденіи судьи, а исключительно на существованіи законныхъ доказательствъ. Но въ послѣдствіи времени субъективное убѣжденіе судьи, которое онъ долженъ былъ облечь въ извѣстную форму, заступило мѣсто доказательствъ, предписанныхъ закономъ. Такъ какъ это убѣжденіе не могло быть всегда подкрѣплено прямымъ свидѣтельскимъ показаніемъ, а между тѣмъ употребленіе очистительной присяги встрѣчалось постоянно рѣже и рѣже, то была введена пытка, которая держалась долѣе, нежели убѣжденіе въ ея пользѣ. — Въ Пруссіи только въ 1740 г. Фридрихъ Великій, руководимый чувствомъ человеколюбія, уничтожилъ ее, между тѣмъ какъ въ Австріи она встрѣчается въ значительныхъ размѣрахъ еще въ кодексѣ Маріи Терезіи и отмѣнена только Іосифомъ II, послѣ чего и другіе германскіе государи послѣдовали его примѣру. Но такъ какъ она не была замѣнена никакимъ другимъ формальнымъ доказательствомъ, а между тѣмъ наказаніе не могло имѣть мѣста безъ доказательствъ, то представилась надобность ввести наказанія внѣ порядка и оставленіе въ подозрѣніи. — Поэтому обратились исключительно къ личному убѣжденію судьи, допуская, впрочемъ,

косвенныя доказательства, а формальная сторона была замѣнена требованіемъ отъ судьи изложенія соображеній, которыми онъ руководился при постановленіи приговора. Но не рѣшались соединить обязанности прежнихъ присяжныхъ (Eidhelfer) съ должностью судьи, раздѣленные по древнему германскому процессу. Этотъ послѣдній институтъ былъ чисто германскаго происхожденія, но съ введеніемъ римскаго права, какъ и многія другія юридическія учрежденія, лишенные дальвѣйшей разработки, былъ забытъ въ Германіи, пока, наконецъ, преимущества его признаны были въ Англіи, гдѣ онъ между тѣмъ продолжалъ развиваться и образовался въ совершенно измѣненномъ видѣ. Тогда возникло въ Германіи требованіе о введеніи его въ этой же формѣ, требованіе, вовсе не принимавшее въ соображеніе связи его съ другими англійскими учрежденіями, и не обращающее вниманія на сущность его, подобно тому какъ это было и во Франціи.

Положеніемъ 17 іюля 1846 г. были постановлены совершенно сообразныя съ отношеніями германской жизни правила о доказательствахъ, относившіяся къ порядку судопроизводства по дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію уголовного суда въ Берлинѣ. Этотъ законъ долженъ былъ сначала распространяться на небольшое пространство, но главныя его основанія предположено было ввести впоследствии во всей Пруссіи. Въ § 19 этого положенія мы замѣчаемъ попытку соединить должность судьи съ обязанностями присяжныхъ. Вотъ что онъ постановляетъ:

«Существующія предписанія закона относительно порядка принятія доказательствъ, особенно относительно опредѣленія лицъ, могущихъ быть призванными въ качествѣ свидѣтелей и приведенными къ присягѣ, сохраняютъ свою силу. Положительныя же правила относительно силы доказательствъ отменяются. Судья долженъ, внимательно взвѣсивъ силу всѣхъ доказательствъ, представленныхъ къ обвиненію и къ защитѣ подсудимаго, по своему свободному убѣжденію, основанному на

впечатлѣніи, произведенномъ происходившими передъ ними преніями, объявить: виновенъ ли подсудимый, или долженъ быть освобожденъ отъ обвиненія. При этомъ онъ обязанъ объяснить основанія, руководившія его въ постановленіи приговора».

Кромѣ того, это положеніе, уничтоживъ чисто слѣдственный порядокъ судопроизводства, соединило его съ обвинительнымъ.

Уже новѣйшее римское право отвергло чисто обвинительный процессъ. Судьи были обязаны сами *ex officio* заботиться объ открытіи и наказаніи важнѣйшихъ преступленій, приступая къ исполненію своей обязанности также и вслѣдствіе частныхъ извѣщеній. Точно такъ-же и въ древнемъ германскомъ уголовномъ судопроизводствѣ нѣтъ чисто обвинительнаго порядка; онъ существуетъ только въ соединеніи съ инквизиціоннымъ. Это доказывается учрежденіемъ обвинительныхъ судовъ (*Ruegerichte*), предписаніемъ о томъ, что о нѣкоторыхъ преступленіяхъ каждое лицо обязано доносить и что въ тѣхъ случаяхъ, когда не предвидится обвинителя, судья самъ долженъ приступать къ изслѣдованію. Тоже мы видимъ и въ Англии: большое жюри (*grand-jury*) можетъ и безъ предварительнаго обвиненія (*indictment*) поставить кого нибудь въ состояніе обвиняемаго и отослать на судъ малаго жюри (*petty jury*). Но если чисто обвинительный порядокъ не можетъ быть одобренъ, то и чисто слѣдственный процессъ имѣетъ многіе недостатки, изъ которыхъ главный заключается въ томъ, что обвиняемый въ отношеніи къ судѣ остается совершенно беззащитнымъ, между тѣмъ какъ справедливость требуетъ, чтобы права обѣихъ сторонъ были равны и чтобы одной не было дозволено то, чего не можетъ дѣлать другая, хотя бы и въ иномъ видѣ, и при иныхъ средствахъ. Поэтому соединеніе обѣихъ системъ уголовного судопроизводства представляется совершенно необходимымъ и полезнымъ.

Германское законодательство совершенно основательно за-

имствовало изъ французскаго права учрежденіе прокурорской должности, возникшее въ XIV столѣтіи и сохранившееся среди величайшихъ государственныхъ переворотовъ и во время владычества Наполеона. Но французское публичное министерство (*ministère public*) въ томъ видѣ, какъ оно устроено со времени Наполеона I, имѣетъ большое сходство съ чисто слѣдственнымъ порядкомъ судопроизводства.— Публичное министерство имѣетъ право брать подъ стражу, дѣлать домовые обыски, осмотры, отбирать свидѣтельскія показанія, какъ ему вздумается; французскіе прокуроры, въ качествѣ органовъ правительства, имѣютъ право и обязанность наблюдать за отправленіемъ правосудія, могутъ давать судамъ совѣты, присутствовать при ихъ совѣщаніяхъ и подачѣ голосовъ, доносить министру о дѣятельности и способностяхъ судей, а въ качествѣ публичныхъ истцовъ въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ имѣютъ такое огромное значеніе, такое вліяніе на свидѣтелей и судей, что въ противорѣчіе основнымъ правиламъ справедливости, отъ нихъ главнымъ образомъ зависитъ разрѣшеніе дѣла. Между тѣмъ прокуроры, подобно римскимъ обвинителямъ и англійскимъ преслѣдователямъ, должны бы были имѣть въ своихъ дѣйствіяхъ противъ преступниковъ столько власти, сколько необходимо для установленія факта преступленія (*corpus delicti*), или должны были бы ограничиваться розысками на основаніи подозрѣнія и частныхъ извѣщеній; въ всякомъ случаѣ они не должны имѣть права производить слѣдствіе безъ содѣйствія суда, потому что обвиняемый имѣетъ право требовать, въ теченіи всего процесса, чтобы его объясненія были выслушаны судьейю.—

Въ сущности эти соображенія составляютъ основанія положенія 17 іюля 1846 г., перешедшія позже почти дѣлкомъ въ уставъ 3 января 1849 года и получившія значеніе для всей Пруссіи. Но кромѣ того, на практикѣ при предварительныхъ слѣдствіяхъ часто дѣлается слишкомъ обширное примѣненіе принциповъ устава 11 декабря 1803 года.—

Но и въ прусскомъ законодательствѣ въ настоящемъ случаѣ есть свои недостатки. Первый изъ нихъ заключается въ томъ, что прокуроръ, въ качествѣ «*блустителя общественнаго интереса*» находится въ слишкомъ большой зависимости отъ правительства, которое можетъ по произволу перевести его на другое мѣсто или вовсе отставить отъ должности безъ предварительнаго выслушанія его объясненій, какъ это дѣлается въ отношеніи судей. Вслѣдствіе этого прокуроры направляютъ свое усердіе согласно требованіямъ правительства, чтобы получить лучшее мѣсто, какъ напр., мѣсто судьи, къ которому, въ отношеніи гражданскихъ дѣлъ, прокурорская должность нисколько не готовится.

Другой недостатокъ заключается въ томъ, что при предварительномъ слѣдствіи судья обязанъ удовлетворять требованіямъ прокурора, не имѣя права дѣлать возраженій. Это доставляетъ прокурору преимущество передъ подсудимымъ, между тѣмъ какъ сей послѣдній по принципамъ справедливости долженъ быть выслушиваемъ съ самаго начала, и судья должно быть предоставлено право взвѣшивать силу доказательствъ и опроверженій и дѣйствовать сообразно оказывающемуся результату. Это преимущество прокуроровъ было бы значительно уменьшено, если бы право обвиненія не было предоставлено исключительно имъ однимъ, потому что трудно было бы дать такой-же перевѣсъ частнымъ обвинителямъ. Если же право обвиненія сдѣлано монополією прокуроровъ, то каждому должно быть предоставлено право со всѣми жалобами обращаться къ судьямъ. Если опасаются злоупотребленій этого права, то они могутъ быть предупреждены требованіемъ отъ частнаго обвинителя представленія поручительства; кромѣ того, достаточную гарантію представляетъ положеніе судьи, который долженъ имѣть право взвѣшивать основательность каждой жалобы. Допустить право частнаго обвиненія необходимо уже потому, что прокуроръ часто не находитъ *повода* приступить къ обвиненію, между тѣмъ какъ лицо, пострадавшее отъ преступленія, требуетъ преслѣдованія и наказанія виновнаго.

Уставомъ 3 января 1849 года, кромѣ публичнаго и словеснаго судопроизводства введенъ во всей Пруссiи судъ присяжныхъ.

Главную трудность уголовного судопроизводства составляютъ доказательства; все остальное сравнительно болѣе легко и имѣеть только второстепенное значеніе. Трудность доказать извѣстный фактъ заключается уже въ возможности ошибки и въ личныхъ взглядахъ, которые оказываютъ вліяніе даже на лучшихъ свидѣтелей, потому что человѣку свойственно не только ошибаться, но и имѣть свой личный взглядъ. Часто случается, что два свидѣтеля, одновременные очевидцы одного и того-же происшествія, даютъ о немъ совершенно различныя показанія, потому что совокупность отдѣльных явленій, частью вслѣдствіе различнаго пониманія, частью вслѣдствіе различія способностей и образованія, производитъ различное впечатлѣніе на людей.—А какое вліяніе имѣеть во многихъ случаяхъ злая воля и недобросовѣтность свидѣтелей и подсудимаго? Вслѣдствіе этого объективная увѣренность въ достовѣрности дѣйствія, подлежащаго наказанію, только въ нѣкоторыхъ случаяхъ доступна для судьи, а обнаруженіе сознанія и злой воли обвиняемаго, связанныхъ съ внѣшнимъ дѣяніемъ, этого, такъ сказать, внутренняго духовнаго дѣянія или вовсе недостижимо или сопряжено съ большими трудностями. Слѣдовательно представляется необходимымъ нѣсколько ослабить строгость правилъ о доказательствахъ въ интересахъ общественнаго блага, требующаго наказанія учинившаго преступленіе, и допустить что нибудь такое, что соотвѣтствовало бы справедливости и не противорѣчило бы этому благу. Въ гражданскихъ дѣлахъ эти затрудненія легко устраняются обще принятыми правилами о признаніи и отказѣ тяжущихся отъ своего права.—Въ уголовномъ же процессѣ дѣло идетъ не о какомъ либо частномъ правѣ, отъ котораго стороны могли бы произвольно отказаться, а о правѣ общественномъ, въ силу котораго государство требуетъ искупленія причиненнаго зла. Здѣсь можно только допустить, чтобы судья при-

нималъ за дѣйствительное и достовѣрное извѣстное дѣйствіе, которое не только даетъ ему право, но и возлагаетъ на него обязанность примѣнить законъ. Слѣдовательно, достовѣрность дѣянія можетъ быть замѣнена только разумнымъ убѣжденіемъ судьи о данномъ преступленіи.

Вышензложенное показываетъ, что въ судѣ присяжныхъ такъ называемый здравый человѣческій смыслъ, какъ основаніе рѣшенія, недостаточенъ. Извѣстно, что присяжные, по самому существу своихъ обязанностей, постановляютъ болѣе или менѣе строгій приговоръ, смотря потому, считаютъ ли они данное дѣяніе болѣе или менѣе опаснымъ.

Прусскій институтъ присяжныхъ возбуждаетъ противъ себя еще то возраженіе, что присяжные, какъ и во Франціи, постановляютъ приговоръ единственно на основаніи своего внутренняго убѣжденія о виновности или невиновности подсудимаго, потому что *«законъ не предписываетъ имъ никакихъ правилъ для обсужденія силы и полноты доказательствъ»* (прилож. 95 къ уставу 3 янв. 1849 г.). При такихъ условіяхъ они могутъ, при недостаточныхъ доказательствахъ, осудить обвиняемаго, если они нравственно убѣждены въ его виновности, или, наоборотъ, при существованіи полного доказательства освободить его, на основаніи какихъ-нибудь другихъ соображеній. Это нравственное убѣжденіе, которое освобождаетъ присяжныхъ отъ обязанности признать за истину то, что подтверждается показаніями двухъ неопровержимыхъ свидѣтелей и, наоборотъ, даетъ имъ право признать недостаточное доказательство за полное и которое часто принадлежитъ не всѣмъ присяжнымъ, а только нѣкоторымъ изъ нихъ, во многихъ случаяхъ не уступаетъ въ жестокости пыткамъ, что одно уже даетъ преимущество прежнему порядку судопроизводства въ Пруссіи. Предписаніе положеній 1846 и 1849 годовъ, чтобы судья рѣшалъ по своему внутреннему убѣжденію вопросъ о томъ, виновенъ ли подсудимый или нѣтъ, не прежде какъ внимательно взвѣсивъ всѣ доказательства противъ него и въ

оправданіе его представленна, приближало прусскіе суды къ институту англійскихъ присяжныхъ. Принятый же теперь французскій порядокъ сдѣлалъ судопроизводство въ Пруссіи тягостнымъ, слишкомъ дорогимъ и продолжительнымъ.

Судья основывался на законѣ, между тѣмъ какъ настоящіе присяжные руководствуются только нравственными соображеніями, что противорѣчитъ сущности судебного производства и обращаетъ дѣйствія присяжныхъ въ самое тяжелое и ненадежное слѣдственное судопроизводство. Нынѣшнимъ присяжнымъ не только не достаеетъ положительнаго руководства для сужденій, но и всякаго юридическаго такта, между тѣмъ какъ судья, привыкшій руководиться правилами о силѣ доказательствъ, и въ обширномъ кругѣ дѣйствій, предоставленномъ ему закономъ, даже непроизвольно не могъ сдѣлать грубой ошибки противъ этихъ правилъ, представляя такимъ образомъ ручательство, что все будетъ основано не на произволѣ, а на законѣ, и будетъ сообразоваться съ обстоятельствами дѣла.

О недостаткѣ между присяжными необходимыхъ качествъ, о равносильности суда присяжныхъ верховному праву народа, о несогласіи его съ принципами монархическаго правленія, о томъ, что на этотъ судъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на политическое учрежденіе, а на присяжныхъ, какъ на непосредственныхъ представителей наказующаго общества, о томъ, что фактическій вопросъ не можетъ быть отдѣленъ отъ юридическаго,—было такъ много говорено, что эти предметы могутъ считаться исчерпанными. Здѣсь можно только еще замѣтить, что при присяжныхъ нѣтъ необходимости имѣть въ судѣ пять судей, потому что главная трудность въ настоящемъ случаѣ заключается въ установленіи фактическаго вопроса, составляющаго необходимое условіе для примѣненія закона; все же остальное въ высшей степени просто и разрѣшается въ Англійи однимъ судьей.

Но если вводить судъ присяжныхъ, то для соблюденія

последовательности необходимо ввести его и для гражданских дѣлъ, потому что здѣсь могутъ быть примѣнены тѣ же соображенія, на основаніи которыхъ онъ полезенъ въ дѣлахъ уголовныхъ. Такъ дѣлается въ Англіи, гдѣ рѣшеніе гражданскихъ дѣлъ составляетъ даже важнѣйшій предметъ дѣятельности присяжныхъ. Въ учрежденіи суда присяжныхъ по гражданскимъ дѣламъ заключается центръ тяжести свободы Англіи, потому что черезъ принятіе участія въ отправленіи гражданского правосудія сознаніе права и закона сохранялось во всемъ народѣ, возрастало и дѣлало его способнымъ къ пользованію еще болѣею свободою. Въ Англіи начали не съ участія, какъ въ Пруссіи или во Франціи, въ важнѣйшихъ общественныхъ учрежденіяхъ, какъ напр., въ законодательствѣ, но старались усвоить необходимое для этого приготовленіе, а именно посредствомъ участія въ отправленіи гражданского правосудія, которое лучше всего выясняетъ для гражданина необходимость повиновенія и подчиненія требованіямъ закона, образуетъ сознаніе права, кладетъ залогъ твердой народной жизни. Учрежденіе суда присяжныхъ для однихъ уголовныхъ дѣлъ не способствуетъ къ достиженію этихъ послѣдствій, потому что въ этомъ случаѣ дѣло идетъ не о частныхъ интересахъ, а только о государственныхъ, за исключеніемъ интересовъ обвиняемаго, и судъ дѣлается только слабымъ средствомъ противодѣйствія желаніямъ правительства.—Если же питается только духъ оппозиціи, между тѣмъ какъ чувство законности и повиновенія остается безъ развитія, то и государственная жизнь не будетъ имѣть здраваго движенія, потому что безъ этого чувства правительство можетъ дѣйствовать такъ же мало благотѣльно, какъ и безъ духа оппозиціи, который воздерживаетъ его отъ произвольныхъ дѣйствій. Поэтому во Франціи, гдѣ съ конца прошедшаго столѣтія этотъ духъ началъ развиваться съ безпримѣрною силою, между тѣмъ какъ чувство повиновенія почти замерло, правительство было принуждено прибѣгнуть къ такимъ мѣрамъ, которыя никакъ не согласуются съ истинно свобод-

ными учреждениями. Гражданскія спорныя дѣла требуютъ не менѣе вниманія, нежели уголовныя, потому что здѣсь дѣло идетъ о *моемъ и твоемъ*. Что и въ гражданскихъ дѣлахъ вопросъ факта долженъ быть отдѣляемъ отъ вопроса права, доказывается безпрестанно заявляемыми мнѣніями прусскихъ юристовъ. Если же въ уголовныхъ дѣлахъ не довѣряютъ судью, то почему ему довѣрятъ и въ гражданскихъ?

До сихъ поръ въ Пруссіи обращали вниманіе только на внѣшнюю сторону суда присяжныхъ, не вникая въ его сущность, считали его политическимъ учрежденіемъ и средствомъ противодѣйствія правительству. — Сначала онъ дѣйствительно былъ политическимъ учрежденіемъ, какъ это доказываютъ многіе приговоры объ освобожденіи политическихъ преступниковъ, но въ теченіи времени онъ потерялъ этотъ характеръ, не соотвѣтствуетъ прежней своей цѣли и съ измѣненіемъ теоріи доказательствъ въ уголовныхъ дѣлахъ сдѣлался только тяжелымъ бременемъ, которое лучше было бы отложить въ сторону.

Это обозрѣніе показываетъ, какое вліяніе имѣло съ 1848 года французское право на прусское законодательство. Остается только желать, чтобы оно не поставило Пруссію въ положеніе Франціи. Увлеченіе пруссаковъ въ началѣ ихъ свободной политической жизни мнѣніемъ юристовъ прирейнскихъ провинцій и обожаемымъ ими французскимъ правомъ оправдывается надеждою улучшить свое право. Въ настоящее же время между ними болѣе и болѣе утверждается убѣжденіе, что избранный путь опасенъ и что они обладаютъ запасомъ своего рода силы и способностей, могущихъ доставить имъ что нибудь хорошее и годное къ употребленію. Самоуваженіе и самопознаніе составляютъ первое условіе для того, чтобы и въ законодательствѣ избавиться отъ рабскаго подражанія иностранцамъ, чтобы узнать, что не всегда новое лучше, но что слѣдуетъ, удерживая старое, постепенно его разрабо-

тывать, что законы не подчиняются, какъ платье, какой нибудь господствующей модѣ, но держатся глубокими корнями въ народныхъ нравахъ и народномъ духѣ.

П. ЮРЕНЕВЪ.

СПбГУ

О НАЧАЛАХЪ НОВАГО ПРОЕКТА

ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

ВЪ АВСТРИИ.

Въ числѣ реформъ, которыми въ настоящее время занято австрійское правительство, находится преобразование гражданскаго судопроизводства. Желая познакомить нашихъ читателей съ характеромъ этихъ преобразований, мы заимствуемъ изъ австрійской газеты Gerichtshalle изложеніе тѣхъ началъ, которыя положены въ основаніе новаго проекта гражданскаго судопроизводства.

I. Общія опредѣленія.

1) Спорныя гражданскія дѣла докладываются изустно въ присутствіи суда, постановляющаго рѣшеніе.

2) Засѣданія суда публичны.

Публичность засѣданій можетъ быть устранена только въ видахъ нравственности, для сохраненія спокойствія въ залѣ засѣданій и по единогласному желанію обѣихъ тяжущихся сторонъ, побуждаемыхъ къ тому важными причинами.

3) Судопроизводство бываетъ:

1) обыкновенное, или

2) сокращенное.

Первое имѣть мѣсто предъ коллегіальными судами въ подвѣдомственныхъ имъ спорныхъ гражданскихъ дѣлахъ, послѣднее предъ единичными судьями.

Кромѣ того для нѣкотораго рода дѣлъ (наприм., вексельныхъ, дѣлъ о завладѣніи и др.) устанавливаются особые роды судопроизводства.

А. Обыкновенное судопроизводство.

4. Въ обыкновенномъ судопроизводствѣ тяжущіяся стороны должны быть представляемы уполномоченными ими адвокатами, если онѣ сами не имѣютъ права ходатайствовать по своимъ дѣламъ.

5. *Предварительное письменное производство.* Въ обыкновенномъ судопроизводствѣ устнымъ преніямъ предшествуетъ предварительное письменное производство. Оно имѣетъ своею цѣлю приготовить устныя пренія по дѣлу.

6. Бумаги предварительнаго производства должны содержать въ себѣ:

- 1) Фактическую сторону спора.
- 2) Приводимыя тяжущимися доказательства.
- 3) Объясненіе, чего просятъ тяжущіеся.

7. Предварительное производство ограничивается обыкновенно двумя бумагами: исковымъ прошеніемъ и отвѣтомъ.

При обширности или особенной запутанности фактической стороны дѣла могутъ быть допущены, какъ исключеніе, двѣ новыя бумаги: возраженіе и опроверженіе, если безъ нихъ невозможно основательное разъясненіе спорнаго вопроса при устныхъ преніяхъ.

Для допущенія этого исключенія необходимо ходатайство одной изъ тяжущихся сторонъ и разрѣшеніе суда.

8. Бумаги предварительнаго производства представляются въ судъ. Доставка ихъ тяжущимся сторонамъ, равно какъ и всѣхъ постановленій суда, принадлежитъ къ обязанностямъ суда.

Что касается до взаимной передачи тяжущимися судебных бумаг (наприм., возраженія), или документовъ, то она можетъ происходить и безъ посредства суда, со взятіемъ только лицомъ передающимъ отъ лица получающаго росписки.

9. Пропущеніе срока для представленія какой либо бумаги предварительнаго производства не влечетъ за собою безусловнаго осужденія стороны, допустившей медленность (*Kontumacirung*). Она теряетъ только право представленія этой бумаги, при чемъ противникъ можетъ просить о томъ, чтобы было приступлено къ устнымъ преніямъ.

10. Тяжущіеся могутъ, по взаимному согласію, увеличивать сроки для представленія бумагъ и откладывать день судебныхъ преній.

Для этого не требуется, чтобы тяжущіеся испрашивали разрѣшеніе суда или предпринимали какія либо дѣйствія въ судѣ: достаточно, чтобы они пришли къ соглашенію внѣ суда. Срокъ по подобному соглашенію считается продолжающимся до тѣхъ поръ, пока одна изъ сторонъ не попроситъ судъ о присужденіи противной стороны къ невыгодамъ, сопряженнымъ съ пропущеніемъ срока.

Если тяжущіеся не придутъ внѣ суда къ соглашенію касательно увеличенія сроковъ, то объ этомъ рѣшаетъ судъ въ публичномъ засѣданіи, по выслушаніи обѣихъ сторонъ.

Если судъ замѣтитъ злоупотребленіе адвокатами права продолжать сроки, то онъ можетъ увѣдомить о томъ тяжущихся.

II. Устные пренія.

11. Устные пренія должны обнимать все дѣло какъ съ фактической, такъ и съ юридической стороны.

Требованія тяжущихся излагаются въ свободной, логической рѣчи. Не дозволяется прочитывать бумагъ предварительнаго производства или только ссылаться на нихъ.

Число рѣчей не стѣсняется никакимъ опредѣленіемъ.

Какъ скоро судъ найдетъ дѣло достаточно объясненнымъ, онъ прекращаетъ пренія, при чемъ однако каждому тяжущемуся принадлежитъ послѣднее слово о новыхъ фактахъ или доказательствахъ, приведенныхъ его противникомъ.

12. Тяжущіеся въ своихъ рѣчахъ не стѣсняются представленными ими въ предварительномъ производствѣ бумагами.

Они могутъ объяснять и исправлять ихъ, а также приводить новые факты и доказательства.

Пренія разсматриваются въ отношеніи каждой тяжущейся стороны какъ одно судебное дѣйствіе, такъ что все, заявленное во время ихъ, считается заявленнымъ *своевременно*.

13. Одно исковое прошеніе обязательно для преній въ томъ смыслѣ, что послѣ представленія на него отвѣта не можетъ быть измѣненъ предметъ спора.

Впрочемъ дозволяется исправленіе явныхъ погрѣшностей или ошибокъ въ исчисленіи. Можно также, въ случаѣ отчужденія или уничтоженія отыскиваемыхъ предметовъ, просить вмѣсто ихъ денежнаго вознагражденія.

14. Факты, которые недостаточно уяснены рѣчами тяжущихся, или о которыхъ одна изъ сторонъ вовсе не упомянула, или выразилась неопредѣленно или двусмысленно, должны быть приведены въ ясность посредствомъ вопросовъ.

15. Право дѣлать вопросы принадлежитъ отчасти суду, отчасти тяжущимся сторонамъ (чрезъ посредство предсѣдателя), при этомъ или спрашиваютъ во время самыхъ преній адвокатовъ, представляющихъ лицо тяжущихъ, или вызываютъ въ засѣданіе суда самихъ тяжущихся.

16. Отказъ спрошеннаго лица дать удовлетворительный отвѣтъ на предложенный вопросъ или неявка вызванной въ судъ стороны имѣетъ то юридическое послѣдствіе, что принимаются показанія противника о спорномъ фактѣ.

17. Для сохраненія какъ свѣдѣній о ходѣ преній, такъ и всего того изъ сказаннаго тяжущимися сторонами, что было несогласно съ бумагами предварительнаго производства, а равно

для занесенія всѣхъ постановленій суда служить судебный протоколъ, который ведетъ особо назначенный для сего чиновникъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя.

Если во время преній тяжущіеся отступили во многомъ отъ бумагъ предварительнаго производства, то судъ можетъ потребовать, чтобы они изложили письменно все вновь ими приведенное. Изложеніе это присоединяется къ протоколу.

18. Пренія служатъ основаніемъ для рѣшенія дѣла, даже относительно тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ рѣчи сторонъ отступаютъ отъ бумагъ предварительнаго производства.

19. Сторона, не явившаяся въ судъ въ день, назначенный для преній, подлежитъ осужденію.

Если не явился истецъ, то ему, по просьбѣ отвѣтчика, отказывается въ искѣ; если не явился отвѣтчикъ, то считается, что онъ призналъ справедливыми приведенные въ прошеніи истца факты, хотя бы онъ отвергалъ ихъ въ бумагахъ предварительнаго производства.

20. Если одна изъ тяжущихся сторонъ не явится въ тотъ день, на который вновь были назначены пренія, то въ основаніе судебного рѣшенія должно быть положено все приведенное ею во время прежнихъ преній. Вслѣдствіе сего въ отношеніи неявившейся стороны не принимаются въ соображеніе тѣ только факты изъ приведенныхъ ею, которые подлежатъ спору, какъ не вполне доказанные. Приводимые явившеюся стороною факты считаются признанными отсутствующею стороною, въ той мѣрѣ, въ какой сія послѣдняя не возражала на нихъ.

21. Если было допущено распространеніе письменнаго предварительнаго производства (пункта 7), то каждая изъ сторонъ можетъ, исключая собственнаго признанія, приводить новые факты и доказательства только съ согласія противной стороны. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ судъ долженъ имѣть ихъ въ виду при постановленіи рѣшенія.

Впрочемъ, если въ послѣдней бумагѣ были приведены новые факты и доказательства, то служащіе къ опроверженію

ихъ факты и доказательства могутъ быть приведены во время преній.

III. О доказательствахъ.

22. Спорные факты должны быть доказаны, исключая того случая, когда они общеизвѣстны. Вопросъ объ общеизвѣстности фактовъ (*Offenkundigkeit*) рѣшаетъ судъ на основаніи дошедшихъ до него свѣдѣній и своего убѣжденія.

23. Признаніе извѣстнаго факта доказаннымъ или недоказаннымъ зависитъ отъ суда, который руководится своимъ убѣжденіемъ, основаннымъ на преніяхъ и приведенныхъ доказательствахъ.

При обсужденіи вопроса о принятіи или непринятіи извѣстнаго доказательства судъ руководится предписаніями закона. Если вопросъ не разрѣшается законами, то судъ основываетъ свое заключеніе на обстоятельствахъ частнаго случая.

24. Что касается доказательствъ, то въ законахъ должны заключаться опредѣленія только относительно документовъ, собственнаго признанія и присяги.

IV. Приведеніе доказательствъ.

25. Приведеніе доказательствъ и возраженій на нихъ соединяется съ приведеніемъ самыхъ фактовъ.

а) о документахъ.

26. При доказательствѣ документами должно копій съ нихъ препроводить противнику.

Производство предъявленія (такъ называемое *Productions-Verfahren*, т. е. представленіе оригиналовъ и принятіе объясненій на нихъ противника) обыкновенно имѣетъ мѣсто во время преній, предъ судьями процесса. Въ исключительныхъ случаяхъ оно можетъ происходить предъ уполномоченнымъ членомъ суда процесса или другимъ судомъ, но тогда составленный объ немъ протоколъ долженъ быть препровожденъ въ судъ процесса.

27. Противникъ тяжущагося, приводящаго въ доказательство документы, можетъ просить объ осмотрѣ оригиналовъ ранѣе того дня, на который назначены пренія, и при томъ или въ канцеляріи суда, или внѣ суда.

Но объясненія противника относительно документовъ и въ этомъ случаѣ должны быть приведены во время самихъ преній.

Отказъ тяжущагося, приводящагося въ доказательство документы, исполнить желаніе его противника, имѣеть то юридическое послѣдствіе, что онъ, въ случаѣ отказа противника дать во время преній объясненія касательно документовъ, долженъ нести тѣ издержки, которыя произойдутъ отъ необходимости отложить дѣло.

б) о свидѣтельскихъ показаніяхъ.

28. Свидѣтельскія показанія допускаются во всякаго рода дѣлахъ.

29. Не могутъ быть допрашиваемы какъ свидѣтели тѣ лица, которыя имѣють законное основаніе отказать отъ дачи показаній (какъ то: духовные, чиновники, адвокаты и проч. относительно фактовъ, сообщенныхъ имъ по ихъ профессіи), а также тѣ, которые по своимъ тѣлеснымъ или умственнымъ недостаткамъ неспособны къ наблюденію надъ спорными фактами или къ сообщенію объ нихъ свѣдѣній.

Опредѣленіе достовѣрности всѣхъ прочихъ свидѣтелей и доказательности ихъ показаній предоставляется суду, который долженъ при этомъ обращать вниманіе какъ на субъективные, такъ и объективные моменты.

30. Предложеніе доказательствъ посредствомъ свидѣтелей заключается въ томъ, что тяжущійся приводитъ тѣ факты, которые составляютъ предметъ доказательства, и затѣмъ указываетъ на имя и мѣсто жительства свидѣтеля.

31. Если судъ по окончаніи преній найдетъ показанія предложеннаго свидѣтеля необходимымъ для разрѣшенія дѣла, то онъ объявляетъ свое заключеніе объ этомъ и дѣлаетъ распоряженіе о допросѣ свидѣтеля.

Это заключеніе и соединенныя съ нимъ распоряженія можно обжаловать только въ апелляціонной жалобѣ на рѣшеніе дѣла по существу.

32. Свидѣтели даютъ свои показанія обыкновенно въ публичномъ засѣданіи суда процесса.

Допросъ свидѣтелей производится предсѣдателемъ. Члены могутъ также дѣлать вопросы свидѣтелю непосредственно, тяжущіеся чрезъ посредство предсѣдателя. Содержаніе свидѣтельскихъ показаній записывается въ протоколѣ.

33. Допросъ свидѣтелей иногда можетъ быть произведенъ членомъ, уполномоченнымъ отъ суда, или другимъ судомъ. Тяжущіеся во всякомъ случаѣ имѣютъ право присутствовать при допросѣ свидѣтелей и предлагать имъ вопросы. Если тяжущіеся не могутъ присутствовать лично, то они имѣютъ право сообщить свои вопросы письменно. Составленный о свидѣтельскихъ показаніяхъ протоколъ долженъ быть прочтенъ во время преній.

в) Объ экспертахъ.

34. Призваніе экспертовъ имѣетъ мѣсто или по просьбѣ тяжущихся или по опредѣленію суда, признающаго необходимымъ выслушать мнѣніе экспертовъ.

35. Судъ разсматриваетъ заключеніе экспертовъ и имѣетъ право принять его или отвергнуть, не будучи обязанъ слѣдовать непременно мнѣнію большинства экспертовъ или даже ихъ единогласному мнѣнію.

36. Кто хочетъ предложить доказательство чрезъ экспертовъ, тотъ долженъ точно обозначить тѣ пункты или предметы, по которымъ онъ считаетъ нужнымъ привести мнѣніе экспертовъ.

37. Если судъ по окончаніи преній найдетъ нужнымъ выслушать мнѣніе экспертовъ, то онъ объявляетъ свое объ этомъ постановленіе, дѣлаетъ должныя распоряженія и предлагаетъ тяжущимся выбрать экспертовъ, если они этого еще не сдѣлали.

Это постановление и соединенныя съ нимъ распоряженія можно обжаловать только въ апелляціонной жалобѣ на рѣшеніе дѣла по существу.

38. Принятіе этого рода доказательства происходитъ, смотря по обстоятельствамъ отдѣльнаго случая, въ публичномъ засѣданіи суда процесса, предъ уполномоченнымъ членомъ суда или предъ другимъ судомъ. Тяжущіеся имѣютъ право при этомъ присутствовать и обращать вниманіе экспертовъ на тотъ или другой предметъ.

39. Эксперты могутъ объявить свое мнѣніе изустно или изложить его письменно. Въ послѣднемъ случаѣ, а также если принятіе доказательства происходило не въ засѣданіи суда процесса, ихъ мнѣніе, изложенное ими письменно или занесенное въ протоколъ, прочитывается во время преній.

Хотя мнѣніе, объявленное экспертами въ засѣданіи суда процесса, записывается въ протоколъ, однако судъ имѣетъ право пригласить экспертовъ для дальнѣйшихъ объясненій въ комнату своихъ совѣщаній.

г) о судебномъ осмотрѣ.

40. Судебный осмотръ можетъ быть назначенъ во всякомъ положеніи дѣла по просьбѣ сторонъ или ех офіціо, вслѣдствіе мнѣнія суда о необходимости его.

Кто хочетъ предложить этого рода доказательство, тотъ долженъ только обозначить предметы осмотра.

Когда судъ соглашается на просьбу тяжущагося о производствѣ судебного осмотра или когда онъ самъ признаетъ его нужнымъ, то онъ объявляетъ свое постановление, которое не можетъ быть обжаловано, и немедленно принимаетъ необходимыя къ его исполненію мѣры.

41. Судебный осмотръ производится цѣлымъ составомъ суда или однимъ его членомъ, въ присутствіи тяжущихся, двухъ свидѣтелей и въ случаѣ необходимости эксперта.

О судебномъ осмотрѣ составляется протоколъ, который прочитывается во время преній.

д) о присягѣ.

42. Кто хочетъ предложить присягу, тотъ долженъ представить буквальное содержаніе присяги, съ точнымъ обозначеніемъ тѣхъ предметовъ, къ которымъ она должна относиться, а равно свое согласіе принять присягу, въ случаѣ отказа противной стороны.

43. Противникъ стороны, предлагающей присягу, долженъ во время устныхъ преній представить свои объясненія объ этомъ доказательствѣ и о содержаніи присяги и объявить, принимаетъ ли онъ присягу или отказывается отъ нея.

44. Послѣ объясненій сторонъ судъ, если считаетъ возможнымъ, по обстоятельствамъ дѣла, допустить присягу, постановляетъ о томъ условное рѣшительное опредѣленіе (bedingtes Endurtheil).

Принятіе этого доказательства (принесеніе присяги) имѣетъ мѣсто послѣ того, какъ означенное опредѣленіе войдетъ въ окончательную законную силу.

Обязавшійся присягнуть долженъ въ теченіе срока, опредѣленнаго въ рѣшеніи, подать въ судъ прошеніе о назначеніи дня для принесенія присяги.

Принесеніе присяги обыкновенно происходитъ въ публичномъ засѣданіи суда процесса, иногда предъ уполномоченнымъ членомъ суда или другимъ судомъ, но во всякомъ случаѣ въ присутствіи тяжущихся.

45. Доказательство посредствомъ *присяги объ исполненіи или о цѣльи* (Erfuellungs-oder Schaetzungs-Eid) допускается по просьбѣ одного изъ тяжущихся или же назначается судомъ.

О принятіи этого доказательства судъ постановляетъ условное рѣшительное опредѣленіе; остальное производство то же, какъ при обыкновенной присягѣ.

V. Рассмотрѣніе доказательствъ.

46. Послѣ принятія доказательствъ, исключая доказательства посредствомъ присяги, происходятъ объ нихъ пренія ме-

жду тяжущимися въ публичномъ засѣданіи суда процесса.

Если принятіе доказательствъ происходило въ судѣ процесса, то пренія непосредственно слѣдуютъ за нимъ; въ противномъ случаѣ для нихъ назначается особый день по полученіи протокола о принятіи доказательствъ.

При этихъ преніяхъ тяжущіеся должны ограничиться разсмотрѣніемъ результатовъ приведенныхъ доказательствъ или, въ случаѣ необходимости, представленіемъ результатовъ всѣхъ преній. Они не имѣютъ права приводить новые факты и предлагать новыя доказательства, исключая присяги.

VI. Рѣшеніе.

47. По окончаніи преній (о дѣлѣ или о доказательствахъ) судъ, послѣ тайныхъ сужденій по дѣлу и подачи головъ, постановляетъ рѣшеніе и объявляетъ его въ публичномъ засѣданіи.

Въ теченіи трехъ дней послѣ постановленія рѣшенія, оно должно быть изложено письменно и сообщено тяжущимся сторонамъ.

Срокъ для приведенія рѣшенія въ исполненіе и для вступленія его въ окончательную законную силу считается со времени доставленія рѣшенія сторонамъ.

48. Въ рѣшеніи должны быть приведены основанія, которыя излагаются отдѣльно отъ самаго разрѣшенія судомъ дѣла, и не вступаютъ въ окончательную законную силу.

VII. Законныя средства (Rechtsmittel).

49. Обыкновенныя законныя средства суть слѣдующія:

- а) Частная жалоба (Beschwerde).
- б) Апелляція (Berufung).
- в) Прошеніе объ уничтоженіи производства (Nichtigkeitsbeschwerde).

Чрезвычайное законное средство составляетъ:

г) Возвращеніе въ прежнее состояніе (die Wiedereinsetzung in den vorigen Stand, in integrum restitutio).

50. Апелляція имѣетъ мѣсто противъ условныхъ или безусловныхъ рѣшительныхъ опредѣленій (bedingte oder unbedingte Endurtheile) судовъ первой инстанціи.

Частной жалобѣ подлежатъ другія постановленія судовъ первой инстанціи во время производства дѣла или приведенія рѣшенія въ исполненіе.

Прошеніе объ уничтоженіи производства допускается на такія рѣшенія и распоряженія судовъ первой и второй инстанцій, при которыхъ не было обращено вниманія на существенныя предписанія законовъ гражданскаго судопроизводства, или которыя основываются на неправильномъ примѣненіи закона, или на несоотвѣтствующемъ обстоятельствамъ дѣла фактическомъ предположеніи.

51. Срокъ, въ теченіе котораго можно воспользоваться каждымъ изъ приведенныхъ законныхъ средствъ защиты, состоитъ изъ 14 дней, считая со времени объявленія рѣшенія (изъ этого правила должно исключить болѣе краткіе сроки въ особыхъ родахъ судопроизводства).

52. Частная жалоба можетъ быть принесена на всѣ постановленія суда, исключая только тѣхъ, въ отношеніи которыхъ законъ положительно ее запрещаетъ.

Она можетъ быть подана отдѣльно или же заключаться въ нѣкоторыхъ, поименованныхъ закономъ случаяхъ въ самой апелляціи.

53. Отдѣльно подаваемая частная жалоба должна быть изложена письменно и представлена въ судъ, постановившій опредѣленіе, на которое жалуются. Судъ препровождаетъ ее вмѣстѣ съ нужными актами и объясненіями суду второй инстанціи.

Послѣдній разрѣшаетъ ее въ тайномъ засѣданіи, выслушавъ предварительно референта (докладчика).

54. Апелляція подается въ судъ, постановившій рѣшеніе.

Для подтвержденія или опроверженія апелляціи могутъ быть приведены новые факты и доказательства.

Эти новые факты и доказательства могутъ быть изложены или въ самой апелляціи или въ особомъ прошеніи. Правило это примѣняется и къ подаваемому противникомъ отвѣту (Beantwortungsschrift).

Всѣ бумаги предварительнаго производства и судебные акты первой инстанціи должны быть представлены суду второй инстанціи.

55. Судъ второй инстанціи опредѣляетъ референта и назначаетъ день, въ который референтъ докладываетъ о всемъ ходѣ дѣла.

Въ слѣдующихъ затѣмъ устныхъ пренійхъ тяжущіеся не имѣютъ права приводить новыхъ фактовъ и доказательствъ, не содержащихся въ апелляціонныхъ бумагахъ.

56. Если обѣ тяжущіяся стороны не явятся въ день, назначенный для преній, то дѣло рѣшается на основаніи актовъ. Если отсутствуетъ только одна сторона, то за основаніе рѣшенія принимаются объясненія присутствующей стороны, представленные акты и поданныя отсутствующею стороною при апелляціонномъ производствѣ бумаги.

Если во время производства въ апелляціонномъ судѣ встрѣтится необходимость въ принятіи доказательствъ, вслѣдствіе вновь приведенныхъ тяжущимися обстоятельствъ дѣла или упущеній суда первой инстанціи, то апелляціонный судъ или самъ дѣлаетъ распоряженія о принятіи доказательствъ или возлагаетъ это на низшій судъ.

Въ случаѣ важныхъ упущеній или неполноты производства, высшій судъ можетъ препоручить низшему суду исправленіе упущеній или пополненіе производства и постановленіе новаго рѣшенія.

57. Прошеніе объ уничтоженіи производства излагается письменно и подается въ тотъ судъ, на дѣйствія котораго жалуются.

Въ этомъ прошеніи должны быть опредѣленно обозначены

тѣ обстоятельства и основанія, изъ которыхъ выводится предполагаемая жалобщикомъ ничтожность производства.

Порядокъ разсмотрѣнія прошенія объ уничтоженіи производства таковой же, какъ аппеляціи или частной жалобы.

58. Кассационный судъ, въ случаѣ признанія прошенія уважительнымъ, уничтожаетъ обжалованное рѣшеніе и самъ рѣшаетъ дѣло, если оно ему подвѣдомственно, или возвращаетъ дѣло для новаго разсмотрѣнія и рѣшенія въ прежній судъ, или наконецъ препровождаетъ его въ новый судъ той же инстанціи, если встрѣтятся уважительныя къ тому причины.

Суды, въ которые отсылается дѣло для новаго производства и для постановленія новаго рѣшенія, обязаны руководствоваться заключеніями кассационнаго суда.

59. Чрезвычайное законное средство возвращенія въ прежнее состояніе имѣетъ мѣсто:

а) при пропускеніи какого либо срока или при неявкѣ въ день, назначенный для преній;

б) при вновѣ открытыхъ доказательствахъ.

60. Въ первомъ случаѣ ходатайство должно быть выражено въ письменномъ прошеніи; судъ рѣшаетъ объ немъ по выслушаніи взаимныхъ объясненій сторонъ въ публичномъ засѣданіи.

61. Во второмъ случаѣ ходатайство должно быть выражено въ формѣ жалобы, содержащей въ себѣ не только просьбу о возвращеніи въ прежнее состояніе, но и о соотвѣтствующемъ измѣненіи послѣдовавшаго по существу дѣла рѣшенія. При производствѣ по таковой жалобѣ должно руководствоваться общими правилами.

Б. Сокращенное судопроизводство.

62. При производствѣ дѣлъ предъ единичнымъ судьей встрѣчаются слѣдующія существенныя отступленія отъ правилъ обыкновеннаго судопроизводства:

Не требуется представленія въ судѣ тяжущихся адвока-

тами;—ходатайство можетъ быть заявлено словесно для внесенія въ протоколъ;—не имѣетъ мѣста письменное предварительное производство;—устныя пренія не связаны никакими формами, исключая тѣхъ, которыя руководящій преніями судья считаетъ полезными для полнаго разъясненія дѣла;—не допускается требованіе о предварительномъ сообщеніи и осмотрѣ документовъ, приводимыхъ въ доказательство одною изъ сторонъ;—свидѣтели могутъ быть приглашены тяжущимися безъ особаго вызова судомъ и немедленно допрошены;—въ случаѣ необходимости судебного осмотра, судъ вмѣстѣ съ тяжущимися сторонами можетъ отправиться на мѣсто и тамъ продолжать пренія;—не существуетъ особаго производства при принятіи доказательствъ и представленіи тяжущимися на нихъ объясненій;—доказательство посредствомъ присяги можетъ быть допущено во всѣхъ случаяхъ, не подлежащихъ апелляціи, безъ особаго постановленія суда и присяга принесена во время преній, при чемъ формулированіе ея составляетъ обязанность суда;—рѣшеніе объявляется тяжущимся обыкновенно словесно, оно излагается письменно и въ такомъ видѣ доставляется тяжущимся только по ихъ просьбѣ;—въ протоколѣ, который ведется о преніяхъ, должно помѣщать только самое существенное;—въ дѣлахъ, не подлежащихъ апелляціи, дозволяется совсѣмъ не вести протокола, но существенный результатъ преній все таки долженъ быть обозначенъ въ началѣ рѣшенія; по дѣламъ, предметы которыхъ не превышаютъ извѣстной суммы, не допускается апелляція и дозволяется только приносить жалобы на непринятіе дѣла къ разсмотрѣнію.

В. Особое производство по взысканіямъ (Mahn-Verfahren).

63. При взысканіи суммъ, не превышающихъ N N рубл., кредиторъ можетъ просить, чтобы судъ послалъ должнику *предписаніе о платежѣ* (Zahlungs-Befehl), по которому онъ, во избѣжаніе экзекуціи (Execution), долженъ въ теченіе 14 дней заплатить свой долгъ или представить возраженія противъ требованія истца.

По истеченіи 14 дней кредиторъ можетъ просить о выдачѣ ему экзекуціоннаго предписанія или о дополненіи предписанія о платежѣ помѣтою о томъ, что оно должно быть приведено въ исполненіе (Vollstreckungsklausel).

Для уничтоженія силы предписанія о платежѣ достаточно для должника заявить въ судѣ, что онъ возражаетъ противъ требованія кредитора. Послѣ такого заявленія, судъ назначаетъ день для преній и затѣмъ въ дальнѣйшемъ производствѣ руководствуется общими правилами.

Г. Приведеніе рѣшенія въ исполненіе.

64. Объ исполненіи должно ходатайствовать въ судѣ, постановившемъ рѣшеніе.

65. Исполненіе производится самимъ судомъ или его органами (судебными приставами, нотариусами и пр.).

А. КНИРИМЪ.

ОТДѢЛЪ II.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

A. РУССКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ.

I.

Исполненіе судебныхъ рѣшеній въ отношеніи раздѣла недвижимыхъ имѣній между наследниками принадлежитъ къ обязанности суда, а не полиціи.— Въ губерніяхъ черниговской и полтавской дочь, выданная замужъ при жизни отца, не имѣетъ права требовать выдѣла себѣ приданого изъ оставшаго послѣ его смерти имѣнія.—

Общее собраніе 1-хъ 3-хъ департаментовъ и департамента герольдіи правительствующаго сената, разсмотрѣвъ дѣло о правахъ воспитанника императорскаго московскаго воспитательнаго дома Александра Заботина (*) на фамилію и наследство

(*) См. іюльскую книжку Ж. М. Ю.

послѣ генераль-маіора Ширая, указомъ отъ 12 марта 1851 года, предписало черниговской гражданской палатѣ: 1) рожденнаго въ 1818 г. Ульяною Ширай сына Александра признать законнымъ сыномъ ея и генераль-маіора Ширая, возвративъ ему отчество, фамилію и всѣ права, по рожденію принадлежащія; 2) родовое имѣніе генераль-маіора Ширая раздѣлить между сыномъ Александромъ и дочерьми: женою генераль-маіора Марьею Долинскою и женою коллежскаго совѣтника Анастасією Чернолузскою, на точномъ основаніи 828 и 952 ст. х т. св. зак. гражд. изд. 1842 г.; 3) изъ родового материнскаго имѣнія часть, доставшуюся умершему въ 1833 г. Михаилу Шираю, какъ по собственному праву, такъ и по наслѣдству послѣ умершаго въ 1809 г. брата Петра, раздѣлить по ровну между Александромъ Шираемъ и сестрами Долинскою и Чернолузскою; все затѣмъ остальное материнское имѣніе оставить въ безспорномъ владѣніи настоящихъ вотчинницъ; 4) благопріобрѣтенное имѣніе недвижимое и движимое генераль-маіора Ширая, согласно завѣщанію его, оставить въ безспорной собственности генераль-маіорши Долинской и коллежской совѣтницы Чернолузской.

Черниговская гражданская палата объ исполненіи сего указа сената предписала суражскому уѣздному суду, который, сообразивъ рѣшеніе общаго собранія сената съ представленными Александромъ Шираемъ къ дѣлу документами и усмотрѣвъ, что Марья Долинская выдана въ замужество 10 февраля 1829 г., а отецъ ея Степанъ Ширай умеръ 1 августа 1841 года, слѣдовательно послѣ выдачи дочери за мужъ, какое обстоятельство должно быть примѣнено къ 7 пункту 828 ст. т. х св. зак. гражд., опредѣлилъ: 1) предписать стародубскому и суражскому земскимъ судамъ, ни мало не медля, отдѣлить чрезъ кого слѣдуетъ Чернолузской слѣдуюмую ей изъ родового отцовскаго имѣнія $\frac{1}{3}$ часть, остальное же, за выдѣломъ, имѣніе отдать брату ея Александру Шираю и ввести его во владѣніе какъ тѣмъ остальнымъ, которое будетъ слѣдовать ему, Александру, по выдѣлѣ Чернолузской $\frac{1}{3}$ части, такъ и всѣмъ безъ изыятія родовымъ отца его имѣніемъ, на-

ходящимся нынѣ во владѣніи Долинской, на полученіе котораго она, какъ вышедшая въ замужество при жизни отца, не имѣетъ права; независимо отъ сего сообщить въ новозыбковскій, стародубскій, мглинскій и суражскій земскіе суды, чтобы они приступили немедленно къ исполненію указа сената въ отношеніи выдѣла Александру Шираву слѣдуемой ему по прямому смыслу онаго части изъ родового материнскаго имѣнія; 2) допустить Александра Шираву къ совмѣстному съ сестрами его распоряженію имѣніями и пользованію слѣдуемою изъ нихъ частию доходовъ, на основаніи 472 ст. х т. зак. гражд., о недѣланіи въ чемъ Шираву помѣшательства обязать ихъ, Долинскую и Чернолузскую, подписками и объявить о томъ Шираву.

Это опредѣленіе суражскаго уѣзднаго суда генераль-маіорша Долинская обжаловала во всѣхъ частяхъ черниговской гражданской палатѣ и просила, уничтоживъ оное, возвратитъ по прежнему въ общій составъ имѣній ея, Долинской, всѣ части, выдѣленные изъ оныхъ Александру Шираву, съ движимою на личностію и со всѣмъ тѣмъ, что отдано уже ему, и затѣмъ раздѣлъ отцовскаго и материнскаго имѣнія ея, Долинской, съ Александромъ Ширавымъ возложить на межевые суды тѣхъ уѣздовъ, въ вѣдомствѣ коихъ состоятъ оныя, не лишая ея подлежащей части изъ родового отцовскаго имѣнія.

Черниговская гражданская палата нашла, что: а) исполненіе рѣшеній судебныхъ мѣстъ, на основаніи 2635 ст. х т. зак. гражд., принадлежитъ полиціи и б) что указомъ правительствующаго сената предписано родовое имѣніе генераль-маіора Ширавы раздѣлить между сыномъ его Александромъ и дочерьми Долинскою и Чернолузскою на точномъ основаніи 828 и 952 ст. х т., по силѣ коихъ дочерямъ, вышедшимъ въ замужество при жизни отца, братья не обязаны давать какъ имъ, такъ и ихъ потомкамъ никакой части изъ родового отцовскаго имѣнія; просительница же Долинская, какъ изъ дѣла видно, вышла въ замужество еще при жизни отца ея, Степана Ширавы; слѣдовательно дѣйствія по этому дѣлу суражскаго уѣзднаго суда, какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднихъ случаяхъ

правильны, съ указомъ общаго собранія правительствующаго сената и подведенными въ немъ законами согласны. Посему палата оставила жалобу Долинской безъ уваженія. На это постановленіе палаты повѣренный Долинской принесъ жалобу общему собранію сената.

При разсмотрѣніи настоящаго дѣла въ общемъ собраніи сената послѣдовали разныя мнѣнія, а именно: 14 гг. сенаторовъ находили: во 1-хъ, что указомъ общаго собранія сената отъ 12 марта 1851 г., велѣно раздѣлить родовое имѣніе генераль-маіора Ширая между Александромъ Шираемъ, Чернолузскою и Долинскою на основаніи 828 и 952 ст. т. х св. зак. гражд., а не по силѣ завѣщанія генераль-маіора Ширая, которымъ все имѣніе предоставлено двумъ послѣднимъ; точный смыслъ сего указа показываетъ, что Долинская не можетъ быть вовсе отстранена отъ участія въ раздѣлѣ родоваго отцовскаго имѣнія, и что ей должна быть оставлена законная $\frac{1}{8}$ часть; во 2-хъ, что на основаніи того же указа все благопріобрѣтенное имѣніе Ширая, безъ всякаго исключенія, оставлено въ собственность прежнихъ владѣльцевъ, а потому изъ имѣнія сего рода ничего не должно быть предоставлено Александру Шираю и Долинская имѣетъ полное право, посредствомъ документовъ, доказывать, что въ имѣніи, находящемся въ ея владѣніи, составляетъ собственность благопріобрѣтенную; въ 3-хъ, что на основаніи общихъ законовъ, раздѣлъ недвижимаго имѣнія между наследниками можетъ производить только подлежащее судебное мѣсто, и изъ этого закона не сдѣлано никакого изъятія для черниговской губерніи, а поэтому земскіе суды не имѣютъ права производить раздѣла. Вслѣдствіе сего гг. сенаторы, признавая распоряженія черниговской палаты гражданскаго суда къ исполненію указа сената по настоящему дѣлу неправильными и несогласными какъ съ законами, такъ и съ точнымъ смысломъ сего указа, полагали: таковыя уничтожить и строжайше предписать палатѣ, чтобы привела указъ общаго собранія немедленно въ исполненіе по точному его содержанію, безъ малѣйшаго отъ онаго отступленія.

3 Гг. сенаторовъ съ своей стороны находили: 1) что указомъ общаго собранія правительствующаго сената предписано: родовое имѣніе генераль-маіора Ширая раздѣлить между сыномъ его Александромъ и дочерью Долинскою и Чернолузскою на точномъ основаніи 828 и 952 ст. х т. св. зак. гражд., по силѣ же сихъ статей дочерямъ, вышедшимъ въ замужество при жизни отца, братья не обязаны давать какъ имъ, такъ и ихъ потомкамъ никакой части изъ родоваго отцовскаго имѣнія. Просительница Долинская, какъ изъ дѣла видно, вышла въ замужество еще при жизни отца ея, Степана Ширая; слѣдовательно дѣйствія палаты по этому предмету совершенно правильны; 2) что исполненіе рѣшеній судебныхъ мѣстъ, на основаніи 2635 ст. т. х св. зак. гражд., принадлежитъ полиціи, поэтому и въ этомъ отношеніи палата поступила какъ слѣдовало по закону. А потому гг. сенаторы полагали: распоряженія черниговской гражданской палаты, какъ совершенно правильныя, оставить въ своей силѣ, а жалобу Долинской на оныя оставить безъ уваженія.

Вслѣдствіе происшедшаго въ общемъ собраніи сената разногласія настоящее дѣло поступило на консультацію, при министерствѣ юстиціи учрежденную.

На консультаціи нѣкоторые члены соглашались съ мнѣніемъ большинства гг. сенаторовъ, другіе съ мнѣніемъ 3 гг. сенаторовъ.

Г. министръ юстиціи по важности дѣла нашелъ полезнымъ препроводить его на заключеніе г. главноуправляющаго и отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи.

Г. главноуправляющій въ отзывѣ своемъ изъяснилъ слѣдующее.

Происшедшее въ общемъ собраніи правительствующаго сената и на консультаціи министерства юстиціи по настоящему дѣлу разногласіе состоитъ въ томъ, что по мнѣнію большинства какъ г.г. сенаторовъ (14), такъ и членовъ консультаціи (8) указомъ правительствующаго сената 12 марта 1851 года вслѣдствіе признанія рожденнаго въ 1818 году Ульяною

Ширай сына Александра законнымъ сыномъ ея и генераль-маіора Ширай и возвращенія ему отчества, фамиліи и правъ по рожденію, было уже предписано: родовое имѣніе генераль-маіора Ширая раздѣлить *между симъ его сыномъ и дочерьми: Долинскою и Чернолузскою* на основаніи 828 и 952 статей свода законовъ гражданскихъ, а не по силѣ завѣщанія генераль-маіора Ширая, которымъ *все имѣніе предоставлено двумъ послѣднимъ*, и по точному смыслу сего опредѣленія Долинская, хотя и вышедшая замужъ еще при жизни отца, не можетъ быть вовсе отстранена отъ участія въ раздѣлѣ родового отцовскаго имѣнія, и ей должна быть оставлена законная $\frac{1}{8}$ часть;—а три сенатора и пять членовъ консультаціи полагаютъ, что какъ вышеупомянутымъ указомъ правительствующаго сената предписано раздѣлить родовое имѣніе генераль-маіора Ширая между сыномъ его и дочерьми Долинскою и Чернолузскою *на точномъ основаніи 828-й и 952 статей* свода законовъ гражданскихъ, то, согласно съ содержаніемъ сихъ статей, Долинская, *вышедшая за мужъ при жизни отца*, не должна получить никакой части изъ родового имѣнія.

Относительно права наслѣдства дочерей при сыновьяхъ въ губерніяхъ черниговской и полтавской постановлено: въ ст. 952 п. 3. «Наслѣдство дочерей въ имѣніи отца при сыновьяхъ и ихъ нисходящихъ замѣняется назначеніемъ имъ «приданого на основаніи пункта 2 статьи 828».

Въ статьѣ 828-й *п. 1.*, Опредѣленіе количества приданого за дочерью отцемъ ея, при его жизни, зависитъ отъ воли его, и посему отецъ властенъ назначать дочери приданое изъ своего имущества родового или благопріобрѣтннаго, движимаго и недвижимаго по своему усмотрѣнію. *п. 2.*, Буде отецъ умретъ безъ завѣщанія, оставивъ по себѣ одну или нѣсколько дочерей не замужнихъ, или же хотя и оставитъ завѣщаніе, но въ немъ не назначитъ никакого для дочерей своихъ приданого, то сіи дочери при живыхъ братьяхъ должны получить приданое изъ четвертой части всего оставшагося послѣ отца имѣнія. . . . *п. 7.*, Когда дочь, выданная

замужъ при жизни отца своего, будетъ при открытіи послѣ него наслѣдства, требовать отъ своихъ братьевъ или другихъ его нисходящихъ назначенія приданого изъ четвертой части, показывая будто бы отецъ ей во все такового не далъ: то братья ея, ни ей, ниже ея потомкамъ, приданого давать не обязаны; ибо отецъ зналъ, что дѣлалъ по любви къ дѣтямъ своимъ и попеченію своему о ихъ благосостояніи.

Сіе постановленіе внесено въ семь именно видѣ въ сводъ законовъ, какъ особенное для губерній черниговской и полтавской правило, вслѣдствіе Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 1842 года апрѣля 15-го.

И отдѣленію собственной его императорскаго величества канцеляріи было поручено рассмотретьъ дѣйствующій въ губерніяхъ черниговской и полтавской литовскій статутъ для размѣщенія тѣхъ изъ статей онаго, кои должны были быть оставлены въ силѣ и дѣйствіи и внесены въ сводъ законовъ по принадлежности, въ видѣ общихъ для всей Имперіи правилъ или же въ видѣ особенныхъ мѣстныхъ постановленій для губерній черниговской и полтавской.

При семъ необходимо было разрѣшить и тѣ недоразумѣнія и вопросы, которые возникли въ судебной практикѣ относительно смысла и пространства дѣйствія нѣкоторыхъ статей литовскаго статута въ упомянутыхъ губерніяхъ. Посему при внесеніи въ государственный совѣтъ проекта раздѣленія статей литовскаго статута на подлежащія исключенію изъ законовъ дѣйствующихъ и подлежащія внесенію въ сводъ законовъ въ видѣ общихъ для Имперіи правилъ, или же въ видѣ частныхъ для губерній черниговской и полтавской, вмѣстѣ съ тѣмъ представлены были и отдѣльные относительно нѣкоторыхъ статей статута вопросы для особаго ихъ въ законодательномъ порядкѣ разрѣшенія и по онымъ состоялись также отдѣльныя Высочайше утвержденныя мнѣнія государственнаго совѣта 1842 г. апрѣля 15. Въ числѣ сихъ вопросовъ былъ слѣдующій: можетъ ли дочь, выданная замужъ при жизни отца, требовать послѣ смерти его отъ братьевъ выдѣла ей приданого изъ отцовскаго наслѣдства. Государ-

ственный совѣтъ, согласно представленію г. главнѣуправляющаго, положилъ принять въ разрѣшеніе сего вопроса для губерній черниговской и полтавской то правило, которое было постановлено имъ при обсужденіи сего же вопроса относительно губерній западныхъ въ 1840 году апрѣля 7 (13356), какъ состоявшееся въ поясненіе тѣхъ же статей литовскаго статута.—Какъ видно изъ вышеозначеннаго мнѣнія 1840 года апрѣля 7, государственный совѣтъ находилъ, что упомянутый вопросъ ясно и положительно разрѣшается литовскаго статута § 1-ымъ арт. 4 разд. v, въ коемъ прямо и безъ всякаго ограниченія сказано, что вышедшимъ въ замужство при жизни отца дочерямъ, даже въ томъ случаѣ, когда бы онѣ (*по ихъ показанію*) при вступленіи въ супружество ничего отъ родителей не получили, братья и другіе родственники ихъ никакаго приданого, по смерти отца, давать не обязапы ни деньгами, ни движимыми вещами; а въ снхъ только двухъ видахъ или иначе въ *посагъ* и *выправъ*, приданое по смыслу статута, и заключается: ибо имѣніе недвижимое въ составъ онаго вообще не входитъ (разд. v арт. 1, §§ 1, 3, арт. 2 §§ 1 и 4 арт. 15 § 2.).

Но какъ не смотря на такую опредѣлительность закона судебная практика принимала оный перѣдко въ другомъ значеніи, и, въ примѣненіи его къ тяжбымъ дѣламъ встрѣтился наконецъ такіа недоразумѣнія, которыя требовали разрѣшенія высшихъ правительственныхъ мѣстъ, то государственный совѣтъ входилъ въ подробное соображеніе поводовъ къ такому отступленію судебной практики отъ смысла закона и выводилъ изъ подлежащихъ статей литовскаго статута, что хотя дочерямъ и предоставлено по оному нѣкоторое участие въ раздѣлѣ отцовскаго имѣнія, но права сн, относясь исключительно лишь къ тѣмъ изъ нихъ, кои по смерти отца оставались въ дѣвцахъ, ограничиваются, если не сдѣлано родителями особаго назначенія, полученіемъ приданого изъ четвертой части означеннаго имѣнія по оубикѣ онаго; самое же имѣніе остается во владѣніи братьевъ, которые въ указанномъ законами случаѣ, могутъ и причитающюся ихъ

сестрамъ дѣвицамъ оцѣночную сумму уменьшить въ уравненіе съ приданымъ другихъ замужнихъ сестеръ (§§ 1 и 2 арт. 3 разд. v). Отсюда очевидно уже слѣдуетъ, что даже дочери, при жизни отца въ супружество не вступившія, по смерти его награждаются только изъ опредѣленной части его имущества приданымъ, но прямыми и непосредственными правами наслѣдства, при родныхъ братьяхъ, не пользуются, а тѣмъ болѣе не могутъ оними пользоваться дочери замужнія, такъ какъ имъ изъ отцовскаго наслѣдія и самаго приданого требовать не дозволено.— Несомнѣнное подтвержденіе сей мысли государственный совѣтъ находилъ въ 14 арт. v разд., гдѣ постановлено, что имѣніе, оставшееся по смерти матери безъ распредѣленія раздѣляется поровну между всѣми дѣтьми, какъ сыновьями, такъ и дочерьми; но имѣніе отцовское, движимое и недвижимое, принадлежитъ по наслѣдству только сыновьямъ и нисходящимъ по отцѣ.— Вывода изъ сего заключеніе, что дочери, выданныя въ замужство безъ вѣнковой записи и даже безъ всякаго отъ родителей награжденія, не имѣютъ, по духу и общему соображенію всѣхъ постановленій литовскаго статута, права отыскивать, по смерти отца, изъ недвижимаго его имѣнія никакой части, ни въ видѣ приданого, ни въ видѣ наслѣдства, государственный совѣтъ положилъ постановить изображенное нынѣ въ п. 7 статьи 828-й правило.

Къ сему надлежитъ еще присовокупить, что хотя, какъ и было упомянуто въ приведенныхъ здѣсь разсужденіяхъ государственнаго совѣта 1840 года, въ прежнія времена по статуту литовскому выдѣлъ дочерей подъ названіемъ приданого долженъ былъ всегда производиться въ деньгахъ и вообще имуществомъ движимомъ, однако же при отмѣнѣ дѣйствія сего статута за внесеніемъ въ сводъ законовъ всѣхъ сохраняющихъ силу свою статей онаго, въ особомъ мнѣніи государственнаго совѣта 1842 года апрѣля 15 (15527) объяснено, что вышеозначенное правило статута о назначеніи *приданого единственно изъ движимости* основывалось на томъ, что жен-

скій полъ всегда былъ устраняемъ отъ наслѣдованія въ недвижимомъ отцовскомъ имѣнїи; но какъ въ послѣдствїи вошло въ обычай, сообразно общему закону, въ приданое давать и *недвижимое имущество*, то правило сіе не можетъ уже почитаться нынѣ имѣющимъ полную силу.

Обращаясь засимъ къ примѣненію вышеозначенныхъ законоположеній къ настоящему случаю, должно бы конечно заключить, что какъ по п. 7 статьи 828 дочь, вышедшая замужъ при жизни отца, при открытіи послѣ него наслѣдства не имѣетъ права требовать отъ своихъ братьевъ выдѣла ей приданого, и посему не участвуетъ въ раздѣлѣ наслѣдства по закону и какъ въ настоящемъ случаѣ дочь генерал-маіора Ширая, Долинская вышла замужъ еще при жизни отца, то ей и не слѣдуетъ выдѣлять изъ оставшагося послѣ него родового имѣнія части, установленной только для дочерей, оставшихся по смерти отца не замужними. Но при семъ нельзя не обратить вниманія на присовокупленныя къ п. 7 слова: «ибо отецъ зналъ что дѣлалъ по любви къ дѣтямъ своимъ и попеченію своему о ихъ благосостояніи». Сими словами объясняется смыслъ заключающагося въ семъ пунктѣ постановленія, которымъ такъ сказать утверждается и освящается воля отца въ распоряженіяхъ его имуществомъ относительно дочерей и прочихъ своихъ дѣтей. Дочерямъ, выданнымъ замужъ самимъ отцемъ, не дозволяется приносить такъ сказать жалобы на то, что отецъ не назначилъ имъ приданого, и требовать выдѣла имъ онаго изъ оставшагося по смерти отца имущества; отъ нихъ не принимается и показанія, что при выдачѣ ихъ замужъ отецъ не далъ имъ приданого, ибо законъ предоставляетъ сіе на волю отца, который могъ дать имъ приданое негласно или даже по соображеніи обстоятельствъ отдаваемыхъ имъ замужъ дочерей и прочихъ своихъ дѣтей, въ попеченіи своемъ о всемъ семействѣ, не находилъ вовсе нужнымъ выдѣлять имъ приданое, чтобы тѣмъ не уменьшить части сыновей своихъ, можетъ быть болѣе нуждающихся.— Вотъ, кажется, основаніе и основаніе, означенное въ самомъ текстѣ закона, къ постановленію, лишающему за-

мужнихъ дочерей права требовать выдѣла имъ братьями части изъ оставшагося послѣ отца ихъ наслѣдства и таковъ смыслъ и духъ всѣхъ внесенныхъ въ наши гражданскіе законы особенныхъ по сему предмету постановленій для губерній черниговской и полтавской. Въ настоящемъ случаѣ по распоряженію и желанію отца дочери его Долинская и Чернолузская, изъ коихъ первая вступила въ бракъ еще при жизни отца, должны были получить не только опредѣляемую закономъ для составления приданаго дочерямъ часть наслѣдства, но и все вообще оставшееся послѣ отца имущество движимое и недвижимое, благопріобрѣтенное и родовое.

Согласно сей волѣ онѣ дѣйствительно вступили во владѣніе симъ имѣніемъ и хотя нынѣ воспитывавшійся подъ названіемъ Заботина сынъ Ульяны Ширая признанъ законнымъ сыномъ генераль-маіора Ширая и ему присуждено право на оставшіяся послѣ Ширая родовыя имѣнія, но при семъ въ опредѣленіи общаго собранія правительствующаго сената предписано раздѣлить родовое имѣніе генераль-маіора Ширая между сыномъ Александромъ и дочерьми Долинскою и Чернолузскою. Правда, что въ семъ опредѣленіи сказано: раздѣлить на основаніи 828 и 952 статей свода законовъ гражданскихъ, но можно ли на статьѣ 828-й и именно на 7-мъ пунктѣ оной, который, какъ объяснено выше, имѣетъ нѣкоторымъ образомъ цѣлію утверждать распоряженія родителей, основать въ настоящемъ дѣлѣ рѣшеніе, совершенно противное волѣ и распоряженію отца, лишивъ дочь, коей отецъ оставлялъ вмѣстѣ съ другою ея сестрою *все свое родовое имущество*, даже выдѣла въ ея пользу той части, какая закономъ назначена для приданаго оставшимся незамужними по смерти отца дочерямъ и которую отецъ не имѣлъ конечно повода *выдѣлять при своей жизни, ибо по волѣ его и распоряженію не только сія часть, а половина всего имѣнія должна была достаться ей по смерти его*. Сіе заключеніе не соответствовало бы ни справедливости, ни смыслу и духу закона.

На сихъ основаніяхъ г. главноуправляющій соглашался съ имѣніемъ большинства гг. сенаторовъ.

Послѣ новаго разморѣнія настоящаго дѣла на консультаціи, г. министръ юстиціи далъ г. оберъ-прокурору, завѣдующему дѣлами общаго собранія первыхъ 3-хъ департаментовъ и департамента герольдіи правительствующаго сената, ордеръ на пропускъ опредѣленія, вслѣдствіе чего настоящее дѣло было разрѣшено согласно съ изложеннымъ мнѣніемъ большинства гг. сенаторовъ.

II.

Окончательное опредѣленіе свойства несостоятельности представлено не заимодавцамъ, а суду, который потому можетъ признать несостоятельнаго банкротомъ злостнымъ, хотя бы заимодавцы находили его несостоятельность неосторожною или несчастною. — Тяжущіеся могутъ прекратить мировою сдѣлкою гражданское дѣло, но не вправъ остановить преслѣдованіе уголовнымъ судомъ открытымъ во время производства гражданского дѣла преступленій.

13 Ноября 1845 г. купецъ Николай Шошинъ, представляя въ московскій коммерческій судъ два векселя почетнаго гражданина и 1-й гильдіи купца Ивана Борисовскаго и объясняя, что должникъ Борисовскій, не заплатя денегъ, скрылся изъ своего мѣста жительства, просилъ признать его несостоятельнымъ должникомъ.

На сдѣланный вслѣдствіе сего коммерческимъ судомъ Борисовскому запросъ онъ призналъ себя несостоятельнымъ, объяснивъ, что имѣетъ торговыя книги и что вналъ въ неоплатность отъ употребленія значительнаго капитала на постройки. Вслѣдствіе сего коммерческій судъ 11 декабря 1845 года призналъ и объявилъ Борисовскаго несостоятельнымъ должникомъ, опредѣливъ къ нему присяжнымъ попечителемъ купца Элликера.

Присяжный попечитель 12 и 15 января 1846 г. произвел опись имуществу Борисовскаго, находящемуся въ двухъ его магазинахъ, а 18 декабря 1845 г. осмотръ въ занимаемомъ имъ домѣ, при чемъ не оказалось никакого имущества, ему принадлежащаго, пбо мебель, какъ объявилъ братъ его Василій, принадлежала третьему ихъ брату Мартемьяну, которому по раздѣлу достался домъ и мебель.

Въ данномъ затѣмъ присяжному попечителю показаніи Борисовскій объяснилъ, что имѣеть овощнаго товара примѣрно на сумму 5,000 р. асс., одинъ незаложенный домъ и четыре дома, заложенныхъ разнымъ лицамъ въ 195,714 р. 30 к. с. Долговыхъ документовъ на разныхъ лицахъ найдено у Борисовскаго на 17,705 р. 44 к. сер., товаръ его оцѣненъ въ 188 р. 15 к. сер., а на него поступило всѣхъ долговыхъ претензій на 208,621 р. 32³/₄ к., въ томъ числѣ претензія московской конторы коммерческаго банка въ 6,000. р.

По учрежденіи по дѣламъ Ивана Борисовскаго конкурснаго управленія были избраны и утверждены коммерческимъ судомъ: предсѣдателемъ, повѣренный кредитора Ольсуфьева, Осѣровскій, и кураторами: повѣренные: Степанова, Башкировъ и купца Кречетникова, Протопоповъ. Это управленіе, начавъ свои дѣйствія 30 апрѣля 1846 года, при разсмотрѣннн представленныхъ попечителемъ книгъ Борисовскаго п тетради, нашло, что въ первой изъ нихъ записаны расходы на покупку домовъ, матеріаловъ и на уплату рабочимъ, но когда сдѣланы расходы на два послѣдніе предмета подъ нѣкоторыми суммами (5,738 р., 347,635 р., 230,700 р. и 146,577 р.) не означено, во второй книгѣ выведенъ балансъ стоимости домовъ и долгамъ Борисовскаго; третья книга вексельная, или срочная, начата 1-го іюня 1838 года и кончена 1 ноября 1845 года; при чемъ нѣкоторымъ статьямъ не означено года, мѣсяца и числа, и есть неоговоренныя подчистки, поправки и вставки между строкъ; въ четвертой съ одной стороны записано полученіе денегъ, начавшееся 26 августа 1843 года и окончившееся 4-го ноября 1845 года, 4 ноября записано полученіе 2,838 р. 55 коп., потомъ безъ означенія чи-

сла 1,050 р. 34 к., а съ другой стороны записанъ приемъ товара; въ пятой заключаются счета съ разными покупщиками съ 1837 г., и потомъ реестръ долгамъ, съ подчистками, помарками и цѣлыми неоговоренными строками; шестая тетрадь безъ переплета, для получения товара, начата 3 мая и кончена 3 ноября 1845 года; въ седьмой и восьмой книгахъ записаны наемщики квартиръ въ домахъ.

По разсмотрѣніи этихъ книгъ, конкурсное управленіе спрашивало, между прочимъ, Борисовскаго о томъ, нѣтъ ли у него, кромѣ означенныхъ, другихъ книгъ, относящихся до торговли, и если нѣтъ, то почему онъ не вель книгъ, исчисленныхъ въ 2204 ст. XI т. уст. торг. (изд. 1842 г.), а именно: товарной, кассовой, расчетной и документной, и гдѣ черновая ежедневная книга, которую каждый долженъ имѣть и сохранять въ цѣлости, а также считалъ ли онъ, Борисовскій, себя по книгамъ, какъ повелѣно 2211 ст.

На эти вопросы Борисовскій письменно отвѣчалъ, что, кромѣ означенныхъ книгъ, другихъ, исчисленныхъ въ законѣ, онъ не имѣлъ и не признавалъ нужнымъ имѣть, и никогда себя не считалъ, кромѣ послѣдняго раза.

При допросѣ подъ присягою бывшаго прикащика Борисовскаго, Брызгалова, этотъ послѣдній показалъ, что одна изъ найденныхъ у его хозяина книгъ частію ведена его рукою, и что онъ писалъ ее по приказанію Борисовскаго, который диктовалъ ему по черновой тетради.

Затѣмъ конкурсное управленіе, по разсмотрѣніи реестра кредиторамъ Борисовскаго, подлинныхъ условій на наемъ квартиръ въ домахъ и двухъ книгъ о приемѣ товара и денегъ, между прочимъ нашло: 1, что Борисовскій въ теченіе послѣднихъ 8 мѣсяцевъ предъ несостоятельностью выдалъ долговыхъ документовъ на 235,572 р. 72 коп. сер., но куда употребилъ эту огромную сумму, не видно; 2, въ теченіи послѣднихъ пяти дней, онъ получилъ разныхъ денегъ 1,449 р. 88 к. сер., куда же употребилъ ихъ, — также не видно; 3, 29-го октября и 4 ноября 1845 года онъ взялъ изъ магазиновъ своихъ товару на 2,838 р. 55 к. асс., но также не видно,

куда онъ дѣвалъ его и 4, при поступленіи векселей ко взысканію Борисовскій скрылся изъ Москвы и находился въ отлучкѣ съ 5-го по 18-е ноября. На сдѣланные конкурснымъ управленіемъ о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ Борисовскому вопросы, онъ сначала отвѣчалъ, что не можетъ припомнить; потомъ, касательно употребленія первой суммы отозвался запятованіемъ, сказавъ, что были платежи и разныя покупки матеріаловъ, что полученную съ 1-го по 16-е ноября сумму тратилъ на домашніе расходы и что товаръ взятъ былъ изъ магазиновъ потому, что былъ проданъ, но кому, не припомнить. О тетрадь же, упоминаемой Брызгаловымъ, показалъ, что она имъ, Борисовскимъ, уничтожена.

Между тѣмъ по дошедшимъ до оберъ-полиціймейстера свѣдѣніямъ, что Борисовскій тайно вывозитъ изъ дому своего разное имущество, произведено было 15 и 17 іюня 1846 г. розысканіе, по коему найдено: 1-е, въ домѣ должника Борисовскаго трое дрожекъ, сани и лошадь, 2-е, въ домѣ брата его Мартемьяна Борисовскаго разная мебель краснаго дерева, зеркала, часы, ящики съ мѣдною, фаянсовою и стеклянною посудою и двѣ рояли; въ сараѣ: карета, возокъ, трое саней; на верху сарая: два цибика чаю полныхъ и три начатыхъ, два кулька кофе, шесть стопъ бумаги, два кулька бѣлой бумаги, 10 хомутовъ и разныя старыя торговыя книги.

Должникъ Борисовскій показалъ, что дрожки, сани и лошадь принадлежатъ женѣ его, мебель и зеркала брату, сундуки съ платьемъ и посудою, карета, возокъ и трое саней женѣ его, а двѣ рояли подарены братомъ его дочерямъ. Найденныя на верху сарая: чай, кофе, бумага, хомуты и другія вещи какимъ образомъ туда занесены и кѣмъ положены, онъ не знаетъ.

Когда найденное имущество конкурсное управленіе предположило продать, то братъ должника, купецъ Василій Борисовскій, 2-го октября 1846 года обратился въ управу благочинія съ просьбою, доказывая, что найденная въ домѣ Мартемьяна Борисовскаго мебель принадлежитъ сему послѣднему

и что предсѣдатель Островскій неизвѣстно почему самовольно взялъ оную.

Конкурсное управленіе 12-го ноября 1846 г. заключило: что найденное полиціею имущество, въ томъ числѣ и мебель, принадлежитъ должнику Ивану Борисовскому; это доказывается тѣмъ, что онъ всегда жилъ въ домѣ брата Мартемьяна и что при описи этого имущества и мебели, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1846 г., чиновниками полиціи, самъ должникъ и жена его умолчали о принадлежности мебели Мартемьяну. При этомъ конкурсное управленіе объяснило, что оно вполне убѣждено, что кромѣ означеннаго имѣнія, еще находится гдѣ нибудь имущество должника, также скрытое и имѣющее большую цѣнность. Это убѣжденіе основывается на томъ: 1, что должникъ Борисовскій занималъ огромный двухъ-этажный домъ, имѣлъ семь лошадей, экипажи и прочее; но по описи и по обыску у него не оказалось ничего, даже ни одной ложки, не только серебряной, но и деревянной; 2, что до самой несостоятельности онъ производилъ торговлю въ трехъ мѣстахъ: въ двухъ магазинахъ и въ амбарѣ гостиннаго двора; товаровъ же у него оказалось ничтожное количество, между тѣмъ какъ по тетрадамъ магазинныхъ прикащиковъ не видно, чтобы предъ открывшеюся несостоятельностью была какая нибудь значительная продажа изъ магазиновъ; 3, что найденное полиціею имущество служитъ доказательствомъ, что лучшія и имѣющія большую цѣнность вещи скрыты, такъ на примѣръ: найдено семь кіотъ для тридцати семи иконъ, а самыхъ иконъ къ этимъ кіотамъ не оказалось, найдены два стеклянныхъ колпака безъ часовъ, вся найденная посуда мѣдная, фаянсовая, фарфоровая, хрустальная находилась въ ящикахъ, завязанныхъ веревками, и была уложена въ нихъ въ сѣнѣ, какъ укладываютъ для перевозки. Всѣ эти обстоятельства конкурсное управленіе 24-го декабря 1846 г. представило на усмотрѣніе московскаго военнаго генераль-губернатора, ходатайствуя о командированіи благонадежнаго чиновника къ произведенію изслѣдованія о сокрытіи Борисовскимъ имущества и товаровъ.

Къ этому изслѣдованію, возложенному московскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ на чиновника особыхъ порученій Парначева, по его распоряженію, было присоединено и дѣло, начавшееся въ управѣ благочинія по жалобѣ Василья Борисовскаго о взятіи предсѣдателемъ конкурса Островскимъ имущества, принадлежащаго брату должника Мартемьяну Борисовскому. Должникъ же Борисовскій по постановленіямъ слѣдователей, для отвращенія всякаго рода стачекъ, 21-го января 1847-го г. былъ отосланъ подѣ строгій присмотръ въ арбатскую часть, а потомъ слѣдователи, принявъ въ соображеніе, что Борисовскій имѣетъ сношеніе съ домашними, 5-го марта того же 1847 г. отправили его для содержанія подѣ строгимъ присмотромъ въ тюремный замокъ.

Изъ этого слѣдствія, произведеннаго при бытности предсѣдателя конкурснаго управленія Островскаго, депутата конторы коммерческаго банка, губернскаго слѣдственныхъ дѣлъ стряпчаго и депутата отъ купечества, между прочимъ видно, что Иванъ Борисовскій, при допросахъ слѣдователя, изяснилъ, что онъ не знаетъ, гдѣмъ положена подѣ кровлю принадлежащая его женѣ конская сбруя и кому принадлежать найденные тамъ чай и кофе; въ ноябрѣ 1855 г. онъ ѣздилъ въ Коломну на богомолье, съ неизвѣстнымъ извозчикомъ, взятымъ у заставы; кіоты остались частію послѣ его матери, частію же принадлежать брату его Мартемьяну; находившіеся же въ нихъ образа растрочены его матерью неизвѣстно куда, стеклянные колпаки издавна стояли безъ часовъ и употреблялись для покрытія цвѣтовъ. Излишній, оказывающійся по учету капиталъ, долженъ быть израсходованъ на платежъ процентовъ и на содержаніе себя съ семействомъ, чего въ книгахъ его не значится; какіе же онъ получалъ отъ домовъ и торговли доходы, не помнитъ.—Зять Борисовскаго, Хлудовъ, показалъ, что въ комнатахъ Борисовскаго находились образа въ серебряныхъ ризахъ и бронзированные черные часы и употреблялись серебряныя ложки. Послѣднія обстоятельства о часахъ и ложкахъ подтвердилъ также бывшій прикащикъ Борисовскаго, Брызгаловъ и о часахъ, подѣ присягою, служанка

Марья Гаврилова, а о ложкахъ, подъ присягою, бывшій буфетчикъ Борисовскаго, мѣщанинъ Соболевъ, самъ же должникъ показаль, что ложки принадлежали жепъ его. Другой же прикащикъ, мѣщанинъ Алексѣй Самоновъ подъ присягою показаль, что имъ ведена была въ магазинъ домашняя книга, въ которой записывались пріемъ товаровъ и выдача денегъ; книга эта взята была у него вмѣстѣ съ разными записками и другой тетрадью о ежедневной продажѣ товара въ октябрѣ мѣсяцѣ Борисовскимъ; въ концѣ сего октября вывезенъ былъ его хозяиномъ на его лошади оставшійся въ магазинѣ чай. Изъ бывшихъ у Борисовскаго дворниковъ одинъ Никита Ивановъ показаль, что зимою 1845 года вывезена была изъ дома Борисовскаго карета и обратно не была привозима.

Коммерческій судъ, получивъ это слѣдствіе, 10 февраля 1848 г. передалъ его въ конкурсное управленіе съ тѣмъ, чтобы оно немедленно постановило, по заключающимся въ немъ гражданскимъ обстоятельствамъ, опредѣленіе и предложило оное, вмѣстѣ съ слѣдственнымъ дѣломъ, на разсмотрѣніе общаго собранія заимодавцевъ Борисовскаго.

Между тѣмъ многіе изъ кредиторовъ Борисовскаго, въ томъ числѣ довѣритель предсѣдателя конкурса Островскаго, Олсуфьевъ и довѣритель куратора Башкирова, Степановъ, передали свои претензіи другимъ лицамъ, а именно: Куманину, Василию Борисовскому, Чеботареву, Баранникову, Уразову, Персіянинову, Дмитрію Маркову, Журавлеву, Киндякову и Полежаеву, всего десяти лицамъ на 146,799 р. 7 к. сер. За тѣмъ остались безъ передачи претензіи у 18-ти кредиторовъ, всего на 61,822 р. 25³/₄ коп. сер., кромѣ претензіи конторы коммерческаго банка въ 6,000 р. сер. Вслѣдствіе означенныхъ передачъ бывшіе члены конкурснаго управленія, повѣренные Олсуфьева, Степанова и Кречетникова, предсѣдатель Островскій и кураторы Башкировъ и Протопоповъ были уволены отъ сихъ должностей, и на мѣста ихъ въ январѣ, февралѣ и мартѣ 1848 г. избраны на общихъ собраніяхъ кредиторовъ и утверждены коммерческимъ судомъ: въ званіи предсѣдателя коллежскій секретарь Уразовъ и кураторами купецъ Кин-

дяковъ и мѣщане Полежаевъ и Баранниковъ, которыми открыты дѣйствія въ конкурсномъ управленіи 16-го марта.

Между тѣмъ кредиторы Борисовскаго въ общемъ собраніи 19 февраля 1848 г. нашли, что, за окончаніемъ слѣдствія о Борисовскомъ, дѣло обращено въ гражданское, и что на конкурсъ возложено разсмотрѣть заключающіяся въ немъ гражданскія обстоятельства, а потому впредь до признанія надлежащимъ судебнымъ мѣстомъ уголовныхъ со стороны должника поступковъ не представляется необходимымъ содержаніе Борисовскаго подъ стражею, доколѣ окончательнымъ рѣшеніемъ судебного мѣста онъ не будетъ признанъ виновнымъ; почему положили, освободя его изъ подъ стражи, отдать на поручительство. На это постановленіе не изъявили согласія повѣренные кредиторы: Шелапутиной, Старова и за купца Шеина, Чекодаевъ, полагавшіе продолжать содержаніе должника подъ стражею. Но постановленіе это утверждено коммерческимъ судомъ и должникъ отданъ на поручительство купцовъ Куманина и Маркова.

3-го Іюня того же 1848 года контора коммерческаго банка уведомила конкурсное управленіе, что въ нее внесено за Борисовскаго отъ имени неизвѣстнаго 7,121 р. сер., на полную уплату долга конторы по двумъ вексямъ въ 6,000 р. сер. и что затѣмъ контора иска на Борисовскомъ не имѣетъ.

Послѣ сего конкурсное управленіе, разсмотрѣвъ слѣдственное производство о сокрытіи Борисовскимъ имущества, нашло: а) что хотя бывшіе члены управленія имѣли подозрѣніе въ сокрытіи Борисовскимъ имѣнія, но какъ по слѣдствію ясныхъ уликъ на сіе не открыто, то обвинять Борисовскаго по одному подозрѣнію невозможно, и б) что не открыто доказательствъ на принадлежность должнику вывезенной изъ дома мебели и прочаго имущества, а потому конкурсное управленіе 30-го іюля 1848 г. заключило: слѣдственное о Борисовскомъ дѣло прекратить и производство онаго почитать конченнымъ, а мебель и прочее имущество возвратитъ Мартемьяну Борисовскому и женѣ должника.

Это заключеніе, вмѣстѣ съ слѣдствіемъ и производствомъ управы благочинія, было предложено на разсмотрѣніе общаго собранія кредиторовъ, приглашенныхъ для сего 3-го августа 1848 года, и единогласно утверждено явившимся кредиторами, а именно: Некрасовымъ, Куманинымъ, Марковымъ, Юрцовскимъ, Медвѣдевымъ, Корещенковымъ и Михаиломъ Соколовымъ, а потомъ изъявили на него согласіе Персіанцовъ и Чеботаревъ. Одинъ же изъ кредиторовъ Шениъ, поданнымъ въ конкурсное управленіе объявленіемъ, просилъ отослать слѣдственное дѣло къ уголовному разсмотрѣнію.

Затѣмъ конкурсное управленіе, постановленіемъ 13-го іюля 1849 года, изъ числа предъявленныхъ на Борисовскаго долговъ, претензію Старова за кузнечныя работы въ 1,735 р., по неутверженію оной должникомъ Борисовскимъ и по бездоказательности, исключило изъ счета долговъ, а другую претензію купца Шеина, по двумъ роспискамъ, отнесло къ третьему роду и разряду; прочія же претензіи признало безспорными, и причислило къ первому роду и второму разряду. На удовлетвореніе этихъ претензій съ должника Борисовскаго поступило въ конкурсную массу суммы 10,901 р. 44¼ коп. сер., изъ которой употреблено на расходы конкурса 3,892 р. 60 к. сер., затѣмъ осталось въ управленіи наличной суммы 8 руб. 84¼ коп. и билетъ сохранный казны въ 7,000 рублей серебромъ.

Между тѣмъ должникъ Борисовскій предложилъ кредиторамъ своимъ мировую сдѣлку, съ тѣмъ, чтобы получить отъ него, изъ хранящихся въ управленіи денегъ, на рубль, что причтется, а за остальной рубль взять по 5 коп. въ теченіи трехъ лѣтъ. Для разсмотрѣнія этой сдѣлки конкурсное управленіе вызывало кредиторовъ на 8-е іюля 1849 г. въ общее собраніе чрезъ публикацію въ вѣдомостяхъ. Явившіеся кредиторы разсматривали: а) воловой счетъ, б) показаніе должника о причинахъ упадка, в) предложенную имъ мировую сдѣлку, г) слѣдственное дѣло о сокрытіи имущества, съ производствомъ управы о мебели, а также заключеніе конкурснаго управленія 30-го іюля 1848 года, д) вопросъ: какъ

поступить съ несобранными конкурсомъ долгами, и е) все долговое дѣло Борисовскаго. По разсмотрѣніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ, бывшіе въ общемъ собраніи кредиторы: Куманичъ, Чеботаревъ, Марковъ, Персіяниновъ, Журавлевъ и повѣренный Митюшиной (теща должника) и Борисовской, Корещенко, имѣющіе претензій на 124,359 р. 7 коп., постановили: не подозрѣвая должника въ сокрытіи имѣнія и злоумышленномъ банкротствѣ, какъ не избличеннаго по слѣдственному и долговому дѣлу, они изъявляютъ согласіе на предложенную имъ сдѣлку съ возвращеніемъ Борисовскому документовъ. Четыре кредитора: повѣренный Шелапутиной, Посиѣловъ, Шейпъ, Михаилъ Соколовъ и Старовъ, съ исками на 27,214 р. 71 к., не согласились на мировую сдѣлку, требуя, чтобы слѣдственное о Борисовскомъ дѣло было разсмотрѣно отдѣльно, а съ должникомъ, за немѣніе торговыхъ книгъ, поступлено было по законамъ. Изъ прочихъ кредиторовъ братья Борисовскаго съ претензією въ 4,000 р. въ присланномъ объявленіи просили считать ихъ согласившимися съ большинствомъ кредиторовъ, а остальные затѣмъ кредиторы съ исками на 22,246 р. 54³/₄ к. ни сами не явились въ общее собраніе, ни отзывомъ не представили. Тогда конкурсное управленіе представило коммерческому суду объ окончаніи долговаго дѣла Борисовскаго мировую сдѣлку, объяснивъ при томъ, что съ большинствомъ кредиторовъ согласны и члены конкурса съ претензіями на 29,440 р. сер.

Коммерческій судъ, разсмотрѣвъ представленіе конкурснаго управленія, нашель, что ни управленіемъ, ни общимъ собраніемъ заимодавцевъ не сдѣлано заключенія о причинѣ упадка должника и о свойствѣ его несостоятельности, а потому, не приступая къ сужденію о представленной на утвержденіе суда мировой сдѣлкѣ, 26-го іюля 1849 г. предписаль конкурсному управленію немедленно постановить заключеніе о свойствѣ несостоятельности Борисовскаго и предложить оное общему собранію.

Вслѣдствіе сего конкурсное управленіе по заключенію 9-го сентября нашло, что упадокъ должника Борисовскаго про-

изошелъ отъ такихъ обстоятельствъ, которыхъ онъ ни предусмотрѣть, ни отвратить не могъ; покупая ветхія зданія, онъ отстраивалъ ихъ вновь, дабы имѣть отъ нихъ доходы, на что употребилъ собственный капиталъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вошелъ въ кредитъ; но въ послѣдствіи времени малозначительность доходовъ, нахождение впустѣ квартиръ, а между тѣмъ платежъ процентовъ за занятый капиталъ привели его въ совершенное раззореніе. Сверхъ того со времени объявленія несостоятельности Борисовскаго, никто изъ кредиторовъ его, кромѣ повѣренныхъ, бывшихъ членовъ конкурса, Островскаго, Башкирова и Протопопова, не доказывали, чтобы должникъ скрылъ, перевелъ имѣніе, или впалъ въ несостоятельность съ намѣреніемъ; напротивъ, кредиторы неоднократно объявляли, что они не имѣютъ никакихъ подозрѣній въ умысленности или утайкѣ имущества. Хотя же повѣренный Шелапутиной, Поспѣловъ, купецъ Шейнъ и мѣщане Старовъ и Соколовъ объявили подозрѣніе на Борисовскаго въ злонамѣренныхъ поступкахъ, тогда какъ дѣло объ немъ прочими кредиторами окончено мировою сдѣлкою, но подозрѣніе это, основанное на одномъ сомнѣніи, бездоказательно; мѣщанинъ же Соколовъ, при разсмотрѣніи слѣдственнаго дѣла, самъ далъ съ прочими кредиторами мнѣніе о томъ, что не подозрѣваетъ Борисовскаго ни въ сокрытіи имѣнія, ни въ умысленномъ банкротствѣ. Основываясь на сихъ доводахъ, конкурсное управленіе постановило: признать несостоятельность Борисовскаго несчастною.

Кредиторы, явившіеся по вызову на 20 сентября 1849 г. въ общее собраніе съ претензіями на 117,359 р. 7 к., объявили, что они находятъ заключеніе конкурса о признаніи Борисовскаго должникомъ несчастнымъ правильнымъ, а мнѣніе четырехъ кредиторовъ незаслуживающимъ уваженія; двое же кредиторовъ: повѣренный Шелапутиной, Поспѣловъ и мѣщанинъ Соколовъ, съ исками на 17,000 р., объяснили, что Борисовскій не представилъ торговыхъ книгъ, а потому и не можетъ быть признанъ банкротомъ несчастнымъ, и что слѣдственное дѣло о найденномъ и сокрытомъ имуществѣ должно быть предано сужденію присутственныхъ мѣстъ. Изъ прочихъ

кредиторовъ, братья Борисовскаго, съ претензією въ 4,000 р., прислали объявленіе о согласіи ихъ съ мнѣніемъ большинства; остальные же съ исками на 36,822 р. 25³/₄ коп. ни сами не явились, ни отзываютъ не представили.

Московскій коммерческій судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, нашель: 1) что сумма согласившихся на сдѣлку кредиторовъ составляетъ болѣе трехъ четвертей признанныхъ исковъ, законенныхъ для дѣйствительности сдѣлокъ; 2) что отъ не бывшихъ въ общихъ собраніяхъ кредиторовъ никакихъ отзываетъ о несогласіи на мировую сдѣлку въ виду нѣтъ; 3) что домогательство несогласившихся на сдѣлку кредиторовъ Борисовскаго, повѣреннаго Шелапутиной, Поспѣлова, купца Шеина и мѣщанъ Старова и Соколова, въ настоящемъ положеніи дѣла препятствіемъ суду къ допущенію и утверженію сдѣлки служить не можетъ, потому что кредиторы Борисовскаго, въ числѣ коихъ и мѣщанинъ Соколовъ, по разсмотрѣніи въ общемъ собраніи 3 августа 1848 года слѣдственнаго дѣла о должникѣ, единогласно признали, что Борисовскій не скрылъ своего имѣнія и пришелъ въ несостоятельность безъ всякаго намѣренія; противъ чего никѣмъ изъ кредиторовъ его, во все продолженіе долговаго дѣла до объявленія сдѣлки, ни суду, ни конкурсу извѣтовъ обнаруживаемо не было. По сему уваженіямъ коммерческій судъ рѣшительнымъ опредѣленіемъ 19-го октября 1849 года заключилъ: предложенную должникомъ Борисовскимъ кредиторамъ его мировую сдѣлку утвердить, съ тѣмъ, чтобы она распространена была на всѣ предъявленныя на должника претензіи, къ какому бы они роду и разряду причислены не были.

На это опредѣленіе титулярная совѣтница Шелапутина и мѣщане Старовъ и Соколовъ принесли 7 департаменту правительствующаго сената аппеляціонныя жалобы, вслѣдствіе которыхъ сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло, 18 февраля 1852 г. опредѣлилъ: Ивана Борисовскаго признать банкротомъ злонамѣреннымъ и предписать коммерческому суду, согласно 1838 ст. XI т. уст. торг., по преданіи должника уголовному суду, съ личностію его поступить по закону, препроводивъ на обсуж-

деніе подлежащаго судебнаго мѣста какъ слѣдствіе о сокрытіи имущества, тагъ и всѣ относящіяся къ дѣлу свѣдѣнія, въ разсмотрѣніи же порядка, способа и мѣры удовлетворенія заимодавцевъ несостоятельнаго поступить на основаніи существующихъ на сей предметъ законовъ.

Вслѣдствіе всеподданнѣйшей жалобы Борисовскаго на это опредѣленіе сената, общее собраніе московскихъ департаментовъ 16 марта 1854 г. предписало коммерческому суду, чтобы онъ, разсмотрѣвъ заключеніе общаго собранія заимодавцевъ по всѣмъ частямъ, а также возраженія кредиторовъ, несогласившихся на мировую сдѣлку, и сообразивъ тщательно вопросъ о причинѣ упадка и свойствѣ несостоятельности Борисовскаго, постановилъ новое опредѣленіе, не стѣснясь прежнимъ.

Въ такомъ положеніи дѣла коммерческой судъ, разсмотрѣвъ оное въ октябрѣ 1855 года, призналъ Борисовскаго должникомъ неосторожнымъ, отвергнувъ мировую сдѣлку его съ кредиторами.

Между тѣмъ изъ числа кредиторовъ Борисовскаго Шелапутина, Старовъ и Уразовъ прекратили свои иски, а 1 сентября 1854 года Марковъ, Баранниковъ, Киндяковъ, Куманнинъ, Персіяниновъ и Чеботаревъ просили коммерческой судъ объ утвержденіи предложенной Борисовскимъ мировой сдѣлки.

Затѣмъ рѣшеніе московскаго коммерческаго суда обжаловано было однимъ только кредиторомъ, мѣщаниномъ Соколовымъ, который ходатайствовалъ о признаніи Борисовскаго злостнымъ банкротомъ.

По разсмотрѣніи дѣла, 7 департаментъ правительствующаго сената, руководствуясь 1699 и 2219 ст. XI т. уст. торг., призналъ Борисовскаго злостнымъ банкротомъ и предписалъ московскому коммерческому суду предать его суду уголовному.

При исполненіи указа о семъ, посланнаго 6 февраля 1859 г., послѣдній кредиторъ Борисовскаго Соколовъ, по апелляции коего производилось въ сенатѣ дѣло, вовсе прекратилъ свою претензію.

Между тѣмъ Иванъ Борисовскій принесъ на опредѣленіе 7 департамента правительствующаго сената о признаніи его

банкротомъ злостнымъ всеподданнѣйшую жалобу, которую Высочайше повелѣно разсмотрѣть въ общемъ собраніи сената.

Въ общемъ собраніи правительствующаго сената послѣдовали по настоящему дѣлу разныя мнѣнія, вслѣдствіе чего оно поступило на консультацію, при министерствѣ юстиціи учрежденную.

По разсмотрѣніи дѣла на консультаціи, г. управляющій министерствомъ юстиціи въ предложеніи правительствующему сенату изъяснилъ слѣдующее:

Въ настоящемъ дѣлѣ разрѣшенію подлежатъ два вопроса: 1, можетъ-ли мировая сдѣлка мѣщанина Соколова съ Иваномъ Борисовскимъ стѣснять правительствующій сенатъ при постановленіи нынѣ заключенія о свойствѣ несостоятельности сего послѣдняго, и 2, если не можетъ, то къ какому роду несостоятельныхъ должниковъ слѣдуетъ отнести Борисовскаго?

Разрѣшеніе перваго вопроса зависитъ отъ того, кому по закону предоставлено право окончательнаго опредѣленія свойства несостоятельности.

Въ ст. 2004 т. XI уст. о торг. несост. изд. 1857 г. сказано, что постановленія общаго собранія заимодавцевъ о свойствѣ несостоятельности представляются на разсмотрѣніе коммерческаго суда и съ его утвержденія приводятся въ исполненіе.

Въ ст. 1863: свойство несостоятельности и личныя ея послѣдствія опредѣляются судомъ по окончаніи дѣла.

Изъ приведенныхъ статей закона видно, что окончательное опредѣленіе свойства несостоятельности предоставлено *не заимодавцамъ несостоятельнаго должника, а суду*. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что судъ можетъ признать несостоятельнаго должника банкротомъ злостнымъ даже въ томъ случаѣ, когда никто изъ кредиторовъ не преслѣдуетъ его, если они *единогласно* находятъ его несостоятельность неосторожною или несчастною.

Такое постановленіе закона вполне согласуется съ требованіями государственной пользы, такъ какъ каждое банкрот-

ство, а тѣмъ болѣе банкротство злостное, наносить вредъ не только кредиторамъ, но и всему государству, подрывая общественный кредитъ.

Въ настоящемъ дѣлѣ Соколовъ обжаловалъ рѣшеніе коммерческаго суда о признаніи Борисовскаго банкротомъ неосторожнымъ. Вслѣдствіе этой жалобы рѣшеніе коммерческаго суда подверглось пересмотру правительствующаго сената, который нашелъ Борисовскаго банкротомъ злостнымъ и предписалъ о преданіи его уголовному суду. Уже послѣ того какъ послѣдовало опредѣленіе сената, Соколовъ мировымъ прошеніемъ, поданнымъ въ коммерческій судъ, прекратилъ свой искъ съ Борисовскаго.

По ст. 1131 и 1137 ч. II т. X изд. 1857 г. мировыя сдѣлки могутъ быть заключаемы и по постановленіи рѣшенія судебного мѣста и тяжба, прекращенная мировою сдѣлкою, не можетъ быть возобновлена.

Очевидно, что приведенныя постановленія имѣютъ въ виду только гражданскія, а не уголовныя послѣдствія, простирающіяся изъ рѣшенія судебного мѣста. Тяжущіеся всегда могутъ прекратить мировою сдѣлкою свою тяжбу, но тѣмъ самымъ не вправѣ остановить преслѣдованіе уголовнымъ судомъ тѣхъ преступленій, которыя открылись во время производства гражданскаго дѣла, напримѣръ, подлога, обмана и проч.

Изъ всего вышеннеложенаго должно заключить, что Соколовъ можетъ отказаться только отъ взысканія должныхъ ему Борисовскимъ денегъ, но не вправѣ избавить его отъ уголовного суда.

За отрицательнымъ разрѣшеніемъ перваго вопроса слѣдуетъ обратиться къ опредѣленію свойства несостоятельности Борисовскаго.

Въ 534 ст. XI т. уст. о торг. несост. сказано, что если кто изъ торгующихъ не ведетъ установленныхъ закономъ книгъ, то въ случаѣ несостоятельности онъ безъ всякаго оправданія почитается банкротомъ злостнымъ.

Борисовскій вовсе не представилъ многихъ книгъ, требуемыхъ закономъ; представленныя же имъ книги находятся

въ крайнемъ беспорядкѣ, такъ напримѣръ, подъ значительными суммами, показанными въ расходѣ и простирающимися иногда свыше 200,000 руб. асс., не показано, когда онѣ издержаны и на что именно.

Одно это обстоятельство неминуемо должно влечь за собою, по точному смыслу 534 ст. XI т. уст. о торг. несост., признаніе Борисовскаго банкротомъ злостнымъ.

Борисовскій оправдываетъ себя, ссылаясь на примѣчаніе къ 535 ст. XI т. уст. о торг. несост. и утверждая, что онъ долженъ быть причисленъ къ мелочнымъ торговцамъ, ведущимъ торгъ не свыше 3,000 р. сер. въ годъ.

Но примѣчаніе къ 535 ст. не можетъ имѣть никакого примѣненія къ настоящему дѣлу, такъ какъ по буквальному его смыслу общее собраніе кредиторовъ можетъ оправдать мелочнаго торговца не тогда, когда имъ не представлено всѣхъ требуемыхъ закономъ книгъ, а только въ томъ случаѣ, если книги эти ведены не во всемъ сообразно съ предписаннымъ порядкомъ.

Оправданіе Борисовскаго не заслуживаетъ уваженія уже и потому, что онъ отнюдь не можетъ быть признанъ мелочнымъ торговцемъ. По его собственному показанію онъ получилъ при смерти своего отца отъ 350,000 до 370,000 р. асс. въ товарахъ. Предъ своею несостоятельностью онъ вывезъ изъ двухъ своихъ магазиновъ (онъ торговалъ еще въ амбарѣ гостиннаго двора) въ теченіи двухъ дней, а именно 29-го октября и 4-го ноября, товару на 2,838 р. 55 коп. асс., при чемъ въ этихъ магазинахъ еще осталось, по его же показанію, товару на 5,000 р. асс.

Что Борисовскій банкротъ злостный показываетъ съ достаточною очевидностью одно то обстоятельство, что за 8 мѣсяцевъ до признанія себя несостоятельнымъ, онъ занялъ у разныхъ лицъ 235,572 р. 72 к. сер. Въ его торговыхъ книгахъ не только не видно, на что употреблена эта огромная сумма, но даже онъ самъ отозвался незнаніемъ объ ея израсходованіи.

Въ пользу того же заключенія говорить тайная побѣдка Борисовскаго въ ноябрѣ 1845 г. изъ Москвы въ Коломну и неоткрытіе никакого принадлежащаго ему имущества, тогда какъ до своей несостоятельности онъ велъ богатую жизнь.

Руководствуясь вышеизложенными соображеніями, г. управляющій министерствомъ юстиціи признавалъ Ивана Борисовскаго банкротомъ злымъ.

По выслушаніи сего предложенія, въ общемъ собраніи московскихъ департаментовъ правительствующаго сената состоялось узаконенное большинство гг. сенаторовъ, согласныхъ съ предложеніемъ.

Мнѣніе гг. сенаторовъ, несогласныхъ съ предложеніемъ, заключалось въ слѣдующемъ:

Существо дѣлъ о торговой несостоятельности и отличіе ихъ отъ общаго порядка, соблюдаемаго въ дѣлахъ о взысканіи по обязательствамъ, состоитъ въ томъ, что всё распоряженія какъ объ имуществѣ, такъ и о личности несостоятельнаго, опредѣленіе способовъ, порядка и мѣры удовлетворенія и свойства несостоятельности въ отношеніи къ самому должнику—предоставляются здѣсь самимъ кредиторамъ, которые, дѣйствуя то въ качествѣ присутственнаго мѣста, по выбору ихъ составленнаго, то непосредственно въ общемъ своемъ собраніи, разрѣшаютъ всё означенные предметы, и вправѣ руководствоваться исключительно собственнымъ соображеніемъ тамъ, гдѣ дѣло касается личной пользы и правъ ихъ и гдѣ законъ не стѣсняетъ ихъ сужденія положительно постановленными правлами. Не только порядокъ и мѣра удовлетворенія, но и возбужденіе вопроса объ отвѣтственности несостоятельнаго за всё дѣйствія по кредиту, предшествовавшія несостоятельности, зависятъ здѣсь отъ воли самихъ кредиторовъ и снисхожденія ихъ къ должнику. Дѣла о несостоятельности возникаютъ по просьбамъ кредиторовъ и продолжаются подъ ихъ непосредственнымъ наблюденіемъ, отъ усмотрѣнія ихъ зависятъ (1902 и 1984 ст. XI т. св. уст. торг. изд. 1857 г.) возбудить подозрѣніе о злонамѣренномъ банкротствѣ и, сообразно сему, или оставить несостоятельнаго подъ стражей или осво-

бодить изъ подъ оной; они же, по предварительномъ мѣнѣнн конкурса, постановляютъ въ общемъ собраніи заключеніе о свойствѣ несостоятельности должника, и такое заключеніе законъ (1999 ст.) именуетъ *окончательнымъ*; отъ нихъ же, наконецъ записать учиненною съ должникомъ мировою сдѣлкою прекратить конкурсъ, съ чѣмъ вмѣстѣ, по смыслу закона (2017 ст.), прекращаются и всѣ его послѣдствія такъ точно, *какъ бы онаго никогда не было*. И въ порядкѣ уголовного судопроизводства, въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя на основаніи закона не иначе могутъ подлежать вѣдѣнію и рассмотрѣнію суда, какъ вслѣдствіе жалобы обиженныхъ или оскорбленныхъ (а къ таковымъ относится и несостоятельность, хотя бы преднамѣренная), истцу не запрещается и по пренесеніи жалобы мириться съ отвѣтчикомъ и тѣмъ прекращать дѣло (41 ст. уст. угол. судопр.), такъ какъ дѣла о несостоятельности не поименованы въ числѣ исключеній изъ сего общаго правила. Дѣло о несостоятельности по началу своему есть вполнѣ гражданское и не перестаетъ считаться таковымъ дотолѣ, доколѣ формальнымъ опредѣленіемъ о злонамѣренности банкрота не предоставлять дѣлу уголовного теченія тѣ самыя лица, которыя возбудили дѣло въ качествѣ истцовъ гражданскихъ. Уголовное производство и слѣдствіе можетъ быть начато по непосредственному распоряженію правительства (34 и 35 ст. xv т. св. угол. суд.); напротивъ того къ дѣламъ о несостоятельности примѣняется исключительно гражданское правило 280 ст. II т. общ. губ. учрежд. и признаки несостоятельности, какъ бы ни были явны, принимаются къ соображенію судомъ не иначе, какъ вслѣдствіе просьбы кредиторовъ о взысканіи по обязательствамъ (1878 и 1879 ст. уст. торг.). Хотя при прежнемъ производствѣ дѣла возникало и прежнимъ составомъ конкурса поддерживаемо было предположеніе о злонамѣренной несостоятельности Борисовскаго, хотя даже произведено было полиціей слѣдствіе о сокрытіи имъ имущества, но слѣдствіе это, относившееся къ конкурсному дѣлу и произведенное по представленію самаго конкурса, не имѣло и, за силою 205 ст. свода суд. гражд., не могло имѣть отдѣльнаго хода, но передано въ

конкурсное управленіе на его разсмотрѣніе, а предположеніе, первоначально возбужденное, само по себѣ не могло быть поставлено въ предосужденіе должнику; оно нисколько не связывало послѣдующихъ сужденій ни въ томъ же конкурсѣ, ни въ общемъ собраніи, ни въ коммерческомъ судѣ, и могло быть во всякомъ случаѣ измѣнено и оставлено при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи дѣла (209 ст. св. уст. суд. гражд.). Предположеніе это нынѣ утратило уже всякую силу и должно быть оставлено, ибо всѣ безъ исключенія кредиторы Борисовскаго, преслѣдовавшіе его и возбуждавшіе на него обвиненіе въ недобросовѣстности, отказались отъ своихъ претензій, по уваженію къ его бѣдности, и прекратили всякое преслѣдованіе должника; самъ Соколовъ, по апелляціи коего *единственно* рассматривалось дѣло въ правительствующемъ сенатѣ, отказался отъ своей претензій. Въ настоящее время, въ силу Высочайшаго повелѣнія о разсмотрѣніи всеподданнѣйшей жалобы Борисовскаго, дѣло сіе возвращается снова къ тому же положенію, въ которомъ находилось въ 7-мъ департаментѣ сената, когда вступило изъ коммерческаго суда по апелляціи Соколова; слѣдовательно, общему собранію сената предложитъ вновь то самое дѣло, которое въ то время предлежало 7-му департаменту, т. е. ревизія производства и рѣшенія московскаго коммерческаго суда. Единственнымъ поводомъ къ сей ревизіи въ общемъ порядкѣ гражданскаго судопроизводства (487 ст. 2-й ч. х т. св. зак. гражд.) представляется апелляція Соколова. Усматривая, что сія жалоба нынѣ самымъ Соколовымъ уничтожена и что затѣмъ ни съ чьей стороны не имѣется ходатайства по дѣлу, гг. сенаторы не находили за тѣмъ и законнаго повода приступать къ ревизіи производства дѣла и рѣшенія московскаго коммерческаго суда, а потому полагали, оставивъ жалобу Соколова безъ послѣдствій, дать знать о томъ московскому коммерческому суду.

III.

Договоръ составляется по взаимному согласію договаривающихся лицъ (т. х ч. 1 ст. 1528), вслѣдствіе чего никто не можетъ быть принужденъ къ заключенію договора, хотя бы онъ къ тому былъ обязанъ предшествующимъ договоромъ. Сторона, требующая заключенія договора, имѣетъ только право взыскивать понесенные ею убытки.

23 Мая 1854 г. с. петербургскій 1 гильдіи купецъ Степанъ Овсянниковъ и купецъ 2 гильдіи Андрей Кронъ заключили контрактъ объ отдачѣ первымъ послѣднему въ наемъ срокомъ на 5 лѣтъ, считая съ 1 сентября 1854 г., разныхъ помѣщеній для пивовареннаго завода, состоящихъ на землѣ при домѣ Овсянникова рождественской части въ 1-мъ кварталѣ, съ платою по 3,000 руб. сер. въ годъ. По 3-му и 5-му пунктамъ сего контракта Овсянниковъ обязался выстроить на свой счетъ каменный флигель и провести для завода Крона воду изъ Невы; а по силѣ 8 пункта того же контракта, объ договорившіяся стороны обязались по истеченіи контрактнаго срока возобновить сей контрактъ безъ всякой перемѣны еще на 5 лѣтъ за ту же плату. Въ случаѣ продажи дома или передачи кому либо Крономъ пивовареннаго своего завода или части онаго, контрактъ сей, во всей его силѣ, долженъ переходить на новаго владѣльца (пун. 14).

26 Августа того же 1854 г. Овсянниковъ и Кронъ заключили новой контрактъ, по которому, вмѣсто деревяннаго жилого дома, отданнаго въ паймы Крону по первому контракту, сей послѣдній нанялъ въ каменномъ флигелѣ Овсянникова другую квартиру изъ 10 комнатъ, а тотъ деревянный домъ Овсянниковъ обязался сломать. Въ 3 пунктѣ сего контракта сказано, что кромѣ вышепоказанной перемѣны на счетъ одного изъ помѣщеній, первый контрактъ остается во всей его силѣ, срокъ пайма отданныхъ Крону по сему второму контракту помѣщеній назначенъ пятилѣтній, считая съ 1 сентября 1854 г., съ

платою по 700 р. сер. въ годъ, и съ обязанностію какъ Овсянникова, такъ и Крона возобновить, по истеченіи контрактнаго срока, и сей контрактъ еще вновь на 5 лѣтъ на прежнихъ условіяхъ.

По прошествіи контрактнаго срока, Овсянниковъ 15 октября 1859 г. обратился въ 1 департаментъ с.-петербургской управы благочинія съ прошеніемъ о понужденіи купца Крона къ возобновленію означенныхъ контрактовъ. По предъявленію Крону претензій Овсянникова, онъ отозвался, что отъ возобновленія втораго контракта, заключеннаго 26 августа 1854 г., онъ вовсе не уклоняется, что же касается до перваго контракта, то гораздо ранѣе окончанія срока по сему контракту онъ объявлялъ Овсянникову, что, не оставляя означенныхъ въ ономъ помѣщеній за собою, онъ, Кронъ, желаетъ по предоставленному ему 14 пунктомъ контракта праву, передать сей контрактъ на тѣхъ же условіяхъ купцу Шликкеру, но по несогласію Овсянникова такая передача не состоялась.

Разсмотрѣвъ обстоятельства сего дѣла, 1 департаментъ с. петербургской управы благочинія пашель, что какъ съ одной стороны купецъ Кронъ предоставилъ себѣ право по истеченіи контрактнаго срока оставить за собою нанятые имъ у Овсянникова помѣщенія на 5 лѣтъ, такъ съ другой и Овсянниковъ не лишень правъ владѣнія и распоряженія, а какъ договоры должны быть составляемы по взаимному согласію обѣихъ сторонъ, то по сему управа не нашла себя вправѣ сдѣлать распоряженіе къ удовлетворенію ходатайства Овсянникова; а какъ купецъ Кронъ не уклоняется отъ возобновленія втораго контракта, то заключеніе онаго зависитъ отъ взаимнаго согласія Овсянникова и Крона.

На это постановленіе коммерціи совѣтникъ Овсянниковъ 10 февраля 1860 г. принесъ правительствующему сенату жалобу, объясняя въ ней, что Кронъ хотѣлъ передать нанятые у него, Овсянникова по второму контракту помѣщенія купцу Шликкеру не для пивовареннаго, какъ по контракту слѣдовало, но для укуснаго завода; почему онъ, Овсянниковъ и не изъявлялъ на таковую передачу своего согласія. Посему Ов-

Овсянниковъ просилъ, на точномъ основаніи 569, 570, 1536 и 1538 ст. т. х. ч. 1 св. зак. гражд. изд. 1857 г., заставить купца Крона немедленно возобновить оба заключенные съ нимъ, Овсянниковымъ 23 мая и 26 августа 1854 г. о наймѣ помѣщеній для пивовареннаго завода контракта, еще на 5 лѣтъ.

Затѣмъ 10 мая 1860 г. Овсянниковъ вновь обратился въ правительствующій сенатъ съ прошеніемъ, при которомъ, представляя заключенное имъ съ Крономъ 27 октября 1853 г. предварительное домашнее условіе, объяснялъ: 1, что на основаніи сего условія выстроены имъ для пивовареннаго завода Крона два каменные двухэтажные флигеля и на всемъ протяженіи ихъ подвалы со сводами, и кромѣ того проведена изъ Невы вода и сдѣланы для означеннаго завода другія удобства съ условіемъ со стороны Крона содержать все сіи помѣщенія въ продолженіи 10 лѣтъ, и во 2, что хотя купецъ Кронъ объявилъ готовность возобновить второй контрактъ, но по сіе время сего не исполнилъ. Посему Овсянниковъ просилъ, во вниманіе къ тому, что на произведенныя имъ для завода Крона постройки употреблена значительная сумма, обязать Крона немедленно возобновить на 5 лѣтъ два заключенные съ нимъ въ 1854 г. контракта на наемъ разныхъ помѣщеній для пивовареннаго завода.

Вслѣдствіе происшедшаго въ 4 департаментѣ сената разногласія настоящее дѣло поступило въ общее собраніи 4, 5 и межеваго департамента сената, въ которомъ послѣдовало слѣдующее опредѣленіе:

Въ дѣлѣ семъ подлежитъ разрѣшенію слѣдующій вопросъ: можетъ ли купецъ Кронъ, независимо отъ основательности или неосновательности предъявленныхъ имъ противъ претензій Овсянникова возраженій, быть принужденъ къ заключенію съ коммерціи совѣтникомъ Овсянниковымъ новыхъ контрактовъ на наемъ для пивовареннаго завода помѣщеній, хотя бы онъ и былъ къ тому обязанъ прежними условіями? По закону: договоръ составляется по взаимному согласію договаривающихся лицъ (т. х. ч. 1 св. зак. гражд. изд. 1857 г. ст. 1528). Изъ этого основнаго правила о необходимости

взаимнаго согласія при совершеніи договора законъ не допускаетъ ни одного изъятія; а потому, хотя въ заключенныхъ Крономъ съ Овсянниковымъ въ 1854 году двухъ контрактахъ, согласіе обѣихъ договаривавшихся сторонъ на возобновленіе сихъ контрактовъ уже положительно было выражено, но тѣмъ не менѣе нынѣ, за отказомъ Крона отъ такового возобновленія, это предварительно принятое имъ на себя обязательство влечетъ за собою для другой договаривавшейся стороны право требовать не принужденія къ совершенію договора, что было бы несогласно съ установленными въ законѣ правилами совершенія договоровъ вообще, но удовлетворенія за неисполненіе обязательства и вознагражденія за понесенные чрезъ то убытки, какъ это видно изъ статьи 693 того же тома и части, по силѣ которой, въ случаѣ неисполненія по договорамъ и обязательствамъ, а также въ случаѣ обидъ, ущербовъ и убытковъ, каждый имѣетъ право искать удовлетворенія и вознагражденія. Вышеизложенныя соображенія приводятъ къ тому заключенію, что за отказомъ купца Крона отъ заключенія новыхъ контрактовъ на наемъ помѣщеній, принадлежащихъ Овсянникову, онъ, Кронъ не можетъ быть ни по закону, ни по самому порядку совершенія договоровъ, принуждаемъ къ возобновленію таковыхъ контрактовъ; но что коммерціи совѣтникъ Овсянниковъ имѣетъ полное право, на точномъ основаніи ст. 693 т. х. ч. I св. зак. гр. изд. 1857 г., искать съ Крона удовлетворенія за неисполненіе имъ добровольно принятаго на себя въ семъ отношеніи обязательства. По всѣмъ симъ основаніямъ общее собраніе сената по большинству голосовъ опредѣлило: ходатайство коммерціи совѣтника Овсянникова о принужденіи купца Крона возобновить заключенные съ нимъ въ 1854 году контракты признать неподлежащимъ удовлетворенію, объявивъ Овсянникову, что онъ имѣетъ право обратиться установленнымъ порядкомъ съ искомъ о взысканіи съ купца Крона удовлетворенія, за неисполненіе принятаго имъ на себя по означеннымъ контрактамъ обязательства, и вознагражденія за всѣ понесенные имъ отъ сего неисполненія убытки.

Б. РУССКАЯ УГОЛОВНАЯ.

Дѣло крестьянъ Матвѣева, Павлова и другихъ, сужденныхъ за воровство-кражу.—Смягченіе наказанія за воровство-кражу, когда покраденное возвращено добровольно, прежде начала слѣдствія (ст. 2250 улож. о наказ.).

Въ ночь съ 19-го на 20-е мая 1857 года у помѣщичьихъ крестьянъ бѣльскаго уѣзда, смоленской губерніи, Ильи Федорова, Осипа Григорьева и Евстафія Павлова похищено было изъ амбара, съ разобраніемъ крыши, разное имущество, а у Павлова сверхъ того 100 руб. сер.

Происшествіе это дошло до свѣдѣнія бѣльскаго земскаго суда лишь 10-го февраля 1858 г., вслѣдствіе жалобы Евстафія Павлова, обвинившаго въ кражѣ крестьянъ Петра Матвѣева, Федора Павлова, Самуила Григорьева и Леона Екимова и просившаго о розысканіи и возвращеніи ему покраденныхъ вещей. Илья Федоровъ и Осипъ Григорьевъ, спрошенные о произведенной у нихъ покражѣ, объяснили, что покраденное имущество возвращено было имъ по распоряженію сотскаго Афанасьева, и что затѣмъ они не считали нужнымъ подавать объявленіе о покражѣ.

На допросѣ крестьяне Матвѣевъ, Екимовъ, Самуилъ Григорьевъ и Федоръ Павловъ въ кражѣ у Евстафія Павлова ве-

щей и денегъ не сознались (и ничѣмъ въ этомъ не пзобличены), а относительно кражи у Ильи Федорова и Осипа Григорьева показали слѣдующее: Матвѣевъ, узнавъ отъ неизвѣстнаго ему по имени крестьянина, что у Федорова и Григорьева въ амбарѣ есть имущество, которое можно украсть, подговорилъ крестьянъ Екимова, Павлова и Самуила Григорьева къ участию съ нимъ въ этой кражѣ. Ночью они всѣ вмѣстѣ отправились къ амбару; Павловъ, разобравъ крышу, влѣзъ въ амбаръ и впустилъ туда Матвѣева; забирая имущество, они передавали его Григорьеву и Екимову, и по учиненіи кражи возвратились въ домъ Матвѣева, гдѣ раздѣлили между собою поровну украденныя вещи. Послѣ того, когда сотскій Афанасьевъ съ понятыми и истцами пришелъ къ нимъ для производства обыска, то они, сознавшись въ преступленіи, возвратили украденное имущество и вполнѣ удовлетворили Федорова и Григорьева.

Сотскій Афанасьевъ, вотчинный староста Павелъ Павловъ и шесть человекъ крестьянъ, бывшихъ понятыми при обыскѣ, подъ присягою показали, что дѣйствительно при нихъ было найдено у подсудимыхъ Матвѣева, Павлова, Григорьева и Екимова имущество крестьянъ Федорова и Осипа Григорьева, которые были вполнѣ удовлетворены подсудимыми. Объ открытіи же воровства они, показатели, не донесли потому, что по своей крестьянской простотѣ считали дѣло оконченнымъ мирвою сдѣлкою.

На повальномъ обыскѣ подсудимые въ поведеніи не одобрены, при чемъ Матвѣевъ и Павловъ показаны занимающимися воровствомъ и людьми въ общежитіи опасными. Отъ роду всѣмъ подсудимымъ во время совершенія преступленія было болѣе 21-го года.

Смоленская уголовная палата, признавая подсудимыхъ виновными въ кражѣ со взломомъ перваго рода, ночью, по предварительному сговору, и руководствуясь статьею 2228, 2237 и 2245 уложенія, присудила ихъ къ наказанію по 1-ой степени 35-ой статьи. Но принимая во вниманіе, что подсу-

димые еще прежде начала формальнаго слѣдствія возвратили похищенное ими имущество и вполне удовлетворили обокраденныхъ, палата, на основаніи ст. 2250-ой уложенія, заключила смягчить слѣдующее имъ по закону наказаніе тремя степенями.

Противъ этого заключенія уголовной палаты исправлявшій должность смоленскаго губернскаго прокурора далъ протестъ, объясняя, что такъ какъ сознаніе въ преступленіи učinено и покраденное возвращено подсудимыми не по добровольному побужденію, а вслѣдствіе розыска, произведеннаго сотскимъ и замѣнившимъ собою, по винѣ сотскаго, своевременныя дѣйствія земской полиціи, то къ подсудимымъ не можетъ быть примѣнена ст. 2250-ая уложенія и наказаніе должно быть назначено имъ по всей строгости закона.

Протестъ губернскаго прокурора предложенъ былъ министромъ юстиціи на разсмотрѣніе и законное постановленіе правительствующаго сената.

Правительствующій сенатъ нашель, что имущество, украденное Матвѣевымъ, Павловымъ, Григорьевымъ и Екимовымъ, возвращено ими хозяевамъ добровольно, прежде начала слѣдствія, ибо хозяева о произведенной у нихъ кражѣ объявленія не подавали, а имущество отыскано по предварительному обыску сотскаго, вслѣдствіе словесно изъявленнаго хозяевами подозрѣнія на подсудимыхъ по настоящему дѣлу лицъ. Этотъ предварительный обыскъ не можетъ замѣнять собою своевременныя дѣйствія земской полиціи, и формальное слѣдствіе можетъ считаться начавшимся только послѣ объявленія крестьянина Евстафія Павлова, поданнаго въ то время, когда обокраденныя лица были уже вполне удовлетворены подсудимыми. По этимъ соображеніямъ признавая возможнымъ смягчить подсудимымъ наказаніе *двумя* степенями (ст. 2250 ч. 1-ая), правительствующій сенатъ приговорилъ крестьянъ Павлова, Матвѣева, Григорьева и Екимова къ наказанію по 3-й степени 35-ой статьи, въ высшей, на основаніи ст. 2237-ой, мѣрѣ, а именно: къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по

востоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ, наказанію розгами 80 ударами, отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, рабочій домъ или тюрьму на одинъ годъ и ссылкѣ для водворенія въ восточную Сибирь, съ употребленіемъ и тамъ въ работы на основаніи устава о ссыльныхъ.

Проектъ опредѣленія правительствующаго сената представленъ былъ на предварительное разсмотрѣніе министерства юстиціи, которое препроводило его на заключеніе къ г. главноуправляющему и-мъ отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи.

II Отдѣленіе объяснило, что на основаніи статьи 2250-й уложенія о наказаніяхъ, виновнымъ въ кражѣ, добровольно и прежде начатія слѣдствія возвратившимъ украденное хозяину, наказаніе уменьшается двумя или тремя степенями, а если украденное возвращено хотя и добровольно, но уже послѣ начатія слѣдствія, то виновный подвергается наказанію за кражу въ самой меньшей мѣрѣ, или же и одною степенью ниже.

Въ проектѣ уложенія 1845 г. не заключалось этого правила, предназначающаго разсматривавшею проектъ комиссію. Какъ видно изъ самой статьи 2250-ой, основаніемъ къ смягченію наказанія признано раскаяніе виновнаго, обнаруживающееся добровольнымъ возвращеніемъ украденнаго, при чемъ ббльшее или мѣньшее смягченіе наказанія зависить отъ того, когда обнаружилось раскаяніе: до начатія слѣдствія, или же во время производства его. Въ первомъ случаѣ оно вполнѣ добровольное, во второмъ оно вынуждено собранными слѣдствіемъ уликами, что, по мнѣнію и отдѣленія, можетъ быть достигнуто однимъ лишь формальнымъ слѣдствіемъ, отъ коего въ нѣкоторой степени зависить осужденіе или оправданіе подсудимаго.

По статьѣ 2-ой зак. суд. угол. и статьѣ 2549-ой общ. учр. губ., производство слѣдствія и всѣ мѣры, къ нему от-

носящіяся (впредь до опредѣленія судебныхъ слѣдователей), принадлежать полиціи, въ наказѣ коей (общ. губ. учр. ст. 2707 и слѣд). призводство всѣхъ вообще относящихся до земской полиціи слѣдствій поручается земскимъ судамъ, исправникамъ и ставовымъ приставамъ. Сотскіе же и десятскіе, по ст. 2516-ой общ. учр. губ., находятся въ селеніяхъ для исполненія приказаній становыхъ приставовъ. Отсюда явствуешь, что формальное слѣдствіе можетъ быть произведено лишь земскимъ судомъ, исправникомъ или становымъ приставомъ, но никакъ не сотскимъ. Учиненный симъ послѣднимъ въ настоящемъ дѣлѣ розыскъ, не имѣющій характера формальнаго слѣдствія, не можетъ служить препятствіемъ къ уменьшенію наказанія подсудимыхъ, во вниманіе къ добровольному возвращенію украденныхъ вещей.

По этимъ соображеніямъ и отдѣленіе согласилось съ рѣшеніемъ уголовной палаты и опредѣленіемъ правительствующаго сената.

Министерство юстиціи съ своей стороны нашло, что по существу разногласія между уголовною палатою и губернскимъ прокуроромъ, разрѣшенію подлежитъ вопросъ о примѣненіи къ подсудимымъ первой части ст. 2250-й уложенія, по которой наказаніе за воровство-кражу смягчается двумя или тремя степенями, если покраденное будетъ возвращено добровольно прежде начала слѣдствія.

Въ настоящемъ дѣлѣ возвращеніе покраденнаго несомнѣнно произошло прежде начала слѣдствія, исходнымъ пунктомъ котораго послужилъ не обыскъ сотскаго, а объявленіе крестьянина Евстафія Павлова. Затѣмъ остается опредѣлить, было ли возвращеніе вещей добровольное со стороны подсудимыхъ, т. е. представляется ли въ настоящемъ дѣлѣ второе условіе, необходимое для примѣненія 1-й ч. 2250 ст.

Добровольное возвращеніе вещи какъ обстоятельство, уменьшающее степень наказанія, предполагаетъ дѣятельное участіе преступника въ удовлетвореніи обокраденнаго имъ лица, т. е. не только отсутствіе сопротивленія при отобраніи покраден-

ныхъ вещей и передачъ ихъ владѣльцу, но содѣйствіе такой передачъ, напримѣръ, представленіе вещей самимъ подсуднымъ прежде начала обыска или указаніе имъ, во время обыска, мѣста храненія вещей.

Въ настоящемъ дѣлѣ обстоятельства, сопровождавшія возвращеніе вещей, не приведены въ совершенную полноту и ясность и не представляютъ достаточныхъ данныхъ для точнаго разрѣшенія вопроса, въ какой степени удовлетвореніе обокраденныхъ зависѣло отъ доброй воли подсудныхъ. Подсудимые показываютъ только, что когда сотскій съ понятыми пришелъ къ нимъ на обыскъ, то они, сознавшись въ кражѣ, возвратили похищенное; а сотскій и понятые подъ присягою удостовѣряютъ, что при обыскѣ покраденное имущество найдено у подсудимыхъ, которые вполне удовлетворили обокраденныхъ. Если съ одной стороны находка имущества при обыскѣ не свидѣтельствуетъ о добровольномъ возвращеніи онаго подсудимымъ, то съ другой стороны удовлетвореніе самими подсудными лицъ, пострадавшихъ отъ покражи, указываетъ на дѣятельное участіе первыхъ въ уничтоженіи вредныхъ послѣдствій своего дѣянія. При такой неясности настоящаго дѣла, неясности, которую не могло бы устранить обращеніе дѣла къ дослѣдованію чрезъ три года послѣ происшествія, очевидно слѣдуетъ допустить обстоятельства, уменьшающія вину преступниковъ, ибо неполнота и недостаточность слѣдствія ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не должна служить ко вреду подсудимыхъ.

Руководствуясь этими соображеніями, г. управляющій министерствомъ юстиціи разрѣшилъ оберъ-прокурора 1-го отдѣленія 5-го департамента правительствующаго сената на пропускъ опредѣленія, которое и приведено въ исполненіе.

Настоящее дѣло заключаетъ въ себѣ разъясненіе двухъ главныхъ вопросовъ, возникающихъ на практикѣ при примѣненіи 2250 статьи уложенія о наказаніяхъ. Вопросы эти такъ важны,

такъ тѣсно связаны съ многочисленными дѣлами о воровствѣ-кражѣ, наполняющими наши судебныя мѣста, что мы считаемъ не излишнимъ остановиться на нихъ нѣсколько дольше и указать нѣкоторыя данныя, отъ которыхъ въ томъ или другомъ случаѣ зависитъ разрѣшеніе ихъ.

Примѣненіе 2250-й статьи обуславливается *способомъ и временемъ* возвращенія покраденныхъ вещей. Возвращеніе должно быть *добровольное*: это условіе существенное, необходимое, безъ котораго невозможно смягченіе, установленное ст. 2250-ю. Что касается до времени, то возвращеніе можетъ быть произведено прежде или послѣ начала слѣдствія. Смягченіе возможно какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, но въ первомъ оно гораздо значительнѣе, нежели въ послѣднемъ. Разсмотримъ отдѣльно каждое изъ этихъ условій.

Въ приведенномъ нами дѣлѣ, вопросъ о *добровольномъ* возвращеніи вещей разрѣшенъ только въ примѣненіи къ данному случаю, причемъ однако указанъ главный, отличительный признакъ такого возвращенія—*длительное участіе преступника въ удовлетвореніи обокраденнаго имъ лица*. Это участіе можетъ проявляться въ самыхъ различныхъ формахъ и зависѣть отъ самыхъ различныхъ побужденій. Воръ, никѣмъ еще не подозрѣваемый или отклонившій отъ себя подозрѣніе, можетъ раскаяться въ своемъ поступкѣ, явиться къ обокраденному и возвратитъ ему его собственность. Онъ можетъ сдѣлать это при первомъ, еще неопредѣленномъ подозрѣніи, упадающемъ на него. Онъ можетъ возвратитъ вещи во время предварительнаго изслѣдованія о покражѣ, прежде, въ продолженіе или послѣ обыска въ его домѣ. Онъ можетъ принятъ мѣры къ возвращенію вещей уже во время формальнаго слѣдствія, во время суда. Эти различныя обстоятельства могутъ имѣть вліяніе на мѣру смягченія, но они всѣ допускаютъ смягченіе, если только въ образѣ дѣйствій преступника видно искреннее, непринужденное желаніе возвратитъ покраденное, если безъ его содѣйствія отысканіе покраденнаго было бы не-

возможно, или по крайней мѣрѣ чрезвычайно затруднительно. Такъ напримѣръ, если преступникъ, зная заранее о предполагаемомъ у него обыскѣ и имѣя время скрыть украденныя вещи, при самомъ началѣ обыска возвратить ихъ хозяину или полицейскому чиновнику; если во время производства обыска онъ укажетъ вещи въ такомъ мѣстѣ, гдѣ онѣ безъ его указанія едва ли были бы найдены; если послѣ безуспѣшнаго окончанія обыска преступникъ самъ представитъ разыскиваемыя вещи; если, содержась подъ стражей, онъ укажетъ мѣсто храненія покраденнаго, гдѣ оно и будетъ найдено,—то во всѣхъ этихъ случаяхъ, къ преступнику бесспорно можетъ быть примѣнена 2250-я статья. Возьмемъ теперь рядъ противоположныхъ случаевъ. Преступникъ, застигнутый обыскомъ въ расплахъ, не имѣетъ времени спрятать куда-нибудь подальше украденныя вещи, лежащія въ одномъ изъ шкафовъ или ящиковъ его квартиры. Не ожидая начала обыска, результатъ котораго для него заранее очевиденъ, онъ вынимаетъ вещи и возвращаетъ ихъ по принадлежности. Здѣсь, по нашему мнѣнiю, нѣтъ доброй воли, нѣтъ повода къ смягченiю: преступникъ сдѣлалъ только то, что непременно было бы сдѣлано и безъ его участiя, онъ предупредилъ нѣсколькими минутами неизбѣжный результатъ обыска. Правда, такая выдача разыскиваемыхъ вещей есть нѣкоторымъ образомъ сознанiе въ преступленiи: по сознанiю уменьшаетъ наказанiе далеко не въ такой степени, какъ добровольное возвращенiе покраденнаго. Другой случай: еще прежде начала полицейскаго разслѣдованiя, обокраденный, вмѣстѣ съ своими слугами или сосѣдями, идетъ къ тому, кого онъ подозрѣвалъ въ кражѣ, и съ угрозами требуетъ возвращенiя покраденнаго. Требованiе это удовлетворяется преступникомъ—здѣсь мы также не видимъ доброй воли, не видимъ основанiя къ смягченiю.—Если бы было вполне доказано, что воръ, хотя бы и не подозрѣваемый еще въ преступленiи, возвратилъ вещи, по формальному приказанiю или принужденiю родителей или другихъ лицъ, имѣющихъ надъ нимъ власть, то онъ равномерно не имѣлъ бы пра-

ва на смягченіе, даруемое закономъ.—Точно также и въ приведенномъ нами дѣлѣ, если бы сотскій и другіе свидѣтели ограничились показаніемъ, что покраденныя вещи *найдепы* были при обыскѣ у подсудимыхъ, и не упомянули объ удовлетвореніи обокраденныхъ самими подсудимыми—послѣдніе не могли воспользоваться смягченіемъ, установленнымъ въ 2250 ст. уложенія.

Слѣдующіе вопросы представляютъ болѣе затрудненій:

1) *Смягченіе, установленное ст. 2250-ю, распространяется-ли на тѣхъ подсудимыхъ, которые добровольно возвратятъ не все покраденное, а только часть его?*—Мы думаемъ, что для примѣненія 2250-й статьи необходимо возвращеніе всего покраденнаго. На это указываетъ и буквальное содержаніе 2250-й статьи, въ которой вездѣ говорится о возвращеніи *покраденнаго*, а не нѣкоторыхъ только изъ покраденныхъ вещей, и внутренній смыслъ ея, требующій, чтобы преступникъ совершенно загладилъ свое преступленіе. Конечно, могутъ быть случаи, въ которыхъ невозвращенная часть покраденнаго ничтожна въ сравненіи съ возвращенною; но не должно забывать, что столь же легко могутъ встрѣтиться случаи совершенно противоположныя. Мы думаемъ, что возвращеніе нѣкоторыхъ краденныхъ вещей не должно было бы оставаться безъ вліянія на степень наказанія преступника, причемъ мѣра смягченія должна была бы зависѣть отъ количества или цѣнности возвращенныхъ вещей. Но это только наше предположеніе, нисколько неоснованное на 2250 статьѣ.

2) *Примѣняется-ли ст. 2250-я къ тѣмъ случаямъ, когда воръ удовлетворитъ обокраденнаго деньгами сообразно съ стоимостью покраденныхъ вещей?* Статья 2250-я, по нашему мнѣнію, имѣетъ въ виду не только снисхожденіе къ раскаявшемуся преступнику, но и пользу лица, пострадавшаго отъ покражи. Заботясь объ уничтоженіи вреда, причиненнаго преступленіемъ, законъ во многихъ случаяхъ поощряетъ къ тому самого преступника, обѣщая ему за то смягченіе наказанія. Смягченіе это значительнѣе, когда дѣло идетъ о казенномъ интересѣ (ст. 396), менѣе

значительно, когда дѣло идетъ объ интересѣ частныхъ лицъ. Если смотрѣть съ этой точки зрѣнія на ст. 2250-ю, то денежное вознагражденіе обокраденнаго очевидно должно будетъ признать равносильнымъ съ возмещеніемъ ему самыхъ покраденныхъ вещей. Движимыя вещи (которыя однѣ только и подлежатъ воровству — кражѣ) по самому свойству своему всегда почти могутъ быть замѣнены деньгами. Наличныя деньги составляютъ однѣ изъ видовъ движимаго имущества. Но если украдена извѣстная сумма денегъ, то для смягченія наказанія по 2250-ой статьѣ неужели слѣдуетъ требовать, чтобы возвращены были тѣ же самыя монеты, тѣ же самыя ассигнаціи, которыя похищены преступникомъ? — Конечно нѣтъ. Точно также и вмѣсто покраденныхъ вещей могутъ быть возвращены деньги или другія вещи. Приведемъ другой примѣръ. Воръ, побуждаемый нуждою, крадетъ съѣстные припасы, для своего дневнаго пропитанія. Черезъ нѣсколько времени послѣ покражи, онъ раскаивается, рѣшается загладить свой проступокъ, собираетъ заработанныя имъ деньги и отдаетъ ихъ хозяину припасовъ, въ вознагражденіе за украденное. Возвращеніе самыхъ покраденныхъ вещей здѣсь очевидно невозможно: но воръ безъ сомнѣнія имѣетъ право на смягченіе, установленное 2250-ою статьею. Намъ могутъ возразить, что дозволеніе возвращать вмѣсто покраденнаго цѣнность его устанавливаетъ несправедливое различіе между бѣдными и богатыми ворами. Вознагражденіе, легкое для послѣднихъ, будетъ невозможно для первыхъ. Мы отвѣчаемъ на это, что возвращеніе покраденнаго вообще гораздо доступнѣе для вора, укравшаго изъ одной только корысти, нежели для вора, побужденнаго къ преступленію нуждою. Первый гораздо дольше, нежели послѣдній, можетъ сохранить у себя украденную вещь. Но изъ приведеннаго нами примѣра видно, что удовлетвореніе обокраденнаго деньгами особенно важно именно для бѣднаго вора, растратившаго покраденное тотчасъ-же послѣ покражи. — Удовлетвореніе деньгами не менѣе важно и въ томъ случаѣ, когда раскаившійся воръ имѣетъ возможность вернуть пату-

рою не все покраденное, а только часть его. Само собою разумѣется, что удовлетвореніе обокраденнаго деньгами, точно также какъ и возвращеніе покраденнаго, тогда только можетъ служить поводомъ къ смягченію, когда оно удостоверяется не однимъ лишь голословнымъ отзывомъ обокраденнаго, но и другими, болѣе достовѣрными данными. Въ противномъ случаѣ, смягченіе наказанія зависѣло бы отъ примиренія истца съ подсудимымъ, которое, по закону, не должно имѣть вліянія на рѣшеніе дѣлъ о воровствѣ-кражѣ (улож. ст. 171, св. зак. судопр. ст. 41). З., *Если преступникъ укажетъ третье лицо, у котораго, завѣдомо или незавѣдомо, находятся украденныя вещи, и вслѣдствіе этого указанія вещи дѣйствительно будутъ найдены и возвращены хозяину, то можетъ ли быть применена къ преступнику 2250 статья?*—Мы уже говорили, что указаніе мѣста, въ которомъ спрятаны вещи, безспорно даетъ преступнику право на смягченіе, установленное 2250-ю статьею: такъ по крайней мѣрѣ разрѣшались подобные случаи, сколько намъ извѣстно, судебною практикою. Подъ именемъ *возвращенія* разумѣется не только непосредственная передача вещей отъ преступника хозяину, но и доставленіе преступникомъ средствъ къ отысканію ихъ, если эти средства привели къ желаемой цѣли. На этомъ основаніи мы думаемъ, что преступникъ, указавшій укрывателя покраденныхъ вещей, можетъ быть подведенъ подъ дѣйствіе 2250-й статьи, конечно въ такомъ только случаѣ, когда указаніе сдѣлано имъ добровольно, когда на укрывателя не падало еще никакого подозрѣнія, когда вещи, безъ вышеозначеннаго указанія, по всей вѣроятности остались бы не найденными и не возвращенными хозяину.

Переходимъ ко второму условію, выраженному въ 2250-ой статьѣ, къ условію, касающемуся времени возвращенія покраденныхъ вещей. Что должно разумѣть подъ *начатіемъ слѣдствій*? Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что дѣйствія сотскаго (какъ на примѣръ, въ приведенномъ нами дѣлѣ) и другихъ полицейскихъ служителей, не уполномоченныхъ закономъ

на разслѣдованіе преступленій, отнюдь не могутъ быть признаны началомъ слѣдствія. Весь вопросъ заключается въ томъ, о какомъ слѣдствіи говорится въ 2250-ой статьѣ—о предварительномъ или формальномъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что статья 2250-я имѣетъ въ виду предварительное слѣдствіе. По закону, началомъ слѣдствія считается подача извѣщенія, жалобы, доноса и т. п., а всѣ эти дѣйствія отнесены къ слѣдствію предварительному (т. XV св. зак. угол. ч. 2-я разд. II-ой гл. 1-я, ст. 34 и слѣд.). Но въ статьѣ 2250-ой употреблено слѣдующее выраженіе: «если виновный въ кражѣ добровольно и прежде начатія слѣдствія о семъ преступленіи его и т. д.». Предварительное слѣдствіе есть не столько слѣдствіе объ извѣстномъ, опредѣленномъ преступленіи извѣстнаго, опредѣленнаго лица, сколько изслѣдованіе о происшествіи, имѣющемъ или могущемъ имѣть характеръ преступленія. Поэтому слова закона: слѣдствіе о семъ преступленіи его, могутъ быть отнесены скорѣе къ формальному, нежели къ предварительному слѣдствію. Такое толкованіе ст. 2250-ой представляется наиболѣе справедливымъ и согласнымъ ея внутреннему смыслу. Виновный часто можетъ даже и не знать о началѣ предварительнаго слѣдствія, или можетъ надѣяться, что оно не обнаружитъ никакихъ слѣдовъ его виновности. Послѣ начала формальнаго слѣдствія такая надежда, въ болѣе части случаевъ, невозможна, потому что формальное слѣдствіе обращено уже прямо къ лицу преступника. Начало формальнаго слѣдствія есть именно тотъ рубежъ, послѣ котораго добровольное возвращеніе покраденныхъ вещей теряетъ свое первоначальное значеніе и уже въ гораздо меньшей степени свидѣтельствуетъ о раскаяніи преступника, о желаніи его вознаграждать обокраденное имъ лицо.

Къ сожалѣнію, ст. 2250-я не можетъ быть примѣнена на практикѣ къ тѣмъ именно случаямъ, гдѣ всего справедливѣе и полезнѣе было бы примѣненіе ея. За кражу на сумму менѣе 30 руб. сер., безъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, назначается по закону (ст. 2238) наказаніе по 4-й, т.

е. низшей степени 37-й статьи—ссылка на житье въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, или заключеніе въ рабочемъ домѣ на время отъ 3-хъ до 6-ти мѣсяцевъ. Но отъ этого рода наказаній, по ст. 163-й улож., нельзя переходить къ другому, низшему роду. Слѣдовательно, для виновныхъ въ маловажной кражѣ возвращеніе краденныхъ вещей не можетъ имѣть никакихъ полезныхъ послѣдствій, они не могутъ воспользоваться смягченіемъ, установленнымъ въ 2250-ой статьѣ. Между тѣмъ, въ такихъ именно дѣлахъ смягченіе было бы особенно *справедливо*, потому что вина преступниковъ незначительна и поводомъ къ преступленію часто служила крайняя ихъ бѣдность; особенно *полезно*, потому что лица, подвергающіяся кратковременному заключенію въ рабочемъ домѣ или наказанію розгами, имѣютъ большой интересъ не возвращать краденныхъ вещей, которыми они могутъ воспользоваться послѣ наказанія. Уменьшеніе наказанія въ подобныхъ случаяхъ было бы въ одно и то же время и справедливымъ снисхожденіемъ къ раскаянію преступника, и поощреніемъ къ возвращенію краденныхъ вещей.—Вообще, случаи возвращенія краденныхъ вещей такъ разнообразны, что суду могла бы быть предоставлена еще болѣе обширная власть въ разрѣшеніи ихъ. Положимъ, что одинъ преступникъ возвратилъ покраденное передъ самымъ началомъ формальнаго слѣдствія, когда онъ былъ уже почти изобличенъ въ преступленіи: другой вслѣдъ за покражей, когда никто еще не подозрѣвалъ и не могъ подозрѣвать его, такъ что самое возвращеніе вещей послужило поводомъ къ начатію противъ него уголовного слѣдствія. Оба преступника подходятъ подъ 1-ю часть 2250-ой статьи. Положимъ, что судъ смягчитъ первому наказаніе двумя, второму—тремя степенями. Будетъ ли такое смягченіе пропорціонально, равномѣрно? Едва ли. Преступникъ, никѣмъ не подозрѣваемый и возвращающій вещи изъ одного только чувства раскаянія въ своемъ поступкѣ, заслуживаетъ, кажется, гораздо большаго снисхожденія. Мы думаемъ, что наказаніе его могло бы быть измѣняемо не только въ степени, но и въ

родѣ, и что самое лишеніе правъ и преимуществъ могло бы быть иногда замѣняемо для него ограниченіемъ ихъ. Примѣръ такого спусхожденія закона къ раскаявшемуся преступнику можно найти въ ст. 2189-ой уложенія о наказаніяхъ.— Нельзя не пожалѣть также, что постановленіе ст. 2250-ой не имѣетъ примѣненія къ дѣламъ о воровствѣ-мошенничествѣ и о растратѣ чужой собственности. Возвращеніе вещей, похищенныхъ посредствомъ обмана или посредствомъ нарушенія довѣрія, могло бы, кажется, быть уравнено съ возвращеніемъ вещей, похищенныхъ посредствомъ воровства-кражи.

В. ИНОСТРАННАЯ.

I.

*Убийство Патрика О'Коннора супругами Машингами.—
Взаимныя ихъ обвиненія.—Присужденіе обоихъ къ смертной
казни.*

Въ 1847 году пѣкто Джоржъ Фредерикъ Машингъ со-
держалъ вмѣстѣ съ женою гостиницу въ Таунтонѣ, но вско-
рѣ они переселились въ Лондонъ и наняли тамъ цѣлый домъ,
неизвѣстно съ какою цѣлью.

Машингъ былъ человѣкъ лѣтъ 30, и года два тому на-
задъ женился на двадцатилѣтней жевщинѣ, пріѣхавшей изъ
французской Швейцаріи въ Англію для найма въ знатныхъ
домахъ въ качествѣ няньки при дѣтяхъ.

Въ числѣ самыхъ короткихъ и близкихъ знакомыхъ обо-
ихъ супруговъ былъ пѣкто Патрикъ О'Конноръ, служившій
въ лондонскихъ докахъ и слывшій за богатаго человѣка. Вско-
рѣ сдѣлалось пзвѣстнымъ, что О'Конноръ былъ въ связи съ
Маріей Машингъ, мужъ которой не только не препятствовалъ,
но напротивъ того, кажется, благопріятствовалъ этой связи.

Въ четвергъ 9 августа 1849 г. О'Конноръ вышелъ изъ
дому въ 6½ часовъ утра. Въ теченіе дня его видѣли въ раз-
ныхъ мѣстахъ и между прочимъ на лондонскомъ мосту, гдѣ
онъ показывалъ двумъ повстрѣчавшимся знакомымъ пригласительную записку на обѣдъ, подписанную Маріей. Здѣсь его

видѣли въ послѣдній разъ; онъ не возвратился домой и, не смотря на всѣ старанія друзей, нигдѣ не былъ отысканъ.

Между тѣмъ, 14 августа хозяинъ дома, нанятаго Маннингами, нашель его совершенно пустымъ. Извѣщенная объ этомъ полиція произвела 17 августа въ домѣ тщательный обыскъ и нашла подъ поломъ кухни трупъ О'Коннора; въ черепѣ его была огнестрѣльная рана, и сверхъ того на всемъ тѣлѣ жестокіе боевые знаки: всего насчитано было 16 ранъ. По заключенію врача, тѣло находилось въ землѣ по крайней мѣрѣ 8 дней.

Такимъ образомъ было дознано, что О'Конноръ былъ убитъ между 9 августа, когда его видѣли въ послѣдній разъ, и 17-мъ, когда было найдено его тѣло. Все указывало, что убійцами были супруги Маннинги: они одни жили въ домѣ, гдѣ найдено тѣло убитаго, и внезапно оставили Лондонъ, какъ только началъ распространяться слухъ объ исчезновеніи О'Коннора.

Сдѣлано было распоряженіе объ отысканіи и арестованіи обоихъ супруговъ. Фредерикъ Маннингъ былъ схваченъ на островѣ Джерсеѣ и немедленно признался въ преступленіи, но обвинилъ во всемъ свою жену. Эта послѣдняя была найдена въ Шотландіи, гдѣ она скрывалась подъ чужимъ именемъ; она ни въ чемъ не призналась. Оба были привезены въ Лондонъ, гдѣ долженъ былъ происходить судъ надъ ними.

Процессъ этотъ возбудилъ въ высшей степени любопытство лондонской публики, такъ что входъ въ залу суда былъ разрѣшаемъ только по билетамъ, чего прежде никогда не бывало въ Англіи. Въ день открытія засѣданій, прилегающія къ суду улицы были покрыты народомъ, а зала была совершенно наполнена самою избранною публикою.

Послѣ того, какъ лордъ главный судья сэръ Фр. Поллокъ, лордъ меръ и прочіе судьи заняли свои мѣста, были введены обвиняемые. По лицу Фредерика Маннинга ясно бы-

ло видно его тревожное состояніе; онъ часто перемѣнялъ мѣсто и иногда взглядывалъ на жену свою, которая напротивъ была совершенно неподвижна и ни разу не посмотрѣла на мужа.

На обычный вопросъ судьи о томъ, признается ли онъ въ преступленіи или нѣтъ, Маннингъ отвѣчалъ громкимъ и твердымъ голосомъ, что онъ невиненъ. Защитникъ Маріи Маннингъ адвокат Беллестинъ объявилъ, что такъ какъ она иностраннаго происхожденія, то для суда надъ ней необходимо, чтобы присяжные на половину были иностранцы (*Trial per medietatem linguae*). Марія Маннингъ, съ своей стороны, также заявила такое требованіе и при томъ сказала, что она ни въ чемъ не виновна.

Послѣ продолжительнаго совѣщанія между судьей, государственнымъ обвинителемъ и защитникомъ обвиняемой, судъ призналъ требованіе смѣшаннаго состава присяжныхъ не подлежащимъ удовлетворенію, потому что вступленіе Маріи Маннингъ въ бракъ съ англичаниномъ замѣнило для нея натурализацию.

Затѣмъ генеральный атторней приступилъ къ произнесенію обвинительной рѣчи, содержаніе которой мы приведемъ въ главныхъ чертахъ.

Какъ уже выше было сказано, 9 число августа было послѣднимъ днемъ, когда еще видѣли Патрика О'Коннора. Въ этотъ день на лондонскомъ мосту онъ встрѣтился съ пріятелями и показывалъ имъ письмо, подписанное Маріей; въ послѣдній же разъ, а именно въ 5 часовъ по-полудни, его видѣли въ Уэстонъ-Стритъ, близъ дома, гдѣ жили супруги Маннинги. Внезапный отъѣздъ сихъ послѣднихъ побудилъ полицію сдѣлать въ ихъ домѣ тщательный обыскъ, и подъ поломъ кухни былъ найденъ трупъ О'Коннора; сверху онъ былъ посыпанъ известью. Впрочемъ платье убитаго, письмо, которое онъ показывалъ пріятелямъ, а также и оружіе, служившее для убійства, не были отысканы.

Нѣсколько свидѣтелей подтвердили, что найденный трупъ

былъ трупъ О'Коннора; прострѣленная голова и слѣды ударовъ на черепѣ не позволяли сомнѣваться, что смерть послѣдовала отъ насилія.

Этихъ данныхъ было достаточно, чтобы возбудить сильное подозрѣніе противъ супруговъ Маннинговъ, но государственній обвинитель указалъ на такія обстоятельства, которыя, по его мнѣнію, даютъ подозрѣнію характеръ совершенной достовѣрности.

Такъ было доказано, что Марія Маннингъ была знакома съ О'Конноромъ еще до своего замужества; въ последнее время близость и короткость ихъ еще болѣе увеличилась. Марія часто посѣщала его и знала во всей подробности его денежные дѣла; иногда она приходила къ нему въ домъ въ его отсутствіе и долго оставалась тамъ.

По переѣздѣ въ домъ на мннверской площади (гдѣ было совершенно преступленіе), Маннинги взяли жильца, студента медицины, по имени Мессей, который былъ часто свидѣтелемъ происходившихъ между обоими супругами разговоровъ. Фредерикъ Маннингъ сказалъ одинъ разъ, что О'Конноръ имѣетъ 20-т. фун. стерл. и по сдѣланному завѣщанію оставляетъ эти деньги женѣ его Маріи.

Въ другой разъ Маннингъ спрашивалъ Мессея о дѣйствіи хлороформа и лауданума; онъ желалъ знать, могутъ ли эти средства привести кого-нибудь, напримѣръ, друга его О'Коннора, въ такое безчувственное состояніе, при которомъ можно было бы взять изъ рукъ его билетъ въ 500 ф. стерл. Далѣе онъ узнавалъ, какая часть человѣческаго тѣла всего легче можетъ подвергнуться смертельному поврежденію. Мессей отвѣчалъ, что горловая жила, и потомъ, по желанію Маннинга, указалъ ему мѣсто нахожденія большаго мозга. Нельзя не упомянуть еще о вопросахъ Маннинга, производивших шумъ выстрѣлъ изъ духоваго оружія, и о томъ, что думаетъ Мессей о заgrabной участи убійцы.

Мессей обращалъ мало вниманія на эти распросы. Въ концѣ іюля онъ принужденъ былъ выѣхать изъ дому, по настоятельному требованію Маннинговъ.

23 Июля Маннингъ пошелъ къ кирпичнику Уэльсу и купилъ у него нѣкоторое количество самой крѣпкой пегашеной извести. Работникъ, которому поручено было снести известь въ домъ Маннингговъ, былъ встрѣченъ въ дверяхъ Маріей; она отдала ему деньги, не спросивъ даже откуда онъ и что онъ принесъ.

25 Июля Маннингъ заказалъ въ желѣзной лавкѣ большой желѣзный ломъ, который 28 июля былъ готовъ и посланъ съ работникомъ заказчику. Встрѣтивъ на улицѣ работника, Маннингъ былъ очень недоволенъ, что онъ несъ ломъ незавернутымъ, и тотчасъ вошелъ въ ближайшую лавку, гдѣ купилъ нѣсколько листовъ бумаги и завернулъ ими ломъ. Работникъ этотъ былъ, какъ и первый, встрѣченъ Марією Маннингъ, которая и заплатила ему слѣдовавшія за ломъ деньги.— Ломъ не былъ найденъ при обыскѣ дома.

8-го Августа, т. е. наканунѣ того дня, когда убитаго видѣли въ послѣдній разъ, мистриссъ Маннингъ купила лопату и написала О'Коннору письмо, въ которомъ приглашала его къ обѣду. Впрочемъ письмо это дошло по назначенію лишь на слѣдующій день, и О'Конноръ совершенно случайно зашелъ въ этотъ день къ Маннингамъ.

Событія 9-го августа уже извѣстны. Можно прибавить, что Марія Маннингъ пришла въ 6¼ часовъ этого дня на квартиру О'Коннора и пробыла тамъ около полутора часа. Мужъ ея оставался дома; сосѣдка его Софія Пажъ около 7 часовъ вечера видѣла его курящимъ на стѣнѣ сада и разговаривала съ нимъ минутъ двадцать, послѣ чего онъ внезапно соскочилъ со стѣны и возвратился въ комнаты.

Безъ сомнѣнія убійство въ это время было уже совершено.

Въ пятницу 10-го августа, мистриссъ Маннингъ опять пришла на квартиру убитаго, вѣроятно съ цѣлю унести его вещи. Посѣщенія ея были такъ обыкновенны, что не возбудили никакого подозрѣнія; впрочемъ хозяйка квартиры О'Кон-

нора и сестра ея показываютъ, что при уходѣ оттуда Марія казалась разстроеною.

Въ субботу, 11-го августа, Марія наняла дѣвочку для приведенія въ порядокъ кухни; между прочимъ она дала ей вымыть корзину, въ которой очевидно была извѣсть. Въ тотъ же день Фредерикъ Маннингъ продалъ 20 акцій желѣзной дороги, принадлежавшихъ О'Коннору. Вырученные чрезъ это 110 ф. стерл. были размѣнены имъ въ банкѣ на 50 совереней и пять десятифунтовыхъ билетовъ, которые впоследствии были найдены у Маріи Маннингъ.

Внезапное исчезновеніе О'Коннора не могло не возбудить опасенія въ друзьяхъ его; двое изъ нихъ, Уэльмъ и Флиннъ, приходили къ Маннингамъ справляться о пропавшемъ. На вопросы ихъ, былъ ли О'Конноръ у нихъ 9-го августа, Марія отвѣчала отрицательно. По отзыву Флинна, Марія Маннингъ при этомъ была очень разстроена, такъ что онъ спросилъ, здорова ли она; на что она отвѣчала, что уже нѣсколько дней чувствуетъ себя дурно.

Въ понедѣльникъ (13-го), Маннингъ продалъ торговцу Бенбриджу всю свою мебель, за тринадцать ф. ст., подъ предлогомъ отъѣзда за городъ; по заключенному между ними условію мебель должна была быть вывезена изъ квартиры Маннинга на другой же день; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выговорилъ себѣ право прожить у Бенбриджа двѣ недѣли, и тогда же поспалъ за своей женой. Посланный возвратился съ извѣстіемъ, что Марія Маннингъ уже уѣхала изъ квартиры; мужъ ея самъ отправился туда и не могъ достучаться; сосѣди сказали ему, что Марія уѣхала въ экипажѣ, взявъ съ собою нѣсколько узловъ.

Жена Бенбриджа спрашивала Маннинга, отчего онъ не хочетъ остаться еще на одну ночь въ своей прежней квартирѣ. Онъ отвѣчалъ, что не сдѣлаетъ этого и за 20 ф. ст.

Изъ свидѣтельскихъ показаній видно, что Марія Маннингъ уѣхала 13-го числа, взявъ съ собою платье и нѣсколько другихъ вещей. Она сперва отправилась на станцію юговосточ-

ной желѣзной дороги и тамъ оставила два сундука, сдѣлавъ на нихъ надпись: мистриссъ Смитъ, въ Парижъ. Оттуда она велѣла везти себя въ Естонъ-скверъ, гдѣ взяла билетъ въ Ньюкастль; наконецъ 21-го августа она была арестована въ Единбургѣ, гдѣ жила подъ именемъ Смитъ. При допросѣ она сначала старалась скрыть свое настоящее имя. Въ сундукѣ ея было найдено 73 сувереня, одинъ билетъ въ 50 фунтовъ, нѣсколько десятифунтовыхъ и одинъ пятифунтовый билетъ, и сверхъ того нѣсколько купоновъ и акцій разныхъ желѣзныхъ дорогъ, несомнѣнно принадлежавшихъ О'Коннору. Пять десятифунтовыхъ билетовъ были изъ числа размѣненныхъ ея мужемъ въ банкѣ, а пятифунтовый билетъ былъ полученъ имъ же отъ одного покупателя акцій.

Что касается до Фр. Маннинга, то было дознано, что 15-го августа онъ нанялъ кабриолетъ до соутгамптонской станціи желѣзной дороги. Его преслѣдовали и 27 августа арестовали на островѣ Джерсеѣ.

Въ заключеніе своей рѣчи государственный обвинитель объяснилъ присяжнымъ, что Фр. Маннингъ, послѣ арестованія, далъ показаніе, будто бы убійство совершено его женою. Но такъ какъ обвиненіе это по англійскому закону не имѣетъ никакой силы, то онъ убѣждалъ присяжныхъ не принимать его во вниманіе при произнесеніи приговора.

Маннингъ въ показаніи своемъ подробно описывалъ, какъ произошло убійство. По словамъ его, Марія позвала О'Коннора обѣдать, и въ то время, какъ онъ шелъ по лѣстницѣ въ столовую, она выстрѣлила ему сзади въ голову. Впрочемъ онъ не объяснилъ, какимъ образомъ были нанесены О'Коннору остальные страшные удары.

Вышензложенное, по мнѣнію обвинителя, совершенно достаточно для того, чтобы устранить всякое сомнѣніе въ насильственной смерти О'Коннора. Присяжнымъ слѣдуетъ разрѣшить, было ли совершено убійство обоими или однимъ изъ супруговъ Маннинговъ, или оно было совершено однимъ изъ нихъ при пособіи и съ вѣдомомъ другаго.

Здѣсь генеральный атторней обратилъ вниманіе присяжныхъ на то, что извѣсть, предназначавшаяся къ уничтоженію тѣла убитаго, и ломъ, послужившій къ взрытію земли въ кухнѣ были куплены мужемъ и переданы въ руки жены, а лопата была ею куплена. Оба обвиняемые оставили одновременно свое жилище, послѣ сдѣланныхъ имъ друзьями убитаго вопросовъ о судьбѣ его. Оканчивая свою рѣчь, обвинитель выразилъ полное довѣріе къ присяжнымъ и надежду, что они, устранивъ всѣ постороннія предубѣжденія, честно и спокойно произнесутъ приговоръ, основываясь на показаніяхъ свидѣтелей.

Затѣмъ начался длинный рядъ свидѣтельскихъ показаній; мы приводимъ ихъ въ сокращенномъ видѣ, упоминая только о тѣхъ, которые необходимы для полноты и ясности дѣла.

Констабли Кларксопъ и Уилькинсъ показали, что при осмотрѣ кухни дома, гдѣ жили Маннингъ, имъ показалось, что земля между двумя плитами пола была взрыта и сыра. Плиты были подняты съ большимъ трудомъ, при помощи лома, и на глубинѣ 12 футовъ было найдено пагое тѣло, осыпанное извѣстью. Въ домѣ была отыскана лопата и 28 недавно мытыхъ полотняныхъ платковъ.

Хирургъ Локвудъ показалъ, что присутствовалъ при вырытіи трупа. Изъ рта убитаго онъ вынулъ челюсть вставныхъ зубовъ; надъ правымъ глазомъ былъ наростъ, въ которомъ оказалась пуля. Задняя часть головы была жестоко расшиблена и разбита, и потому онъ не могъ прослѣдить ходъ пули; по этой же причинѣ не могли быть сосчитаны раны, но казалось, что ихъ не менѣе 16. Свидѣтель думаетъ, что эти раны, по большей части смертельныя, были нанесены ломомъ или заступомъ.

Нѣсколько знакомыхъ и друзей подтвердили тождество трупа съ О'Конноромъ; они также повторили сказанное обвинителемъ на счетъ отношеній убитаго къ Маннингамъ и встрѣчи съ нимъ въ послѣдній день его жизни. Одинъ изъ нихъ, Флиннъ, сказалъ, что заходилъ къ Маріи Маннингъ справляться объ О'Коннорѣ; она отвѣчала, что ничего не знаетъ и воскликнула:

«бѣдный О'Конноръ, онъ былъ мой лучшей другъ въ Лондонѣ».

При этихъ словахъ она измѣнилась въ лицѣ и поблѣднѣла.

Хозяйка того дома, гдѣ жила О'Конноръ, показала, что Марія Маннингъ часто приходила къ нему; между прочимъ она приходила въ его квартиру 9-го и 10-го августа, и при уходѣ оттуда 10-го числа, какъ показалось свидѣтельницамъ, сильно дрожала. То же самое показала и сестра хозяйки.

Сосѣдка Маннинговъ Софья Пажъ объяснила, что въ день убійства видѣла Фр. Маннинга вечеромъ въ саду. Впрочемъ она не слышала въ домѣ Маннинговъ никакого подозрительнаго шума или крика.

Показаніе студента Мессея вполне согласно съ тѣмъ, что уже было сказано въ обвинительной рѣчи. То же самое должно сказать и о продавцахъ мебели и дома, а также о покупщикѣ мебели обвиняемыхъ, Бенбриджѣ и женѣ его.

Навѣная Марією Маннингъ для мытья комнатъ двѣнадцатилѣтняя дѣвочка Анна Фирмэпъ показала, что по приказанію мистриссъ Маннингъ она мыла корзину, въ которой была известь.

Начальникъ эдинбургской полиціи объяснилъ, что продажа обвиняемой акцій и купоновъ желѣзныхъ дорогъ возбудила его подозрѣніе. Первоначально она назвала себя Смитъ, но осмотръ ея вещей обнаружилъ ея настоящее имя. Впрочемъ она постоянно не сознавалась въ убійствѣ, говоря, что убитый былъ ея лучшей другъ. Она показала, что въ четвергъ 9-го августа О'Конноръ хотѣлъ у нихъ обѣдать, но не пришелъ. Спрошенная о мѣстопробываніи мужа, Марія отозвалась незнаеміемъ. Вообще она жаловалась на дурное его обращеніе съ нею и говорила, что однажды онъ хотѣлъ убить ее пожемъ.

Полицейскіе агенты, арестовавшіе Фр. Маннинга, показали, что онъ обвинялъ во всемъ жену; онъ разсказалъ, какимъ образомъ она выстрѣлила въ О'Коннора, и выразилъ надежду, что она признается во всемъ. Онъ говорилъ, что жена его характера очень вспыльчиваго и что онъ самъ опасался за свою жизнь; разъ она даже преслѣдовала его съ но-

жемъ въ рукахъ. На предложенный ему вопросъ, какъ произошли другія раны, найденныя на трупѣ, Маннингъ не отвѣчалъ ничего.—Эти же агенты показали, что въ оставленномъ Марією Маннингъ на станціи желѣзной дороги сундукъ найденно было платье, съ кровавыми, какъ имъ показалось, пятнами. Показаніе это было подтверждено экспертами-химиками.

Въ числѣ свидѣтелей были и продавцы государственныхъ фондовъ и акцій, съ которыми О'Конноръ былъ въ сношеніи; они показали, что найденныя у Маріи Маннингъ акціи и бумаги принадлежали убитому. Сверхъ того они объявили, что въ первыхъ числахъ августа мистриссъ Маннингъ приходила къ нимъ справляться о цѣнѣ нѣкоторыхъ акцій и бумагъ и о томъ, какія изъ нихъ имѣютъ цѣну внѣ Англіи.

По выслушаніи свидѣтелей и послѣ перекрестнаго допроса ихъ, слѣдовали рѣчи защитниковъ обвиняемыхъ. Первымъ говорилъ адвокатъ Фр. Маннинга, Уилькинсъ.

Рѣчь его началась указаніемъ на всю затруднительность его собственнаго положенія. Въ настоящемъ дѣлѣ оба супруга обвиняютъ другъ друга; ему, какъ защитнику Фр. Маннинга, слѣдуетъ выставить на видъ всѣ обстоятельства, говорящія въ пользу его кліента и обвиняющія жену сего послѣдняго; между тѣмъ задача адвоката Маріи Маннингъ заключается именно въ противномъ. Далѣе, Уилькинсъ заклиналъ присяжныхъ забыть всѣ городскіе слухи и газетныя вѣсти, и произнести приговоръ нелицепріятно, на основаніи лишь того, что они услышатъ въ залѣ суда.

Переходя къ разсмотрѣнію самаго дѣла, адвокатъ сказалъ, что только одно обстоятельство можетъ считаться несомнѣннымъ—убійство О'Коннора. Но тутъ возникаютъ вопросы: *когда* былъ онъ убитъ? *гдѣ*? *какимъ образомъ*? и *къмъ*?

Когда? Обвиненіе утверждаетъ, что въ четвергъ 9-го августа. Это не доказано, хотя и правдоподобно.

Гдѣ? Это не совсѣмъ ясно. Обвиненіе говоритъ, что въ квартирѣ обвиняемыхъ.

Какъ? Медицинскій осмотръ устраняетъ всѣ сомнѣнія по этому предмету.—

Кто убійца? Говорятъ, что оба супруга Маннинга. Но гдѣ же доказательства ихъ согласія и единогласія? Только одно обстоятельство о покупкѣ известъ и лома можетъ нѣсколько подкрѣпить это предположеніе касательно Фр. Маннинга. Женщина можетъ точно также превзойти мужчину въ добродѣтели, какъ и въ пороки. Очень возможно, что Марія задумала и совершила преступленіе, а мужъ ея былъ только ея орудіемъ. Онъ могъ купить известъ и ломъ по ея порученію, думая, что вещи эти нужны для хозяйства; при покупкѣ ихъ онъ не старался соблюсти тайну; онъ сказалъ свое имя и мѣсто жительства. И ломъ, и известъ, были вручены Маріи Маннингъ, которая сама заплатила за нихъ деньги. Вотъ единственные факты, которые могутъ быть приведены противъ Фр. Маннинга.

Но могутъ возразить, что убійство было совершено обоими супругами вмѣстѣ. Противъ этого говоритъ какъ вся предшествовавшая роковому событію жизнь ихъ, такъ и тѣ обстоятельства, при которыхъ оно случилось. Они никогда не жили согласно и разбѣхались въ совершенно противоположныя стороны; ихъ не видали вмѣстѣ послѣ совершенія преступленія.

Могло ли убійство быть совершено однимъ лицомъ? Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Если допустить, что О'Конноръ былъ убитъ выстрѣломъ изъ пистолета, то спустить курокъ хватило бы силы и у ребенка. Силъ одного лица было вполне достаточно и для того, чтобы зарыть тѣло въ землю.

Далѣе, что могло побудить Маннинга къ убійству? Говорили, что онъ былъ ревнивъ. Но предположеніе это ни на чемъ не основано; напротивъ, онъ никогда не смотрѣлъ серьезно на свои супружескія права. Онъ позволялъ жесѣ своей посѣщать О'Коннора ночью и всегда принималъ его радушно и дружелюбно. — Была-ли это корысть? Но обстоятельства дѣла показываютъ, что онъ не получилъ даже и шиллинга изъ имущества убитаго. Правда, онъ размѣнивалъ сто фунтовый билетъ, но здѣсь, какъ и всегда, онъ является только орудіемъ своей жены.

Если же взглянуть на образъ дѣйствій Маріи Маннингъ, то онъ представляется въ совершенно другомъ свѣтѣ. Она написала О'Коннору пригласительное письмо; она часто посѣщала его квартиру и знала всѣ его дѣла; на распросы озабоченныхъ друзей убитаго она отвѣчала лицемѣрно, стараясь ввести ихъ въ заблужденіе. Всѣ бумаги и деньги покойнаго были найдены у нея; вещи эти хранились въ шкатулкѣ, ключъ которой былъ постоянно въ его карманѣ. Какъ могла она завладѣть имъ? Зачѣмъ была она на его квартирѣ въ самый день убійства и 10-го августа. Почему она вышла оттуда блѣдная и дрожащая? Очень вѣроятно, что она не могла унести всего въ одинъ разъ и потому приходила еще и въ слѣдующіе дни. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что она знала, гдѣ хранятся деньги О'Коннора и что деньги эти были въ послѣдствіи найдены у нея.

Фр. Маннингъ напротивъ видѣли вскорѣ послѣ убійства спокойно сидѣвшего въ саду. Переѣхавъ къ Бенбриджу, онъ совершенно неожиданно узналъ, что жена его уѣхала изъ дому. Ясно, что она скрылась тайно отъ него, увозя съ собой похищенные ею деньги.

Защитникъ объяснилъ, что онъ не думаетъ отвергать нѣкоторой степени участія мужа въ преступленіи. Очень вѣроятно, что онъ изъ страха или изъ снисхожденія къ женѣ помогалъ ей зарыть тѣло убитаго. Такимъ же образомъ можно объяснить и то, что онъ не донесъ о совершенномъ преступленіи. Но если бы О'Конноръ былъ убитъ Фр. Маннингомъ, то можно ли допустить, чтобы Марія умолчала объ убійствѣ челоуѣка, который былъ ей дороже мужа?

Невинность Фр. Маннинга доказывается также словами, сказанными имъ арестовавшимъ его полицейскимъ; онъ выразилъ сожалѣніе, что не донесъ о всемъ случившемся.

Защитникъ указалъ на поразительное различіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ арестованіе cadaго изъ супруговъ. Марія сохраняетъ полное присутствіе духа, обличающее заранѣе составленную систему защиты, и не сознается ни въ чемъ; Фредерикъ тотчасъ указываетъ на жену свою, какъ на

виновницу преступленія, и говоритъ, что у нея будетъ найдена хорошая сумма денегъ. Незначительность найденныхъ у него денегъ показываетъ, что онъ не участвовалъ въ дѣлѣ принадлежавшаго О'Коннору имущества.

Въ заключеніе своей рѣчи Уилькинсъ сказалъ, что старался добросовѣстно исполнить лежавшую на немъ обязанность. Онъ самъ чувствуетъ, какъ неприятно должна была подѣйствовать на слушателей его рѣчь: защитникъ мужа, онъ дѣлается обвинителемъ жены. Но онъ думаетъ, что исполнилъ свой долгъ, и убѣждаетъ присяжныхъ при постановленіи приговора забыть это неприятное впечатлѣніе и, отстранивъ семейныя отношенія виновныхъ, рассмотреть дѣло съ точки зрѣнія чисто юридической.

Очередь была за защитникомъ Маріи Маннингъ. Онъ также началъ свою рѣчь обращеніемъ къ присяжнымъ и увѣреніемъ, что не послѣдуетъ примѣру Уилькинса, старавшемуся оправдать своего кліента въ ущербъ мистриссъ Маннингъ.

Обращаясь къ существу дѣла, онъ сказалъ, что надѣется доказать невинность обвиняемой, которая, по мнѣнію его, не присутствовала при совершеніи преступленія. Но прежде всего онъ долженъ замѣтить, что кліентка его не принадлежитъ къ числу лицъ, способныхъ хладнокровно и обдуманно рѣшиться на страшное злодѣяніе. Къ тому же, убійство О'Коннора не представляло для нея никакой выгоды; она имѣла на него большое влияніе и могла, не прибѣгая къ убійству, найти доступъ къ его деньгамъ.

Въ день убійства, О'Коннора видѣли на лондонскомъ мосту въ 5 ч. и въ 5¼, слѣдовательно онъ пришелъ къ Маннингамъ гораздо позже пяти часовъ. Между тѣмъ Маннинги обыкновенно обѣдали въ пять. Показаніе мистриссъ Маннингъ, что она, встревоженная неприбытіемъ О'Коннора, пошла къ нему на квартиру, пріобрѣтаетъ такимъ образомъ сильное вѣроятіе.

По показанію одного свидѣтеля, она пришла туда въ 5¾ ч. и оставалась до 7. Чтобы дойти до квартиры О'Коннора ей нужно было не менѣе получаса; слѣдовательно она должна была выдти изъ дома не позже 5¼ и воротиться не ранѣе 7¼. Пре-

ступленіе же было совершено въ этотъ промежутокъ времени; мужа ея видѣли въ саду въ 7¼, по всей вѣроятности уже послѣ убійства, при которомъ она, какъ явствуетъ изъ всего сказаннаго, не присутствовала.

Далѣе, адвокатъ указалъ на то, что защитникъ Фр. Маннинга признаетъ вѣроятность совершенія убійства однимъ только лицомъ. Пусть разрѣшатъ присяжные, кого изъ двухъ, мужчину или женщину, съ большею достовѣрностью можно заподозрить въ совершеніи подобнаго преступленія.

Кровавыя пятна на платьѣ Маріи Маннингъ, по мнѣнію защитника, не могутъ служить къ обвиненію ея. Съ одной стороны химики могли ошибиться въ опредѣленіи свойствъ этихъ пятенъ, а съ другой, если и допустить, что это были кровавыя пятна, то они могли образоваться совершенно независимо отъ убійства О'Коннора.

Наконецъ, если бы Марія совершила преступленіе, то пятна эти были бы и больше, и замѣтнѣе.

Невинность Маріи можетъ быть доказана и отношеніями ея къ О'Коннору, которыя были постоянно дружелюбныя и предупредительныя, даже не задолго до убійства. Такая скрытность, такое лицемѣріе предполагали бы въ ней слишкомъ большую степень испорченности.

Допустимъ даже, что она узнала отъ мужа объ убійствѣ О'Коннора; поведеніе ея въ такомъ случаѣ объясняется очень легко. Поступокъ мужа она конечно объяснила ревностью, и могла ли она донести на него, справедливо оскорбленнаго ея поведеніемъ? Говорятъ, что, выходя изъ квартиры О'Коннора, она была блѣдна и дрожала; но волненіе ея совершенно повнятно и не требуетъ объясненія.

Деньги и акціи О'Коннора были найдены у Маріи Маннингъ; но нѣкоторыя изъ нихъ составляли ея собственность, а на другія она можетъ быть также имѣла право. Намѣреваясь бѣжать отъ мужа, она успѣшила забрать ихъ изъ квартиры О'Коннора, и при этомъ по ошибкѣ могла захватить акціи, принадлежавшія самому О'Коннору. Но если и допустить, что она незаконно присвоила себѣ имущество О'Коннора, то это

не доказываетъ еще участія ея въ убійствѣ. Мужъ ея конечно также воспользовался частью этого имущества, и разбѣхались они по взаимному согласію.

Въ заключеніе адвокатъ Маринъ сказалъ, что она не могла участвовать въ совершеніи преступленія, не могла даже быть пособницей его. Это ясно доказывается отсутствіемъ ея изъ дому въ вечеръ 9 августа. Онъ выразилъ надежду на безпристрастіе и на справедливость присяжныхъ, которые конечно не захотятъ неправильно осудить иностранку.

Вслѣдъ затѣмъ генеральный атторней всталъ, чтобы представить нѣкоторыя возраженія на рѣчи обоихъ защитниковъ; они стали оспаривать его право на вторичную рѣчь, но судья призналъ за нимъ это право и обвинителю предоставлено было высказать свои замѣчанія.

Прежде всего онъ выразилъ сомнѣніе въ справедливости допускаемаго обоими защитниками предположенія, что убійство было совершено только однимъ лицомъ; ему казалось невозможнымъ, чтобы одно лицо могло поднять плиты пола въ кухнѣ, вырыть яму и опять зарыть ее.

Далѣе, обвинитель указалъ на то подозрительное обстоятельство, что мистриссъ Маннингъ не воспользовалась присутствіемъ О'Коннора у нихъ 8 августа, чтобы пригласить его къ обѣду на слѣдующій день, но написала ему приглашительную записку ночью. Конечно, она потому не хотѣла его пригласить 8, что его въ этотъ день сопровождалъ пріятель.

Неправдоподобность показанія Маннинга, что онъ присутствовалъ при убійствѣ, но не принималъ въ немъ участія, слишкомъ очевидна. Съ достовѣрностью можно предположить, что обвиняемые оба содѣйствовали убійству. Оба принимали равное участіе въ покупкѣ дома, извести и лопаты. Оба оставили свой домъ и бѣжали изъ Лондона. Защитники обвиняемыхъ, такъ заключилъ свою рѣчь обвинитель, исполнили свой долгъ, стараясь оправдать каждаго своего кліента, но и онъ исполняетъ свою обязанность, указывая на равное участіе обоихъ въ совершеніи преступленія.

За тѣмъ лордъ главный судья резюмировалъ весь процессъ.

Онъ указалъ вопросы, подлежавшіе разрѣшенію присяжныхъ, но удержался отъ произнесенія какого либо мнѣнія о виновности Маннинговъ. «Разрѣшеніе отдѣльныхъ сомнѣній», сказалъ онъ, обращаясь къ присяжнымъ, «зависитъ совершенно отъ вашего усмотрѣнія. Если заключеніе, къ которому вы придете, будетъ имѣть такую степень достовѣрности, какою вы удовольствовались бы въ важнѣйшихъ дѣлахъ вашей собственной жизни, то эта достовѣрность будетъ достаточна для произнесенія обвинительнаго приговора. Помните, что такой приговоръ можетъ быть произнесенъ, хотя бы обстоятельства, сопровождавшія преступленіе, и не исключали возможности сомнѣнія. Есть преступленія, совершаемыя въ темнотѣ, они могутъ быть открыты только посредствомъ изслѣдованія и сравненія всѣхъ обстоятельствъ, совокупность которыхъ и приводитъ къ извѣстному убѣжденію. Всякое человѣческое дѣяніе оставляетъ мѣсто для сомнѣній. Мы часто ошибаемся въ томъ, что видимъ; еще чаще въ томъ, что слышали. Но сомнѣнія, неразлучныя съ каждымъ поступкомъ человѣческимъ, не должны препятствовать разрѣшенію дѣла, имѣющаго огромную важность и для общества, и для обвиняемыхъ. Я не сомнѣваюсь, что вы честно исполните свой долгъ. Вы не забудете, что съ одной стороны вы обязаны не оставить преступленія безнаказаннымъ, что съ другой стороны обвиняемые вправѣ ожидать отъ васъ осторожности и правосудія. Я отпускаю васъ съ увѣренностью, что ваше рѣшеніе будетъ согласно съ справедливостью и истиною».

Затѣмъ присяжные удалились и послѣ часоваго совѣщанія объявили, чрезъ посредство своего предсѣдателя, что признаютъ виновными обоихъ подсудимыхъ. Обвиненныхъ спросили, не имѣютъ ли они сказать что нибудь противъ присужденія ихъ къ смертной казни. Марія Маннингъ поднялась съ своего мѣста и съ большимъ жаромъ доказывала несправедливость приговора, какъ потому, что она иностранка, такъ и въ особенности потому, что совершенно невинна въ убійствѣ О'Копнора.

Послѣ того одинъ изъ судей обратился къ обоимъ Ман-

нигамъ съ рѣчью, въ которой сказалъ, что присяжные произнесли свой приговоръ на основаніи такой совокупности уликъ, которая исключала возможность сомнѣній. Онъ убѣждалъ ихъ подумать о приготовленіи къ смерти, такъ какъ они не должны надѣяться на смягченіе или отмену приговора. Послѣ этого увѣщанія судья въ установленныхъ выраженіяхъ произнесъ смертный приговоръ.

Фредерикъ Маннингъ казался сильно пораженнымъ, но сохранилъ хладнокровіе; жену его должны были увести насильно, такъ какъ она не переставала увѣрять въ своей невинности и проклинать судей и присяжныхъ.

Любопытство публики такъ сильно было возбуждено процессомъ Маннингговъ, что и послѣ окончанія суда, даже послѣ казни, газеты не переставали сообщать подробности объ этомъ дѣлѣ. Марія Маннингъ не созналась ни въ чемъ, и до самой казни утверждала, что она невинна въ убійствѣ О'Коннора; напротивъ того мужъ ея далъ нѣсколько показаній, въ которыхъ постоянно говорилъ, что убійство совершено Маріей. Въ особенности замѣчательно послѣднее признаніе Маннинга, сдѣланное имъ священнику Ро. Онъ объяснилъ, что О'Конноръ не сдержалъ даннаго имъ Маріи обѣщанія помочь ей деньгами, и что съ тѣхъ поръ она возненавидѣла его и рѣшилась убить, не смотря на увѣщанія его, Маннинга. Убійство было совершено 9-го августа передъ самымъ обѣдомъ; О'Конноръ сходилъ по лѣстницѣ внизъ, и въ это время Марія выстрѣлила въ него изъ пистолета. Самъ Маннингъ при этомъ не присутствовалъ; придя въ кухню, онъ увидѣлъ О'Коннора лежащимъ еще съ признаками жизни, и тутъ нанесъ ему нѣсколько ударовъ ломомъ, такъ какъ всегда ненавидѣлъ его. Тотчасъ послѣ этого Марія пошла на квартиру убитаго и взяла тамъ акціи желѣзныхъ дорогъ. Маннингъ признался, что по просьбѣ жены онъ заложилъ эти акціи въ банкъ.

Въ заключеніе считаемъ не излишнимъ привести письмо Диккенса, напечатанное въ газетѣ Times. Оно написано по поводу казни супруговъ Маннингговъ. Казнь эта привлекла огромную массу зрителей, видѣвшихъ въ ней лишь удовле-

твореніе празднаго любопытства—лучшій и самый убѣдительный аргументъ противъ публичнаго совершенія смертной казни.

«Я былъ сегодня утромъ свидѣтелемъ казни,»—такъ начинается Диккенсъ. «Я пошелъ туда съ намѣреніемъ наблюдать за собравшимся народомъ; случай былъ прекрасный; я производилъ свои наблюденія ночью, раннимъ утромъ и до самаго конца зрѣлища».

«Я пишу къ вамъ не съ тѣмъ, чтобы еще разъ обсудить отвлеченный вопросъ о законности и цѣлесообразности смертной казни. Я только желалъ бы, чтобы ужасныя впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ этого зрѣлища, послужили къ общему благу и побудили правительство поддержать всеобщее сэромъ Греемъ предложеніе о производствѣ смертной казни въ стѣнахъ тюремъ, съ приличною торжественностью, но безъ всякой публичности. Съ своей стороны я заклинаю сэра Грея употребить всѣ усилія къ проведенію этой мѣры».

«Никто не можетъ себѣ представить, какъ сильно и какъ невыразимо отвратительно впечатлѣніе, произведенное на меня легкомысліемъ и безнравственностью огромной массы народа, собравшейся на печальное зрѣлище. Ни въ какой языческой странѣ не могло случиться ничего подобнаго. Мысль о преступленіи и о самой казни совершенно исчезла при видѣ всѣхъ гадостей, совершенныхъ зрителями, ихъ поведенія, ихъ взглядовъ и ихъ разговоровъ. Я пришелъ въ полночь; кровь остановилась въ моихъ жилахъ отъ пронзительнаго крика и завываній мальчиковъ и дѣвочекъ, занявшихъ уже лучшія мѣста. Вой, крикъ и хохотъ возрастали до самаго утра. Раздавалось пѣніе извѣстныхъ негрскихъ пѣсень, при чемъ имя *Сусанна* было замѣнено именемъ мистриссъ Маннингъ. Когда начало свѣтать, стали появляться публичные женщины, воры, пьяницы и бродяги всякаго рода; начались кулачныя драки, слышенъ былъ свистъ и грубыя шутки; когда женщины падали въ обморокъ и констабли уносили ихъ, со всѣхъ сторонъ сыпались неприличные за-

мѣчачія и грязныя остроты. Солнце взошло и освѣтило эти тысячи лицъ; выраженіе ихъ было до такой степени скотское и безчеловѣчное, что приходилось краснѣть при мысли, что и я созданъ на подобіе этихъ людей».

«Когда появились несчастные преступники, глаза всей этой массы народа устремились на нихъ, но безъ всякаго сочувствія или сожалѣнія. Мысль о томъ, что двѣ безсмертныя души предстанутъ предъ вѣчнымъ судьей, была далека отъ нихъ. Всѣ вышеописанныя неприличія продолжались, какъ будто имя Христа никогда не было возвѣщено міру, какъ будто всѣ эти люди не могли себѣ представить другой смерти, какъ смерти животнаго».

«Въ жизни моей мнѣ довелось изучать развратъ и безнравственность нашей страны во всевозможныхъ видахъ и проявленіяхъ; въ лондонской жизни мало такихъ сторонъ, которыя были бы для меня совершенно новыми. Но я твердо и непоколебимо убѣжденъ и торжественно это высказываю, что ничто такъ пагубно не дѣйствуетъ на общественную нравственность, какъ публичное совершеніе смертной казни».

«Я не вѣрю, чтобы общественная жизнь могла дѣлать успѣхи тамъ, гдѣ возможны такія сцены ужаса и деморализаціи. Въ молитвахъ нашихъ мы смиренно просимъ, чтобы Господь уничтожилъ все нравственное зло нашей страны; но я спрошу читателей, не считаютъ ли они и это зло достаточно важнымъ, чтобы серьезно на немъ остановиться и подумать о средствахъ къ его искорененію».

Издатели нѣмецкаго сборника (Итаваля), изъ котораго мы заимствуемъ настоящій процессъ, въ дополненіе къ письму Диккенса описываютъ поведеніе высшаго общества, присутствовавшаго при казни Маннингговъ. Оно видѣло въ этомъ зрѣлищѣ нѣчто въ родѣ опернаго представленія. Дамы и мужчины занимали мѣста въ окнахъ сосѣднихъ домовъ, и въ изысканныхъ нарядахъ, съ бокаломъ вина въ рукѣ, лорнировали послѣднія содроганія повѣшенныхъ преступниковъ. Вверху было то же равнодушіе, тотъ же цинизмъ, какъ и внизу, въ

болѣ изящной, но по этому самому и болѣ отвратительной формѣ.

Процессъ Маннинговъ, независимо отъ своей драматичности, представляетъ довольно много занимательнаго и въ юридическомъ отношеніи. Присяжнымъ и судьямъ, рѣшавшимъ это дѣло, предстояла чрезвычайно трудная задача. Съ помощью запутанныхъ, неполныхъ данныхъ, они должны были повѣрить разнорѣчивыя показанія Маннинговъ, обратиться къ самому источнику преступнаго намѣренія, прослѣдить его развитіе и исполненіе, опредѣлить виновность двухъ подсудимыхъ, система защиты которыхъ состояла—да и не могла не состоять—во взаимномъ обвиненіи другъ друга. Задача эта не лишена интереса и въ настоящее время. Предсмертныя показанія Фр. Маннинга бросили новый свѣтъ на дѣло, но не разъяснили окончательно всѣхъ темныхъ сторонъ его. Сомнѣнія, возникавшія во время производства дѣла, могутъ представиться и при изученіи его.

О'Конноръ погибъ насильственною смертию 9-го августа, въ домѣ Маннинговъ, отъ руки обоихъ супруговъ или одного изъ нихъ: это не подлежитъ ни какому сомнѣнію. Даже адвокаты подсудимыхъ не старались обратить подозрѣніе на какое-нибудь третье, постороннее лицо. Адвокатъ Фр. Маннинга во всемъ обвинялъ Марію Маннингъ, адвокатъ Маріи защищалъ ее такимъ образомъ, что каждый пунктъ защиты становился пунктомъ обвиненія противъ Фредерика Маннинга. Генеральный атторней доказывалъ виновность обоихъ подсудимыхъ. Присяжные, по указанію лорда главнаго судьи, должны были рѣшить, совершено ли убійство обоими супругами, или однимъ изъ нихъ безъ вѣдома другаго, или же однимъ изъ нихъ съ согласія и при содѣйствіи другаго. Виновность Маннинговъ въ убійствѣ, мѣра участія въ немъ cadaго изъ нихъ—вотъ главные вопросы, возникавшіе въ настоящемъ дѣлѣ. Присяжные постановили обвинительный вердиктъ противъ обоихъ подсудимыхъ, судъ приговорилъ ихъ обоихъ къ смертной казни.

Припомнимъ главнѣйшія улики, представлявшіяся противъ

каждаго изъ супруговъ Маннингговъ. Противъ Фредерика Маннинга свидѣтельствовали его подозрительные разговоры съ студентомъ Мессеємъ; покупка лома и извести, и предосторожности, принятыя при переносѣ лома; разговоръ его съ Софіею Пажъ на стѣпѣ сада, доказывающій бытность его дома въ тотъ вечеръ, когда по всей вѣроятности совершено преступленіе; размѣнъ, послѣ смерти О' Коннора, сто фунтоваго банковаго билета, полученнаго посредствомъ продажи принадлежавшихъ О' Коннору акцій; бѣгство его на островъ Дзерсей. Противъ Маріи Маннингъ: принятіе извести и лома; покупка лопаты; приглашеніе О' Коннора къ обѣду въ день совершенія преступленія; бытность ея въ квартирѣ О' Коннора 9-го и 10-го августа; бѣгство ея изъ Лондона, съ акціями и деньгами, принадлежавшими О' Коннору. Противъ обоихъ подсудимыхъ одинаково свидѣлствуютъ слѣдующія обстоятельства: трупъ О' Коннора оказался зарытымъ въ ихъ домъ; О' Коннора видѣли въ послѣдній разъ вблизи дома Маннингговъ, куда онъ, какъ показываютъ встрѣтившіеся съ нимъ друзья его, шелъ обѣдать; 13-го августа оба подсудимые внезапно и поспѣшно оставили занимаемый ими домъ, не увѣдомивъ о томъ домохозяина. Что касается до возможныхъ мотивовъ преступленія, то во время производства дѣла они оставались вовсе не разъясненными. Марія Маннингъ была въ любовной связи съ О' Конноромъ, и потому съ перваго взгляда можно было бы предположить, что убійство совершено Фред. Маннинггомъ изъ ревности; но онъ давно зналъ объ этой связи и не только не препятствовалъ ей, а напротивъ того поощрялъ ее. Со стороны Маріи Маннингъ преступленіе могло быть приписано корыстолюбивой цѣли, такъ какъ у нея были найдены вещи и деньги О' Коннора; но адвокатъ Маріи не безъ основанія, по видимому, указывалъ на то обстоятельство, что при вліяніи, которое она имѣла на О' Коннора (О' Конноръ былъ вдвое старше ея и потому долженъ былъ особенно дорожить сношеніями съ нею), она могла пользоваться его деньгами и при его жизни, и должна была скорѣе потерять, нежели выиграть отъ его смерти.

Къ оправданію Фр. Маннинга адвокатъ выставилъ слѣ-

дующія главные обстоятельства: покупка извести и лома проведена была Маннингомъ открыто, съ указаніемъ его имени и мѣстожительства. Мѣра, принятая имъ при перепосѣ лома, могла скорѣе служить къ обнаруженію, нежели къ сокрытію преступленія. Онъ завернулъ ломъ въ купленную имъ для того собственно бумагу, и такимъ образомъ какъ бы приготовилъ противъ себя новаго свидѣтеля—продавца бумаги. Онъ безъ сомнѣнія поступилъ бы осторожнѣе, если бы дѣйствительно купилъ ломъ съ преступною цѣлью. Разговоры съ Мессеємъ свидѣлствуютъ только о любопытствѣ Маннинга и при томъ объясняются обстоятельствами, при которыхъ они происходили (напр., вопросъ о томъ, могутъ ли убійцы попасть на небо, сдѣланъ былъ Маннингомъ послѣ посѣщенія кабинета восковыхъ фигуръ, въ которомъ выставлены были изображенія замѣчательнѣйшихъ преступниковъ). Деньги, полученные Маннингомъ при размѣнѣ стофунтоваго билета, оказались впоследствии у Маріи Маннингъ. При попыткѣ Маннингъ не оказалъ никакого сопротивленія и тотчасъ же обвинилъ во всемъ жену свою. При немъ не было найдено ни денегъ, ни вещей, которыя бы достовѣрно принадлежали О' Коннору, Однимъ словомъ, Фредерикъ Маннингъ былъ только слѣпымъ, безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ Маріи Маннингъ.

Въ оправданіе Маріи Маннингъ защитникъ ея объяснилъ, что хотя она и знала о покупкѣ лома и извести, но могла думать, что они куплены безъ всякой преступной цѣли. Покупка лопаты также не имѣетъ никакого видимаго отношенія къ преступленію. Вечеромъ 9-го августа Марія вышла изъ дому прежде прихода О'Коннора (*) и возвратилась домой, когда убійство по всей вѣроятности уже было совершено. Она была въ квартирѣ О' Коннора въ первый разъ (9-го августа) для того, чтобы узнать, отчего онъ не пришелъ къ нимъ объ-

(*) Адвокатъ Маріи Маннингъ доказываетъ это расчисленіемъ времени, въ которое О'Конноръ могъ придти къ Маннингамъ, и времени, въ которое Марія могла дойти до квартиры О' Коннора. Между домомъ Маннинговъ и квартирою О'Коннора было около получаса ѣзды и около $\frac{3}{4}$ часа ходьбы.

дать, во второй разъ (10-го августа) для того, чтобы взять оттуда принадлежавшія ей акціи желѣзныхъ дорогъ, вмѣстѣ съ которыми она вѣроятно по ошибкѣ захватила и акціи, составлявшія собственность самаго О'Коннора. Она узнала о преступленіи только тогда, когда оно было уже совершено, и не довела о немъ, потому что боялась открыть такимъ образомъ свою любовную связь съ О'Конноромъ.

Соображеніе всѣхъ доводовъ, приведенныхъ къ обвиненію и къ оправданію подсудимыхъ, говорить, по нашему мнѣнію, гораздо болѣе противъ Маріи, нежели противъ Фредерика Маннинга. Противъ нея свидѣтельствуется прежде всего извѣстное юридическое правило: *is fecit cui prodest (cherche à qui le crime profite)*. У Маріи Маннингъ найдены были деньги и акціи О' Коннора, у Фр. Маннинга не было найдено ничего подобнаго. Деньги, приобрѣтенныя Фредерикомъ посредствомъ продажи акцій О'Коннора, оказались впоследствии, по крайней мѣрѣ отчасти, у Маріи. Отношенія О'Коннора къ Маріи не доказываютъ еще, чтобы она могла распорядиться его деньгами какъ своею собственностію. Недовольная, по всей вѣроятности, его малою щедростію, зная, гдѣ у него хранятся деньги и акціи, она могла рѣшиться на убійство именно съ цѣлью присвоить себѣ эти деньги и акціи, которыя безъ сомнѣнія и были похищены ею изъ квартиры О'Коннора въ бытность ея тамъ 9-го и 10-го августа. Изъ дѣла не видно, чтобы Марія Маннингъ владѣла какими-нибудь акціями и чтобы эти акціи находились на сохраненіи у О'Коннора. Правда, въ началѣ августа мѣсяца Марія Маннингъ совѣтовалась съ двумя маклерами, завѣдывавшими дѣлами О'Коннора, о покупкѣ акцій, но ничего не купила у нихъ. Во всѣхъ дѣйствіяхъ, имѣющихъ характеръ приготовленія къ убійству, Марія Маннингъ участвовала наравнѣ съ мужемъ. Онъ купилъ ломъ и пзвестъ, но она заранѣе знала объ этой покупкѣ и приняла купленные вещи, не спрашивая, откуда онъ и что онъ такое (хотя ломъ былъ завернуть въ бумагу). Лопату купила она сама наканунѣ преступленія. Приглашительное письмо къ О'Коннору написано ея рукою. О'Коннора видѣли въ послѣдній разъ вблизи

дома Маннингъ, въ началѣ шестаго часа по полудни (9-го августа). Адвокатъ Марин, стараясь доказать alibi ея, утверждалъ, что она вышла изъ дома прежде прихода О'Коннора, около 5¼ ч., чтобы узнать, отчего О'Конноръ не пришелъ къ обѣду и была уже у него на квартирѣ въ концѣ шестаго часа. Но изъ показанія домохозяйки О'Коннора видно, что Марія Маннингъ пришла къ нему на квартиру въ 6¼ часовъ. Между квартирою О'Коннора и домомъ Маннингъ около получаса ѣзды, слѣдовательно Марія могла выйти изъ дома около 5¾ ч., когда, судя по времени, уже могло быть совершено убійство О'Коннора. Сокрытіе трупа и другихъ слѣдовъ преступленія она могла предоставить своему мужу.—Притомъ, время обѣда Маннингъ назначено было въ письмѣ Марин къ О'Коннору не въ 5¼, а въ 5½ ч. Наконецъ, поведеніе Марин Маннингъ послѣ поимки представляетъ совершенную противуположность съ поведеніемъ Фредерика. Сначала она упорно утверждаетъ, что фамилія ея вовсе не Маннингъ, а Смитъ, потомъ, изблеченная въ обманѣ, сохраняетъ полное присутствіе духа и постоянно отрицаетъ всякое участіе въ преступленіи. Фр. Маннингъ не скрываетъ своего имени, тотчасъ отдаетъ себя въ руки полиціи и рассказываетъ, какъ происходило убійство О'Коннора, обвиняя во всемъ Марію.

Изъ вышензложеннаго не слѣдуетъ однако, чтобы улики противъ Фр. Маннинга не имѣли вовсе никакой силы. Правда, покупка лома и известіи произведена была имъ открыто: но зачѣмъ онъ велѣлъ завернуть ломъ въ бумагу? Сдѣлавъ одну неосторожность, онъ вѣроятно хотѣлъ избѣгнуть другой, но неумѣлъ сообразить, какъ опасно употребленное имъ для того средство. Спокойный разговоръ его съ Софією Пажъ, въ то время, когда по всей вѣроятности уже было совершено преступленіе, заставляетъ предполагать, что преступленіе это не застигло его въ расплохъ, что если онъ и не участвовалъ въ немъ, то по крайней мѣрѣ заранѣе зналъ о преступномъ намѣреніи Марин. Бѣгство его изъ Лондона усиливаетъ это подозрѣніе. Показаніе, данное имъ при поимкѣ, по англійскому закону не могло имѣть силы ни противъ него самаго, ни противъ

жены его; но мы думаемъ, что оно не осталось безъ вліянія на убѣжденіе присяжныхъ. Въ этомъ показаніи, обвиняя Марію въ убійствѣ О'Коннора выстрѣломъ изъ пистолета, Фредерикъ Маннингъ не объяснилъ, какимъ образомъ нанесены были О'Коннору остальные поврежденія, отсюда, какъ замѣтилъ и генеральный атторней, легко можно было вывести заключеніе, что вышеупомянутыя поврежденія нанесены О'Коннору самимъ Маннингомъ. Многочисленность и жестокость ранъ, оказавшихся на трупѣ О'Коннора, также могла возбудить предположеніе, что въ нанесеніи ихъ участвовало не одно только лицо. Все это вмѣстѣ взятое могло привести присяжныхъ къ убѣжденію, что убійство О'Коннора совершено обоими Маннингами.

Равенство вины обоихъ Маннинговъ, одинаковое участіе ихъ въ самомъ фактѣ убійства, не было впрочемъ необходимымъ условіемъ для произнесенія противъ нихъ одного и того же обвинительнаго приговора. Рѣчь генеральнаго атторнея и *résumé* лорда главнаго судьи содержатъ въ себѣ любопытныя указанія по этому предмету (*). Прежде изложенія обстоятельствъ дѣла генеральный атторней обратилъ вниманіе присяжныхъ на тѣ юридическія основанія, которыми они должны руководствоваться при разрѣшеніи дѣла. Въ обвинительномъ актѣ (*indictment*) Фр. Маннингъ былъ обвиненъ въ убійствѣ О'Коннора, Марія Маннингъ въ пособничествѣ и содѣйствіи этому преступленію. Генеральный атторней объяснилъ присяжнымъ, что они вовсе не обязаны соображать свой приговоръ съ выраженіями обвинительнаго акта. Если они придутъ къ убѣжденію, что убійство совершено однимъ изъ подсудимыхъ—все равно которымъ именно—съ помощью и при содѣйствіи другаго, то это убѣжденіе будетъ вполне достаточно для обвиненія обоихъ подсудимыхъ. По прежнимъ законамъ, присяжные должны были принимать въ соображеніе

(*) Мы не приводили ихъ до сихъ поръ, чтобы не прерывать фактическаго изложенія процесса.

различныя степени преступной дѣятельности подсудимыхъ, различную мѣру участія ихъ въ преступленіи. Зачинщика должно было судить и наказывать какъ зачинщика, пособника какъ пособника и т. д.; правило это, было сопряжено съ важными неудобствами; преступленія большею частію совершаются безъ свидѣтелей, степень участія каждаго отдѣльнаго преступника опредѣлить чрезвычайно трудно, и правосудіе, стремясь къ излишней точности, часто не достигало своей главной цѣли. Новымъ закономъ, изданнымъ при королевѣ Викторіи, опредѣлено, что всѣ лица, принимавшія участіе въ преступленіи прежде совершенія его (*Gehülfen vor der That*—пособники или участники въ обширномъ смыслѣ слова), обвиняются, судятся и наказываются точно такъ, какъ зачинщики преступленія, или вообще главные преступники. На этомъ основаніи генеральный атторней совѣтовалъ присяжнымъ предложить себѣ слѣдующіе вопросы: совершено ли убійство обоими подсудимыми, или однимъ изъ нихъ въ присутствіи, дѣйствительномъ или юридическомъ другаго, или однимъ изъ нихъ съ согласія и при содѣйствіи другаго, но въ его отсутствіе. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на какой бы то ни было изъ этихъ вопросовъ, оба подсудимые должны быть признаны виновными въ убійствѣ. Кромѣ того генеральный атторней замѣтилъ, что если Марія Маннингъ будетъ признана только пособницею послѣ совершенія преступленія (*Gehülfin nach der That*, т. е. укрывательницею преступленія), то она должна быть оправдана, потому что такое пособничество мужу со стороны жены по англійскимъ законамъ не составляетъ преступленія.

Адвокаты подсудимыхъ не возражали противъ юридическихъ доводовъ генеральнаго атторнея. Лордъ главный судья въ сущности также согласился съ ними, но поставилъ вопросы нѣсколько иначе, такъ напримѣръ, онъ не сдѣлалъ никакого различія между отсутствіемъ и присутствіемъ, дѣйствительнымъ или юридическимъ, безъ всякой кажется надобности упомянутымъ въ рѣчи генеральнаго атторнея (*). «Презж-

(*) Мы говоримъ: безъ всякой надобности, потому что результатъ въ обоихъ

де всего,» сказалъ онъ присяжнымъ, «вы должны спросить себя, погибъ ли О'Конноръ насильственной смертью, а потомъ поставить вопросъ: совершено ли убійство О'Коннора однимъ или обоими обвиняемыми, или одинъ изъ нихъ совершилъ убійство, а другой заранѣе изъявилъ на то свое согласіе и содѣйствовалъ самому исполненію преступнаго намѣренія. Если вы убѣдитесь, что оба обвиняемые непосредственно участвовали въ убійствѣ, вы должны будете осудить ихъ обоихъ; если вы признаете, что одинъ изъ нихъ умертвилъ О'Коннора съ согласія и при содѣйствіи другаго, то вы также должны будете произнести обвинительный приговоръ противъ обоихъ подсудимыхъ. Если вы допустите, что одинъ изъ обвиняемыхъ совершилъ убійство безъ предварительнаго на то согласія другаго, то вы осудите перваго и оправдаете послѣдняго; если же вы не будете въ состояніи опредѣлить, который именно изъ двухъ совершилъ убійство, и при этомъ не будете считать обоихъ одинаково виновными, то вамъ больше ничего не останется, какъ оправдать обоихъ». Въ заключеніи своей рѣчи лордъ главный судья еще разъ повторилъ, что если присяжные признаютъ одного изъ подсудимыхъ виновнымъ, другаго невиннымъ, но не сочтутъ возможнымъ опредѣлить съ точностью, которая именно сторона виновна и которая невинна, то они должны будутъ оправдать обоихъ подсудимыхъ.

При такомъ постановленіи вопросовъ, при такой юридической обстановкѣ дѣла, не трудно объяснить себѣ обвинительный приговоръ присяжныхъ. Для присяжныхъ было совершенно безразлично, кто именно убилъ О'Коннора, оба ли супруга Манинги, или только одинъ изъ нихъ, и если одинъ, то который именно; имъ достаточно было убѣдиться въ томъ, что О'Конноръ убитъ однимъ изъ супруговъ по предварительному согласію и при содѣйствіи другаго, а къ этому убѣжденію легко могли привести обстоятельства настоящаго дѣла. Покупка

случаяхъ одинъ и тотъ же: Важно не присутствіе, а предварительное согласіе и содѣйствіе подсудимаго.

дома и извести, бытность обоих подсудимых дома в то время, когда по всей вероятности было совершено преступление—все это указывает на возможность, даже на вероятность, предварительнаго соглашения между обоими подсудимыми. Но мы не можем не остановиться на законѣ, который послужилъ основаніемъ приговора присяжныхъ. Законъ этотъ, изданный в новѣйшее время, уравниваетъ вину и наказаніе всѣхъ участниковъ преступленія, не различая степени и мѣры преступной дѣятельности ихъ. Такое же точно постановленіе мы находимъ и во французскомъ уголовномъ кодексѣ (ст. 59 и 60). Французскій законъ идетъ даже еще дальше англійскаго и наказываетъ наравнѣ съ главными виновными не только сообщниковъ и пособниковъ ихъ, но и укрывателей вещей, приобретенныхъ посредствомъ преступленія (code pénal art. 62). Эта теорія кажется намъ весьма опасною и несправедливою. Мы не можемъ признать одинаково виновными того, кто совершилъ убійство, и того, кто доставилъ только оружіе, послужившее для убійства, или заранѣе приготовилъ матеріалы, нужные для сокрытія слѣдовъ преступленія. Точно также нельзя сравнить и того, кто задумалъ, приготовилъ преступленіе и былъ главнымъ исполнителемъ его, съ тѣмъ, кто принималъ только второстепенное участіе въ самомъ совершеніи преступленія; нельзя сравнивать подговорщика, нравственнаго виновника преступленія, съ подговореннымъ, часто простымъ орудіемъ въ рукахъ подговорщика. Правда, строгость закона смягчается правомъ судьи возвысить или понизить *mlru* наказанія, и право это какъ по французскимъ, такъ еще болѣе и по англійскимъ законамъ, весьма обширно; но въ иныхъ случаяхъ оно не можетъ имѣть примѣненія, и тогда несправедливость закона проявляется въ полномъ свѣтѣ. Такъ напримѣръ, законъ назначаетъ за извѣстное преступленіе смертную казнь. Это наказаніе не имѣетъ *maximum* и *minimum* и потому непременно должно быть опредѣлено судомъ и главному виновному, и второстепенному пособнику преступленія (для укрывателей въ этомъ случаѣ по французскому закону допущено изъятіе). Англійскіе законы менѣе опредѣлительны, нежели

Французскіе: назначеніе смертной казни не вмѣняется ими судьѣ въ непремѣнную обязанность: но къ несчастію, какъ уже часто было говорено въ смѣси и въ отдѣлѣ иностранной судебной практики нашего журнала, смертная казнь имѣетъ еще слишкомъ много защитниковъ въ Англии и слишкомъ неразборчиво назначается судьями. Такъ напримѣръ, въ іюньской книжкѣ нашего журнала напечатанъ процессъ братьевъ Уедморъ, которые за убійство, совершенное однимъ изъ нихъ, неизвѣстно которымъ именно, оба были присуждены къ смертной казни. Переводчикъ процесса справедливо возстаётъ противъ этого приговора, приговора тѣмъ болѣе вопіющаго, что отъ судьи, какъ уже выше сказано, зависѣло назначить подсудимымъ другое, менѣе тяжкое наказаніе.

Обратимся опять къ дѣлу Маннинговъ. Обвинительный приговоръ, произнесенный присяжными, не доказываетъ еще, чтобы присяжные считали обоихъ Маннинговъ виновными въ самомъ совершеніи убійства. Весьма можетъ быть, что они считали одного изъ нихъ только пособникомъ преступленія. Но и между сообщниками убійства могутъ быть различныя степени виновности. Въ большей части преступленій, совершаемыхъ нѣсколькими лицами, главная, руководящая роль принадлежитъ одному изъ преступниковъ, который по всей справедливости и долженъ быть наказанъ строже остальныхъ своихъ сообщниковъ. Въ настоящемъ случаѣ, какъ мы уже говорили выше, главная роль по всей вѣроятности принадлежала Маріи Маннингъ. Мы согласны съ адвокатомъ Фредерика Маннинга, что Фредерикъ Маннингъ былъ только орудіемъ въ рукахъ Маріи. Если бы даже и было обнаружено, что смертельные удары нанесены О'Коннору однимъ Фр. Маннингомъ, подговорщицею, нравственною виновницею преступленія тѣмъ не менѣе могла бы быть признана Марія. Таково наше мнѣніе, но мы знаемъ, что противъ него можно привести довольно сильныя доводы. Мы видимъ изъ рѣчей адвокатовъ, что многіе считали болѣе вѣроятнымъ вліяніе мужа на жену, нежели вліяніе жены на мужа.

При неясности отношеній между подсудимыми, осторожнѣе было бы, кажется, принять за норму меньшую воз-

можною виновность одного изъ нихъ, и сообразно съ этою нормою постановить приговоръ противъ обоихъ. Судья поступилъ наоборотъ: онъ принялъ за норму наибольшую возможную виновность одного изъ подсудимыхъ и приговорилъ ихъ обоихъ къ смертной казни. Соглашаясь съ вердиктомъ присяжныхъ, мы ни какъ не можемъ одобрить рѣшеніе судьи по настоящему дѣлу.

Генеральный атторней утверждалъ, что, при дѣйствіи прежнихъ законовъ о мѣрѣ отвѣтственности подсудимыхъ, правосудіе не всегда достигало своей цѣли. Намъ кажется, что оно точно также не всегда достигнетъ ея и при дѣйствіи новаго закона. Въ настоящемъ дѣлѣ жестокость, безнравственность преступленія побудила присяжныхъ къ произнесенію обвинительнаго приговора, хотя они можетъ быть и не были убѣждены въ одинаковой виновности подсудимыхъ. Но представимъ себѣ другое дѣло, въ которомъ при меньшей важности или меньшей гнусности преступленія, представлялись бы такія же сомнѣнія относительно мѣры виновности преступниковъ. Положимъ, что присяжные убѣдились бы въ томъ, что преступленіе совершено однимъ изъ подсудимыхъ при содѣйствіи другаго, но не могли бы разрѣшить вопроса, кто именно главный, кто второстепенный участникъ преступленія; это значило бы подвергнуть одного изъ нихъ несоразмѣрно строгому наказанію. Этой крайности присяжные легко могутъ предпочесть другую, противоположную, т. е. они могутъ совершенно оправдать обоихъ подсудимыхъ. Между тѣмъ при существованіи юридическаго различія между главными и второстепенными участниками преступленія, они могли бы признать обоихъ второстепенными участниками и такимъ образомъ наказать виновныхъ, не подвергая себя опасности отяготить сверхъ мѣры участь одного изъ нихъ.

Такое рѣшеніе было бы, можетъ быть, не совсѣмъ логично: второстепенный участникъ всегда предполагаетъ главнаго, а здѣсь оказались бы одни только второстепенные участники безъ главнаго, но по крайней мѣрѣ оно не заставило бы одного пострадать за вину другаго. Мы можемъ привести подобное рѣшеніе изъ русской судебной практики. Въ прошедшемъ году

въ высшихъ присутственныхъ мѣстахъ рѣшено было дѣло объ убійствѣ жены губернскаго секретаря В. Въ преступленіи заподозрѣны были ея мужъ и сынъ. Обстоятельства дѣла несомнѣнно свидѣтельствовали о томъ, что одинъ изъ подсудимыхъ совершилъ убійство съ помощью или по крайней мѣрѣ съ вѣдома другаго; но кто именно былъ убійца, кто пособникъ или попуститель, этого опредѣлить было невозможно. Вслѣдствіе этого, чтобы не отяготить напрасно участь одного изъ подсудимыхъ, они оба были присуждены къ наименьшему достовѣрно заслуженному ими наказанію, къ наказанію за попустительство убійства. Мы знаемъ, что это рѣшеніе возбудитъ множество возраженій: но мы готовы защищать его, какъ единственное средство разрѣшить затруднительную задачу, какъ единственное средство не оставить виновныхъ безъ наказанія и вмѣстѣ съ тѣмъ не присудить ихъ къ наказанію сверхъ мѣры.

Возьмемъ другое предположеніе. Присяжные пришли къ убѣжденію, что одинъ изъ подсудимыхъ совершилъ убійство, а другой помогалъ ему, но помогалъ весьма мало, такъ что первый легко могъ обойтись безъ помощи послѣдняго. Произнести противъ обоихъ безусловно обвинительный приговоръ, значило бы, во многихъ случаяхъ подвергнуть обоимъ одинаковому наказанію. Во избѣжаніе этой несправедливости, присяжные, особенно если они не имѣютъ права объявлять обстоятельства, уменьшающія вину (*), могутъ прибѣгнуть къ совершенному оправданію втораго преступника. Въ обоихъ случаяхъ, цѣль правосудія не будетъ достигнута. Лордъ главный судья, перечисляя различные способы разрѣшенія дѣла Маннингговъ, сказалъ между прочимъ присяжнымъ, что если они не будутъ въ состояніи опредѣлить, который именно изъ под-

(*) Признаніе обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, не всегда впрочемъ можетъ возстановить справедливое отношеніе между наказаніемъ главнаго виновнаго и наказаніемъ его пособника. Если обстоятельства, уменьшающія вину, будутъ объявлены присяжными въ пользу обоихъ подсудимыхъ, то судья можетъ назначить обоимъ одно и то же смягченное наказаніе и такимъ образомъ пособникъ все таки подвергнется одинаковой отвѣтственности съ главнымъ виновникомъ.

судимыхъ совершилъ убійство, и если они при этомъ не будутъ считать обоихъ подсудимыхъ одинаково виновными, то имъ не останется ничего болѣе, какъ оправдать обоихъ. Итакъ, судья предвидѣлъ возможность оправданія подсудимыхъ, не смотря на признаніе виновности ихъ. Если бы присяжные были увѣрены, что наказаніе преступника всегда будетъ соответствовать признанной ими мѣрѣ виновности его, то они гораздо рѣже должны были бы прибѣгать къ подобному оправданію виновныхъ.

Остановимся еще на одной любопытной сторонѣ настоящаго процесса. Адвокатъ Фредерика Маннинга, Уилькинсъ, какъ мы уже видѣли, прямо обвинялъ во всемъ Марію Маннингъ. Адвокатъ Маріи, Беллентинъ, сильно возсталъ противъ такого способа защиты, утверждая, что онъ не согласенъ съ достоинствомъ и призваніемъ адвокатуры, что адвокатъ никогда не долженъ принимать на себя обязанность обвинителя. Нѣмецкій юристъ Марквардсенъ, изложившій процессъ Маннинговъ для журнала «*Gerichtssaal*», говоритъ, что поведеніе Уилькинса было предметомъ горячихъ споровъ въ лондонской публикѣ и что мнѣнія раздѣлились довольно ровно въ пользу и противъ него. Что касается до насъ, то мы не понимаемъ упрековъ, дѣлаемыхъ Уилькинсу. Отказаться отъ обвиненія Маріи Маннингъ—значило бы для Уилькинса отказаться отъ защиты Фредерика. Обстоятельства дѣла не давали мѣста предположенію, чтобы убійство было совершено третьимъ лицомъ. Оно могло быть совершено или обоими подсудимыми, или однимъ изъ нихъ. Понятно, что каждый изъ адвокатовъ, для спасенія своего кліента, долженъ былъ взвалить всю вину на другаго подсудимаго. Лучшимъ доказательствомъ этому служить то, что самъ Беллентинъ, возстававшій противъ Уилькинса, въ сущности держался той же системы защиты. Онъ не обвинялъ Фредерика такъ прямо и открыто, какъ Уилькинсъ обвинялъ Марію: но принятіе доводовъ Беллентина неминуемо должно было повести къ осужденію Фредерика Маннинга. Генеральный атторней, защищая Уилькинса отъ нападеній Беллентина, справедливо замѣтилъ, что Уилькинсъ испол-

нилъ въ точности долгъ адвоката, и что гораздо благороднѣе открыто высказать обвиненіе, нежели представить его въ видѣ намековъ (*insinuations*), какъ это сдѣлалъ Беллентинъ. Другое дѣло, если Уилькинсъ, обвиняя Марію, употребилъ противъ нея неприличныя рѣзкія выраженія, тогда онъ конечно подлежитъ осужденію, какъ и всякое лицо, кто бы оно ни было, обвинитель ли, адвокатъ, свидѣтель, или судья, которое позволить себѣ подобную выходку противъ подсудимаго. Уваженіе къ подсудимымъ, безъ сомнѣнія, составляетъ священную обязанность для всѣхъ, участвующихъ въ процессѣ.

Приговоръ суда былъ приведенъ въ исполненіе: Маннинги подверглись смертной казни. Неумѣстно было бы здѣсь поднимать старинный, но все еще не рѣшенный вопросъ о справедливости и цѣлесообразности этого наказанія, хотя настоящее дѣло, по неопредѣленности вины каждаго изъ подсудимыхъ, и представляетъ само по себѣ довольно сильный аргументъ противъ смертной казни. Мы хотимъ обратить вниманіе только на публичное совершеніе казни. Не говоримъ уже о томъ, какія страданія оно причиняетъ преступнику, въ какой степени оно увеличиваетъ тяжесть наказанія. Публичность смертной казни, для многихъ подсудимыхъ, безъ преувеличенія можетъ быть названа пыткой. Но достигается ли она по крайней мѣрѣ своей цѣли? Производитъ ли она на зрителей благотворно потрясающее впечатлѣніе, которое могло бы внушить имъ новое уваженіе къ закону, новое отвращеніе отъ преступныхъ дѣяній? Письмо Диккенса служитъ лучшимъ отвѣтомъ на эти вопросы. Нужно особенное ослѣпленіе, особенно упорное пристрастіе къ старинѣ, чтобы оставлять безъ вниманія такіе ясныя, вопіющіе факты. Можно подумать, что дѣло происходитъ не въ Лондонѣ, а въ древнемъ Римѣ, что правительство не рѣшается отмѣнить публичность смертной казни, боясь лишить народъ одного изъ его любимыхъ зрѣлищъ. Театральный характеръ наказаній не соотвѣтствуетъ даже и той теоріи, изъ которой проистекаетъ, теоріи устрашенія: онъ скорѣе уменьшаетъ, нежели увеличиваетъ страхъ, внушаемый наказаніемъ. Должно надѣяться, что Англія и Франція вступятъ наконецъ на путь, указанный Прус-

сією и нѣкоторыми сѣверо-американскими штатами, и отмѣнять, если не самую смертную казнь, то по крайней мѣрѣ публичное совершеніе ея.

II.

Процессъ по обвиненію Уилліама Юнгмана въ убійствѣ нѣсколькихъ лицъ.

31 іюля 1860 года одинъ молодой человекъ, Уилліамъ Юнгманъ, былъ представленъ въ ламбетскій полицейскій судъ вслѣдствіе подозрѣнія въ умышенномъ убійствѣ своей матери, двухъ братьевъ, изъ которыхъ одному было 11 лѣтъ, а другому 6, и невѣсты, Мери Стритеръ. Арестовавшій его полицейскій инспекторъ показалъ, что, прійдя около 6 часовъ утра этого дня въ домъ, въ которомъ жило семейство Юнгмана (*), вслѣдствіе полученнаго извѣстія объ умерщвленіи въ немъ нѣсколькихъ лицъ, онъ засталъ обвиняемаго въ одной рубашкѣ стоящимъ на площадкѣ лѣстницы, на которой лежали три мертвыя тѣла, два женскія и одно мужское; кромѣ того онъ увидѣлъ на постели въ передней комнатѣ въ томъ же этажѣ тѣло мальчика. На каждомъ изъ нихъ были раны на груди, на шеѣ и горлѣ. Всѣ они были еще теплы и въ ночныхъ платьяхъ. На мѣстахъ, на которыхъ они лежали, равно какъ и на постельномъ бѣльѣ и платьѣ было очень много крови (**). Простыня кровати, стоявшей въ задней комнатѣ, была слегка замарана кровью такимъ образомъ, что какъ будто кто нибудь обтеръ ею руки. Тѣло мальчика, лежавшее на кровати, было обращено.

(*) Въ мѣстечкѣ Уольвортѣ (Walworth), въ графствѣ Эссексъ, въ Англій.

(**) Изъ показаній другаго полицейскаго чиновника видно, что руки обвиняемаго были также замараны кровью.

ногами къ изголовью; тѣло другаго мальчика лежало на спинѣ головою къ лѣстницѣ; молодая женщина лежала на правомъ боку, головою за дверью задней комнаты, а ногами къ двери передней, мать же подсудимаго лежала на животѣ и отчасти на тѣлѣ Стритеръ; ея ноги были обращены къ двери передней комнаты, а голова къ задней.

При появленіи инспектора, обвиняемый, не дожидая вопроса, сказалъ ему: «Это сдѣлала моя мать. Она подошла къ кровати, на которой я спалъ вмѣстѣ съ моимъ братомъ и его убила ножомъ, а меня ранила. Защищая себя, я выхватилъ ножъ изъ ея руки и убилъ ее, если только она умерла». Когда ему было объявлено, что онъ долженъ быть арестованъ, то онъ сказалъ: «очень хорошо» и безпрекословно послѣдовалъ за полицейскимъ чиновникомъ. При немъ ничего не было найдено, кромѣ карманной книжки. Но между тѣлами былъ найдены длинный испанскій складной ножъ, покрытый кровью. Кончикъ его и ручка были отломаны.

При допросѣ въ полицейскомъ судѣ нѣкоторыхъ лицъ, бывшихъ на мѣстѣ совершенія преступленія вмѣстѣ съ инспекторомъ, подсудимый спросилъ у одного изъ нихъ, хозяина дома Бэрдона, не слыхалъ ли онъ или его жена, какъ онъ, подсудимый, закричалъ громкимъ голосомъ: «Убійство» и звалъ на помощь своего сосѣда Бэрда. Свидѣтель отвѣчалъ отрицательно.

На третій день было произведено коронеромъ слѣдствіе, которымъ обнаружены слѣдующія обстоятельства.

Джемсъ Бэрдонъ показалъ, что домъ его состоитъ изъ трехъ этажей, изъ которыхъ въ каждомъ по двѣ комнаты; первый этажъ занималъ онъ самъ, второй Бэрдъ, а верхній Юнгманъ съ женою и двумя дѣтьми. Во вторникъ 31 іюля около трехъ четвертей шестаго онъ былъ еще въ постели, когда услышалъ шумъ въ верхнемъ этажѣ дома. Чтобы узнать о причинѣ этого шума, онъ сошелъ съ кровати, но прежде нежели успѣлъ дойти до двери, Бэрдъ постучался и сказалъ: «Ради Бога идите на верхъ; тамъ совершено убійство». Тогда онъ сейчасъ же пошелъ на верхъ и на площадкѣ лѣстницы

увидѣлъ мертвое тѣло мальчика. Бэрдъ слѣдовалъ за нимъ. Возвратившись въ свою комнату (при чемъ онъ никого не встрѣтилъ и не слышалъ никакого шума), онъ одѣлся и отправился за полицейскимъ. Приведа въ домъ констабля и инспектора, онъ болѣе не ходилъ на верхъ.—За четверть часа до того времени, какъ онъ услышалъ шумъ, онъ слышалъ какъ кто то вышелъ изъ дому. Онъ думалъ, что это былъ Юнгманъ-отецъ. Никакого говора или крика онъ не слышалъ. Входя по лѣстницѣ, онъ встрѣтилъ Уилліама Юнгмана раздѣтымъ, который сходилъ внизъ и сказалъ ему: «Все это сдѣлала моя мать; она убила моихъ братьевъ и невѣсту, и я, защищая себя, выхватилъ у нея ножъ и убилъ ее». Бэрдонъ болѣе его не видалъ до тѣхъ поръ, когда онъ былъ приведенъ въ судъ. Ему было извѣстно, что подсудимый былъ въ домѣ въ продолженіи недѣли или десяти дней, но о томъ, что онъ или кто нибудь, кромѣ постоянныхъ жильцовъ, находился тамъ въ ночь съ 30 на 31 іюля, онъ не зналъ, равно какъ и о томъ, что было убито еще четвертое лицо, трупъ котораго вовсе не видѣлъ. Съ молодымъ Юнгманомъ онъ никогда не говорилъ. Мать его зналъ, какъ жилицу въ своемъ домѣ, но говорилъ съ нею не часто. Она была, повидимому, женщина съ здоровымъ умомъ и хотя ему казалось, что она часто била своихъ дѣтей, но остальное ея обращеніе съ ними онъ находилъ удовлетворительнымъ.

Филлиппъ Бэрдъ, жившій въ среднемъ этажѣ дома Бэрдона, показалъ, что онъ занималъ эту квартиру около трехъ мѣсяцевъ. Во вторникъ (31-го іюля) утромъ около 55 минутъ шестаго часа онъ былъ разбуженъ своею женою, которая обратила его вниманіе на шумъ, происходившій вверху. Онъ дѣйствительно услышалъ шумъ и слабый крикъ, раздававшійся, какъ казалось, съ площадки. Онъ всталъ съ кровати, отворилъ дверь и опять услышалъ крикъ челоуѣка, повидимому, еще невзрослаго. Послѣ того стало тихо. Входя по лѣстницѣ, онъ прежде всего увидѣлъ на ней кровавое пятно и руку мальчика, висѣвшую черезъ рѣшетку перилъ. Поднявшись еще выше, онъ увидѣлъ, что этотъ мальчикъ лежалъ

на площадкѣ лѣстницы и что его горло было перерѣзано. Тутъ же лежала молодая женщина, голова которой находилась въ задней комнатѣ, а туловище и ноги въ передней. Ея горло также было перерѣзано. Въ это время онъ не слышалъ никакого шума, не замѣтилъ въ тѣлахъ никакого движенія и никого болѣе не видѣлъ. Потомъ онъ спустился внизъ и позвалъ хозяина, который также пошелъ на верхъ. Одѣваясь, онъ былъ кѣмъ-то позванъ; выйдя изъ своей комнаты, онъ увидѣлъ на верхнихъ ступеняхъ лѣстницы Юнгмана-сына, который былъ въ одной рубашкѣ и сказалъ ему: «Мистеръ Бэрдъ, все это сдѣлала моя мать; она убила моихъ двухъ братьевъ и невѣсту, а я убилъ ее, защищая себя». Въ рукахъ его ничего не было замѣтно. Правый рукавъ его рубашки былъ разорванъ. Сходивши по просьбѣ подсудимаго за докторомъ, онъ пошелъ на верхъ вмѣстѣ съ констаблемъ и увидѣлъ трупъ г-жи Юнгманъ. Она лежала на ногахъ молодой женщины, и ноги ея касались двери.

Всѣ три трупа были въ ночныхъ платьяхъ. Подсудимаго онъ видѣлъ въ послѣдній разъ уже подъ арестомъ и слышалъ, какъ онъ говорилъ: «Батюшка, это сдѣлала мать». Легши спать въ понедѣльникъ вечеромъ между 10-ю и 11-ю час., онъ не слышалъ на верху никакого шума до той минуты, когда жена его разбудила.

Когда онъ переѣхалъ въ домъ Бэрдона, семейство Юнгмана уже жило тамъ; съ г-жею Юнгманъ онъ говорилъ нѣсколько разъ. Она казалась совершенно здоровою и всегда привѣтливо обращалась съ своими дѣтьми; иногда ихъ наказывала, но не строго, также какъ и мужъ ея. Вообще по ея дѣйствіямъ нельзя было заключить, чтобы она могла подать поводъ къ тому, что случилось. По его мнѣнію, убійство было совершено молодымъ Юнгманомъ. Что касается до его отца, то Бэрдъ слышалъ, какъ онъ вышелъ утромъ изъ дома.

Когда онъ въ первый разъ пришелъ на верхъ, то задняя дверь была отперта. Была ли также отперта дверь передней комнаты, онъ не замѣтилъ.

Жена этого свидѣтеля, Сузанна Бэрдъ показала, что во вторникъ 31-го іюля утромъ она была разбужена шумомъ, происходившимъ надъ ея комнатою. Ей казалось, что наверху кто-то упалъ. Но чтобы кто нибудь называлъ ее въ это время по имени, она не слыхала. Она думала, что этотъ шумъ производятъ дѣти и разбудила своего мужа. Тогда шумъ прекратился, мужъ ея всталъ и пошелъ на верхъ, потомъ поспѣшно одѣлся и отправился за полиціей. Она видѣла на лѣстницѣ молодаго Юнгмана, котораго встрѣчала въ домѣ въ теченіи послѣднихъ девяти дней. Онъ былъ одинъ и сказалъ: «Мистрисъ Бэрдъ, все это сдѣлала моя мать; она убила моихъ бѣдныхъ маленькихъ братьевъ и мою невѣсту. Я думаю, что я убилъ ее, защищая себя. Посмотрите, прибавилъ онъ, протянувъ руку, что она сдѣлала. Ради Бога, сходите за докторомъ». Рукавъ его рубашки былъ разорванъ. Уходилъ ли Юнгманъ-отецъ, она не видала, но видѣла, что онъ вошелъ въ домъ послѣ того, какъ совершеніе преступленія сдѣлалось извѣстнымъ. Во время своего пребыванія въ домѣ Бэрдона, подсудимый постоянно почевалъ тамъ. Она никогда съ нимъ не разговаривала. Онъ казался очень тихимъ, умнымъ и разсудительнымъ, и она считала его за очень хорошаго молодаго человѣка.

Дѣвица Стритеръ пріѣхала въ домъ Бэрдона вмѣстѣ съ Уилліамомъ Юнгманомъ около 9-ти час. вечера въ понедѣльникъ, 30-го іюля и она, Бэрдъ, видѣла ее въ первый разъ въ 9½ час., встрѣтивши ихъ на лѣстницѣ, но ни разу съ нею не говорила. Между 9-ю и 10-ю час. онъ стоялъ у двери и казался совершенно трезвымъ. Мать его высунулась изъ окна и позвала его на верхъ, а потомъ сказала старшему изъ убитыхъ мальчиковъ, который также былъ возлѣ двери. «Томасъ, скажи Уилліаму, что мнѣ нужно его видѣть». Тогда Уилліамъ пошелъ наверхъ; Стритеръ также удалась. Въ продолженіи всего времени, какъ она находилась въ отсутствіи, Уилліамъ, какъ полагала Бэрдъ, былъ съ своею матерью. Юнгмана-отца въ это время съ ними не было, но онъ пришелъ черезъ четверть часа. На основаніи того, что Уилліамъ гово-

рилъ, она не имѣеть никакого сомнѣнія, что г-жа Юнгманъ убиита своимъ сыномъ.

Съ г-жею Юнгманъ она говорила нѣсколько разъ и утромъ въ понедѣльникъ узнала отъ нея, что Стритеръ должна пріѣхать въ этотъ день. Уходя спать, она не сомнѣвалась, что Стритеръ была съ семействомъ Юнгманъ въ домѣ. Г-жу Юнгманъ она считала совершенно безвредной и разсудительной женщиной. Старшій изъ умершихъ мальчиковъ былъ очень несносенъ и она иногда била его, но не очень сильно и угрозъ съ ея стороны никогда не было.

Джонъ Варней, констабль, показаль, что во вторникъ, въ 6 часовъ, пришелъ къ нему Бэрдъ и сказааль, чтобы онъ шелъ въ домъ подъ №. 16 (въ которомъ жило семейство Юнгманъ), потому что тамъ совершено убійство. Прійдя въ этотъ домъ, онъ пошелъ наверхъ и увидѣль трупъ мальчика, возлѣ ногъ котораго лежали трупы двухъ женщинъ. Всѣ они были въ ночныхъ костюмахъ и очень изранены. Уилліамъ Юнгманъ стояль въ одной рубашкѣ въ дверяхъ задней комнаты. Правый рукавъ его рубашки былъ оторванъ и висѣль надъ рукою. Онъ сказааль констаблю. «Вотъ зрѣлище то! Все это сдѣлала моя мать. Самъ я убилъ ее, защищая себя; это законно». На его правой ногѣ и правой рукѣ видна была кровь. Онъ былъ очень взволнованъ.—Войдя въ переднюю комнату, Варней увидѣль трупъ другаго мальчика, у котораго была большая рана на шеѣ. На постельномъ бѣльѣ было много крови. На полу были замѣтны кровяные слѣды. Когда онъ пришелъ на верхъ, двери въ обѣихъ комнатахъ были отперты. Уилліамъ Юнгманъ между тѣмъ одѣвался въ присутствіи инспектора, безпрестанно повторяя, что это сдѣлала его мать и что онъ убилъ ее защищаясь.—Никакого оружія Варней не нашель, но взяль съ собою окровавленную рубашку Уилліама и представилъ ее вмѣстѣ съ оторваннымъ рукавомъ.

Изъ показанія констабля Давида Лакка видно, что прійдя во вторникъ утромъ вмѣстѣ съ инспекторомъ Данномъ въ верхній этажъ дома, въ которомъ жило семейство Юнгманъ, онъ увидѣль на площадкѣ тѣла двухъ женщинъ и мальчика, Уил-

ліамъ Юнгманъ стоялъ тогда въ спальнѣ и сказалъ: «Вотъ зрѣлище-то. Все это сдѣлала моя мать». На вопросъ, гдѣ его мать, онъ указалъ на одинъ изъ женскихъ труповъ и сказалъ: «Вотъ она; я убилъ ее защищаясь». На вопросъ, лежала-ли на этомъ мѣстѣ молодая женщина, когда онъ убилъ свою мать, онъ отвѣчалъ, что не знаетъ. Онъ, Лаккъ, нашель между трупами ножъ (представленный въ судъ). Этотъ ножъ былъ въ крови. Конецъ его и часть ручки были отломаны. Когда Уилліамъ былъ арестованъ и уведенъ, онъ сдѣлалъ обыскъ въ комнатѣ и нашель въ спальнѣ за сундукомъ возлѣ двери рукавъ.—Этотъ рукавъ былъ приложенъ къ рубашкѣ Юнгмана и оказался принадлежавшимъ къ ней.

Самуилъ Уэльсъ Стритеръ, фермеръ изъ Суссекса, показалъ, что одна изъ убитыхъ женщинъ дѣйствительно была его дочь, Мери Стритеръ, 27 лѣтъ отъ роду. Она жила съ отцомъ съ апрѣля, помогая своей матери въ домашнемъ хозяйствѣ. Въ послѣдній разъ онъ видѣлъ ее живою въ понедѣльникъ утромъ въ своемъ домѣ, когда она собиралась ѣхать въ Лондонъ и зналъ, что она хотѣла выйти за-мужъ за Уилліама Годфрея Юнгмана, и что приготовления къ свадьбѣ уже были сдѣланы. Этого послѣдняго онъ видѣлъ только одинъ разъ недѣли двѣ тому назадъ въ своемъ домѣ, гдѣ Уилліамъ провелъ одну ночь. Они были знакомы въ продолженіи четырехъ или пяти лѣтъ, но не видѣли другъ друга 2 или 3 года передъ этимъ, хотя находились, по видимому, въ очень хорошихъ отношеніяхъ.

Затѣмъ былъ допрошенъ отецъ подсудимаго Джонъ Юнгманъ, который показалъ, что въ послѣднее время онъ жилъ въ томъ домѣ, въ которомъ было совершено убійство, вмѣстѣ съ своею женою Елисаветою 46 л. и двумя сыновьями Томасомъ 11 л. и Чарльсомъ 6 л. Третій сынъ его, Уилліамъ Годфрей Юнгманъ, имѣлъ мѣсто лакея, которое онъ занималъ около 6 мѣсяцевъ и оставилъ недѣли двѣ тому назадъ. Уилліамъ жилъ съ нимъ и съ тѣхъ поръ какъ оставилъ свое мѣсто, спалъ въ задней комнатѣ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Томасомъ. Въ понедѣльникъ свидѣтель вернулся домой около 10 час. и увидя Томаса спросилъ у него, былъ ли Уилліамъ съ Ме-

ри Стритеръ въ передней комнатѣ, на что получилъ утвердительный отвѣтъ. Подсудимый и мать его ожидали ея приѣзда. Но свидѣтель не зналъ, что она приѣдетъ и что будетъ ночевать у нихъ. Когда онъ узналъ, что она наверху, то онъ не пошелъ въ ту комнату и не видалъ ее, равно какъ и жены своей въ тотъ вечеръ. Прийдя домой, онъ сейчасъ-же легъ спать въ задней комнатѣ, гдѣ обыкновенно также спали Уилліамъ и Томасъ, между тѣмъ какъ жена свидѣтеля и Чарльсъ спали въ передней комнатѣ. Немного погодя вошелъ Уилліамъ, раздѣлся и спросилъ, можно ли потушить свѣчу. О Мери Стритеръ между ними не было разговора, такъ какъ свидѣтель вовсе не мѣшался въ ея отношенія къ своему сыну и не заботился о нихъ. Въ 4 часа утра во вторникъ 31 іюля свидѣтель проснулся и увидѣлъ, что Уилліамъ ложится въ постель и полагая, что онъ вставалъ, чтобы посмотреть на часы въ передней комнатѣ, ничего не сказалъ ему. Потомъ снова проснувшись около пяти часовъ, онъ минутъ черезъ двадцать одѣлся и вышелъ изъ дому. Уилліамъ и Томасъ были въ постели и, повидному, спали. Около 6½ час., когда онъ хотѣлъ начать работу въ домъ своего сына Джона, за нимъ прислали. Первое, что онъ увидѣлъ поднявшись на лѣстницу, были трупы его жены, Томаса и Стритеръ на площадкѣ и Чарльса въ передней комнатѣ. Въ задней комнатѣ были Уилліамъ и нѣсколько полицейскихъ. Уилліамъ былъ раздѣтъ и сказалъ свидѣтелю: «все это сдѣлала мать». Ножъ, представленный въ судъ, Уилліамъ показывалъ ему дней за девять передъ тѣмъ; раскрывъ его, онъ сказалъ, что это очень хорошій карманный ножъ. Въ рукахъ своей жены свидѣтель никогда не видалъ этого ножа и она ничего о немъ не говорила. Что-же касается до предположенія на счетъ свадьбы Уилліама, то она знала о нихъ и говорила своему мужу, но, повидному, противилась этой свадьбѣ.—Мери Стритеръ онъ видѣлъ нѣсколько разъ на улицѣ, но никогда не говорилъ съ нею. На счетъ же свадьбы также никогда не говорилъ съ сыномъ, предоставивъ ему въ

этомъ отношеніи полную свободу. Сынъ его не имѣлъ никакого состоянія, но, кажется, рассчитывалъ получить деньги за своей невѣстой.—Онъ не зналъ, былъ ли между ними какойнибудь разговоръ объ этомъ предметѣ.

Кромѣ того, собранными свѣдѣніями обнаружено, что Уилліамъ Юнгманъ употреблялъ всѣ возможные усилія, чтобы склонить Мери Стритеръ къ браку съ нимъ и получить на то согласіе ея родныхъ. Такъ онъ говорилъ ей, что у него 200 ф. стерл. ежегоднаго дохода и что онъ будетъ содержать ее какъ благородную даму, между тѣмъ какъ въ то утро, когда совершено убійство, у него не оказалось ни гроша. Изъ его переписки съ нею также видно, что за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ онъ очень упрасивалъ ее застраховать свою жизнь въ 100 ф. стерл; отъ чего она, повидимому, отказывалась вслѣдствіе настояній своего отца и знакомыхъ. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ Уилліамъ постоянно уговаривалъ ее пріѣхать въ городъ и привезти съ собою всѣ деньги, которыя она могла достать или занять у своихъ друзей, прибавляя къ этому, что ей нѣтъ никакой надобности привозить съ собою вещи, нужныя для свадьбы, потому что ихъ можно купить въ городѣ. Оглашеніе о предстоящемъ бракѣ уже было сдѣлано.

Между бумагами подсудимаго былъ найденъ полицъ на застрахованіе жизни Мери Стритеръ въ 100 ф. ст., выданный 25 іюля, т. е. за шесть дней до совершения убійства; по этому полицу деньги слѣдовало получить ему послѣ ея смерти.

Изъ послѣдующихъ изслѣдованій оказалось, что Уилліамъ Юнгманъ былъ прежде подъ судомъ за кражу серебра у мистера Кита, и въ мартѣ 1859 г. приговоренъ къ тяжелымъ работамъ на одинъ годъ. Когда срокъ его заключенія кончился, то онъ пріискалъ себѣ мѣсто лакея, но въ началѣ іюля 1860 г. былъ уволенъ.

Во все продолженіе слѣдствія подсудимый сохранилъ совершенное спокойствіе.

16 Августа это дѣло разсматривалось въ центральномъ уголовномъ судѣ.

Всѣ свидѣтели, спрошенные при слѣдствіи, подтвердили

свои прежнія показанія. Объясненія ихъ не обнаружили никакихъ новыхъ обстоятельствъ, могущихъ имѣть въ настоящемъ дѣлѣ значеніе, кромѣ того, что мать г-жи Юнгманъ и братъ Джона Юнгмана были нѣкоторое время сумасшедшими и умерли въ домѣ умалишенныхъ, въ которомъ отецъ его также содержался два или три раза и что на тѣлѣ подсудимаго послѣ совершенія убійства не было замѣтно никакой раны.

Но кромѣ этихъ свидѣтелей, въ судѣ были допрошены нѣкоторые другіе и выслушаны объясненія доктора Бодди.

Изъ объясненій сего послѣдняго видно, что при приходѣ въ домъ Бэрдона утромъ въ день совершенія убійства онъ нашель тѣла убитыхъ въ такомъ положеніи, какъ показали вышеприведенные свидѣтели. Они еще были такъ же теплы, какъ обыкновенно бываетъ тепло тѣло живаго человѣка. При осмотрѣ Мери Стритеръ, онъ нашель у ней рану въ лѣвой половинѣ груди, проникшую въ грудную полость. Горло ея было буквально перерѣзано отъ одного уха до другаго, повидимому очень крѣпкимъ и острымъ орудіемъ. Сонная артерія и гортанная вена были совершенно разрѣзаны. Эта рана, доходившая до шейныхъ позвонковъ, требовала значительной силы со стороны наносившаго ее лица и должна была произвести самую быструю смерть, такъ что умершая не могла имѣть времени закричать. Она была, повидимому, крѣпкаго сложенія.

На тѣлѣ матери подсудимаго докторъ нашель раны, произведенныя посредствомъ удара острымъ концомъ орудія: двѣ возлѣ лопатки лѣвой руки, а одну на груди. Кромѣ того, на лѣвой сторонѣ шеи умершей былъ глубокой разрѣзъ. Эта рана, по мнѣнію Бодди, была также смертельна, но не могла произвести смерть такъ быстро, какъ рана, нанесенная Стритеръ. На рукахъ обѣихъ женщинъ ранъ не было.

На тѣлѣ младшаго изъ убитыхъ мальчиковъ найдены на груди двѣ раны, нанесенныя посредствомъ удара острымъ концомъ орудія, два разрѣза на лѣвой рукѣ и одинъ на шеѣ, раздѣлявшій шейныя кости и спинной хребетъ. Эта послѣдняя рана должна была произвести столь быструю смерть, что маль-

чикъ не имѣлъ времени закричать. Старшій мальчикъ былъ уколотъ восемь разъ въ грудь, ребра и шею; кромѣ того у него были раны на губахъ и на горлѣ, на которомъ была перерѣзана только кожа; нѣкоторые пальцы его лѣвой руки были разрѣзаны до костей такимъ образомъ, какъ будто онъ схватилъ какое-нибудь острое орудіе. Раны на его груди были смертельны, потому что одна изъ нихъ проникла до оболочки сердца, а другая до легкыхъ.

Всѣ эти раны, по мнѣнію доктора, должны были быть произведены орудіемъ подобнымъ пожу, представленному въ судъ, когда конецъ его не былъ еще отломанъ; судя по ранамъ умершихъ, никто изъ нихъ не боролся съ убійцей, кромѣ старшаго мальчика.

На перекрестномъ допросѣ Бодди показалъ, что раны на груди старшаго изъ убитыхъ мальчиковъ должны были произвести немедленную смерть и что, по его мнѣнію, мать ихъ въ состояніи сумасшествія имѣла бы достаточно силы, чтобы нанести замѣченные имъ раны.

Новыя свидѣтельскія показанія дали Мери Анна Утгонъ, служанка доктора Дэнкана, потомъ этотъ послѣдній, Эдуардъ Снайсъ, содержатель трактира, и Таннеръ, служащій въ страховомъ обществѣ «Аргусъ».

Первая изъ нихъ показала, что подсудимый оставилъ мѣсто у доктора Дэнкана 16 іюля и что представленныя въ судъ письма были написаны его рукою.

Докторъ Дэнканъ показалъ, что во время нахождения подсудимаго у него въ услуженіи съ 18 апрѣля онъ не замѣтилъ въ его поведеніи ничего особеннаго; къ этому онъ присовокупилъ на перекрестномъ допросѣ, что будучи хорошо знакомъ съ состояніемъ монаманіи убійства, онъ думаетъ, что въ человѣкѣ, владѣющемъ разсудкомъ, можетъ родиться побужденіе убить другаго и что такой человѣкъ можетъ совершить убійство, сознавая, что это дурное дѣяніе, такъ какъ онъ не въ состояніи прогнѣваться этому побужденію.

Эдуардъ Снайсъ показалъ, что онъ хорошо зналъ Мери Стритеръ и ея семейство. Она пріѣхала къ нему 23 іюля, и

подсудимый посещалъ ее; свидѣтелю казалось, что она имѣла намѣреніе выйти за него за-мужъ. Подсудимый говорилъ ему, что имѣетъ независимое состояніе, заключающееся въ нѣсколькихъ домахъ въ разныхъ частяхъ Лондона. Уилліамъ такъ ему не понравился, что онъ совѣтовалъ ей не выходить за него, говоря, что ей будетъ лучше повѣситься, нежели соединиться узами брака съ такимъ человѣкомъ. 25 Іюля они вмѣстѣ уѣхали и съ тѣхъ поръ онъ ихъ не видалъ.

Тапперъ показалъ, что подсудимый, называвшій себя портнымъ, сдѣлавъ въ обществѣ Аргусъ условіе о застрахованіи жизни Мери Стриперъ въ 100 фунт. стерл., 19 іюля пришелъ въ правленіе общества въ сопровожденіи какой-то молодой женщины, которая заплатила премію, и затѣмъ полнѣе былъ выданъ ему.

Затѣмъ адвокатъ Бестъ, защитникъ подсудимаго, обратился къ присяжнымъ съ рѣчью, въ которой, представивъ, что въ настоящемъ случаѣ нельзя обвинить подсудимаго въ убійствѣ Мери Стриперъ, не обвинивъ въ то же время въ умерщвленіи его матери и двухъ невнучныхъ братьевъ, просилъ ихъ хорошенько подумать прежде, нежели они придутъ къ такому страшному заключенію; потомъ онъ доказывалъ, что теорія, принятая преслѣдователями, была въ высшей степени чудовищна и невѣроятна и что едва ли какой нибудь человѣкъ могъ дойти до такой степени злодѣйства—убить молодую женщину, къ которой онъ, повидному, всегда имѣлъ самое пламенное расположеніе, свою мать и братьевъ, для того только, чтобы получить ничтожную сумму денегъ въ 100 ф. ст.; по его мнѣнію, рассказъ подсудимаго о томъ, что его мать убила его невѣсту и братьевъ и въ припадкѣ бѣшенства бросилась на него самого, послѣ чего онъ убилъ ее, защищая себя, очень могъ быть справедливымъ. Въ заключеніе своей рѣчи адвокатъ сказалъ, что если было какое нибудь хотя малѣйшее сомнѣніе въ виновности подсудимаго, то оно должно быть истолковано въ его пользу.

Послѣ того судья Уилліамсъ, изложивъ обстоятельства дѣла съ большою отчетливостію и безпристрастіемъ, обращалъ

главнымъ образомъ вниманіе присяжныхъ на показаніе самого подсудимаго о томъ, что онъ выхватилъ ножъ изъ рукъ своей матери послѣ того, какъ она, по его словамъ, убила его невѣсту и двухъ братьевъ; если это показаніе было справедливо, то ему не было никакой надобности убивать ее, когда она была беззащитна и легко могла быть удержана.

Совѣщаніе присяжныхъ продолжалось 10 минутъ, послѣ чего они произнесли обвинительный приговоръ.

Когда клеркъ торжественно спросилъ подсудимаго, не можетъ ли онъ представить какихъ либо основаній, вслѣдствіе которыхъ онъ по закону не долженъ бы былъ быть присужденъ къ смертной казни, Уилліамъ Юнгманъ отвѣчалъ: «я виновенъ».

Судья надѣлъ черную шапку и, сказавъ подсудимому нѣсколько словъ о важности совершеннаго имъ преступленія, произнесъ смертный приговоръ.

Подсудимый сохранилъ прежнее хладнокровіе и когда судья кончилъ, спокойно повернулся и твердымъ шагомъ вышелъ изъ залы.

Газета, изъ которой заимствовано содежаніе этого процесса (*), сообщаетъ нѣкоторыя подробности о послѣднихъ дняхъ жизни преступника и о его казни. Мы думаемъ, что эти подробности будутъ не безинтересны для нашихъ читателей, такъ какъ онѣ могутъ нѣсколько пополнить изложенныя нами обстоятельства и дать понятіе о церемоніи смертной казни въ Англии.

До самой послѣдней минуты не нашлось никого, кто рѣшился бы что нибудь сдѣлать для спасенія обвиненнаго отъ страшной участи, которая ему предстояла. Самъ онъ пытался сохранить себѣ жизнь одинъ разъ подачею просьбы о помилованіи, а другой побѣгомъ, но обѣ попытки были безуспѣш-

(*) Times, 1860 г. авг. 1. 3 6. 17.

ны: просьба была отвергнута, побѣгъ не удался и 4 сентября была назначена казнь.

За нѣсколько дней до казни обвиненнаго посѣтили его отецъ, братъ и двѣ сестры. Но это свиданіе далеко не походило на другія подобныя свиданія. Между отцомъ и сыномъ произошла весьма непріятная сцена. Обвиненный началъ упрекать своего отца въ очень жесткихъ выраженіяхъ за дурное обращеніе съ нимъ, за то, что онъ былъ дурнымъ мужемъ для своей жены и дурнымъ отцомъ для своихъ дѣтей; начавъ съ упрековъ, обвиненный дошелъ до совершенной ярости. Отецъ возражалъ ему такимъ же образомъ и дѣло дошло до того, что начальникъ тюрьмы долженъ былъ вывести отца обвиненнаго изъ его комнаты. Только кроткія увѣщанія сестеръ преступника могли его нѣсколько успокоить. Тогда онъ перенесъ весь свой гнѣвъ на одного изъ свидѣтелей, присутствовавшихъ при производствѣ надъ нимъ суда, Эдуарда Спайса, который дурно о немъ отозвался. Относительно своего участія въ совершеніи преступленія онъ твердо стоялъ на прежнихъ показаніяхъ и нѣсколько разъ торжественно объявлялъ о своей невинности. При прощаніи онъ даже заплакалъ.

Всѣ старанія пастора и начальника тюрьмы склонить обвиненнаго къ признанію въ преступленіи и раскаянію были бесполезны, хотя при чтеніи молитвъ онъ видимо проникался благоговѣніемъ. Только одинъ разъ, когда вмѣсто того, чтобы по обыкновенію настаивать на утвержденіи о своей невинности, онъ сохранилъ глубокое молчаніе, представилась слабая надежда на успѣхъ. Но эта надежда не оправдалась.

Въ день казни пасторъ еще разъ возобновилъ свои увѣщанія, уговаривая обвиненнаго не кончать своего земнаго существованія ложью.

«Въ такомъ случаѣ я солгу, если скажу, что я виноватъ», отвѣчалъ онъ.

Около девяти часовъ утра онъ вышелъ изъ тюрьмы, поблагодаривъ пастора и тюремныхъ чиновниковъ за ихъ заботы и услуги. Придя къ воротамъ, онъ былъ связанъ палачомъ и

потомъ въ сопровожденіи пастора, который читалъ похоронныя молитвы, помощниковъ шерифа, начальника тюрьмы, доктора и главнаго констабля онъ отправился на мѣсто казни. Не смотря на страшную блѣдность, онъ былъ, повидимому, спокоенъ и твердымъ шагомъ вошелъ на подмостки, куда за нимъ послѣдовали только пасторъ, два тюремщика и палачъ. Ставъ подъ висѣльницу, онъ на нѣсколько минутъ погрузился въ молитву. Послѣднія его слова были обращены къ пастору.

«Благодарю васъ, мистеръ Джесонъ», сказалъ онъ, «за вашу доброту; поuidaйтесь съ моимъ братомъ и передайте мой поклонъ ему и всему моему семейству».

Вздернутая петля въ нѣсколько секундъ прекратила его жизньъ.

До 30,000 лицъ были зрителями этой сцены и по окончаніи ея спокойно разошлись по своимъ домамъ.

Чтобы дать нашимъ читателямъ понятіе о взглядѣ на смертную казнь, господствующемъ въ англійскомъ обществѣ, мы приведемъ слова Times (5 сент. 1860 г.) по поводу казни Юнгмана.

«Мы читаемъ объ одномъ англійскомъ судѣ 15-го вѣка, который *благодарилъ Бога за то, что англичанъ было повѣшено въ одинъ годъ болѣе, нежели французовъ въ семь*. Въ тѣ дикія времена была открытая война между честными людьми и мошенниками. Тогда жизнь человѣка не считалась столь священной, и видъ физическихъ страданій или истязаній ни на кого не производилъ непріятнаго впечатлѣнія, когда имъ подвергался челоуѣкъ невинный. Филантропическая бережливость въ причиненіи страданій, которая намъ кажется инстинктомъ, представляется на самомъ дѣлѣ результатомъ долговременной опытности и постепеннымъ улучшеніемъ чувствъ. Для насъ казнь составляетъ раздирающее зрѣлище преимущественно потому, что любовь къ ближнему научила насъ болѣе думать объ отдѣльныхъ лицахъ, спсходить къ возможнымъ искушеніямъ и сочувствовать нравственнымъ мученіямъ, представленіе о которыхъ мы естественно соединяемъ съ представленіемъ о послѣднихъ минутахъ пре-

ступника. Болѣе справедливая теорія наказанія, поддерживаемая чувствомъ челоуѣколюбія, не только предоставила обвиняемому всѣ средства къ защитѣ, но и ограничила кругъ этого крайняго наказанія однимъ преступленіемъ. Она отдѣлила отъ этого наказанія все, что безъ надобности отягчало его, и окружила осужденнаго всѣми средствами утѣшенія, могущими смягчить для него приближеніе къ другой жизни. Все это было хорошо, но не удовлетворило класса людей, которые часто стараются выставиться на показъ при введеніи благодѣтельныхъ преобразованій, искажая фантастическимъ догматизмомъ практическую и осторожную провѣрку принциповъ, посредствомъ которыхъ истина выводится наружу. Эти теоретики-оптимисты, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать вопросъ о пользѣ смертной казни при тѣсномъ ея примѣненіи, или оспаривали право общества подвергать ей, или останавливались на ея несправедливости въ отдѣльныхъ случаяхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ этотъ взглядъ весьма распространенъ. Толстыя брошюры противъ смертной казни, произведенія челоуѣколюбивыхъ авторовъ, которые не всегда были въ состояніи возражать противъ болѣе обширныхъ методовъ истребленія людей, появились въ печати. Въ настоящее время хотя вредное вліяніе публичной казни вполнѣ допущено, однако ея необходимость въ нѣкоторыхъ случаяхъ вообще принимается. Это, по нашему мнѣнію, очень хорошій признакъ. Мы видимъ рѣшительную реакцію противъ разсужденій а priori объ этомъ предметѣ. Уголовные кодексы, основанные на отвлеченныхъ умствованіяхъ, стоятъ такъ же низко, какъ и отвлеченныя законоположенія. Здравый смыслъ говорить намъ, что страхъ смерти имѣетъ преимущественное свойство удерживать людей отъ совершенія убійства, потому что самое дѣйствіе возбуждаетъ представленіе о его послѣдствіяхъ. Недѣйствительность смертной казни противъ кражи овецъ ничего не доказываетъ. Она оказалась въ этомъ случаѣ несостоятельною преимущественно потому, что распространенное въ народѣ чувство, которое произвольно соединяетъ это наказаніе съ преступленіемъ убійства, возстало противъ примѣне-

нія его къ преступленіямъ менѣе тяжкимъ и часто разстроивало приведеніе закона въ дѣйствіе».

«Въ продолженіи многихъ лѣтъ не было ни одного преступления столь звѣрскаго, какъ то, за которое Уилліамъ Годфрей Юнгманъ претерпѣлъ вчера смерть въ присутствіи огромной несочувствовавшей ему толпы. Побужденіе его было болѣе нежели въ обыкновенной мѣрѣ не достойно сожалѣнія, подробности его преступления въ высшей степени возмутительны, а поведеніе его во время совершенія преступления и послѣ особенно безчувственно. Мы нисколько не удивляемся, что до самаго конца онъ настаивалъ на своемъ первоначальномъ показаніи, упорно отклоняя отъ себя обвиненіе въ убійствѣ. Подобная превратно понимаемая твердость выказывалась и въ людяхъ съ менѣе огрубѣлымъ характеромъ, побуждая ихъ сознаваться во всемъ, исключая справедливости произнесеннаго противъ нихъ приговора. Въ его свиданіи съ отцомъ и въ его совершенной нечувствительности къ печальнымъ послѣдствіямъ, которыхъ онъ былъ виновникомъ, мы имѣемъ очевидное доказательство самой испорченной души. Теперь мы спрашиваемъ у самой чувствительной совѣсти, оскорбляется ли какое нибудь истинное чувство тѣмъ, что такой человѣкъ предается немедленной смерти, вмѣсто содержанія его въ безнадежномъ заточеніи на счетъ страны? Должны ли мы создать свое собственное провидѣніе, предпочитая слабую надежду на его исправленіе благодѣтельнымъ послѣдствіямъ его казни. Мы очень хорошо знаемъ обыкновенный доводъ, который можетъ быть употребленъ противъ насъ и который по наружности извлечетъ новую силу изъ вчерашнихъ событій. Можемъ ли мы повѣрить, возразятъ намъ, чтобы толпа, которая съ грубою веселостью шумѣла вокругъ тюрьмы наканунѣ казни, вынесла изъ этого зрѣлища болѣе назидательное, нежели развращающее чувство? Въ такомъ видѣ это возраженіе не противъ употребленія, а противъ публичности смертной казни. Но мы глубоко убѣждены, что какъ бы смертная казнь ни дѣйствовала на зрителей, позорная смерть убійцъ способствуетъ къ поддержанію того клейма проклятія на умышленномъ убійствѣ, которое одно

охраняет насъ отъ болѣе частаго его совершенія. Побужденія къ убійству сильнѣе побужденій ко многимъ менѣе тяжкимъ преступленіямъ. Ненависть не есть необыкновенная страсть, и характеристическая черта ея, какъ говорятъ моралисты, заключается въ томъ, что она не можетъ спокойно выносить самаго существованія своего предмета. Отдѣлите отъ жажды крови соединенный съ нею страхъ и вы увидите, что укрощаетъ теперь побужденіе къ убійству».

«Неумѣстная симпатія, противъ которой мы говорили, въ послѣднее время перемѣнила почву. Допуская смертную казнь по принципу, она легко поддается всѣмъ внушеніямъ случайности или безумія. Это чувство само по себѣ хорошо, но оно является слишкомъ поздно, стараясь укрыть отъ правосудія тѣхъ лицъ, которыхъ оно, можетъ быть, могло бы спасти отъ преступленія. Необходимо замѣтить, что это ложное челоуѣколюбіе обращается къ преступнику только на послѣдней ступени его поприща. Оно не обращаетъ вниманія на гнусное дѣтство и на несчастное семейство, въ которыхъ возмутительныя сцены и дьявольскій языкъ влекутъ въ порокъ юные умы. Все это оно предоставляетъ разсмотрѣнію немногихъ практическихъ людей, которые употребляли большія усилія, чтобы доказать статистическими данными и опытомъ, что значительную часть преступленій дѣйствительно можно предупредить, и изыскивали средства къ уменьшенію ихъ числа. Правда, что ихъ усилія начинаютъ цѣниться и приносить плоды, но ихъ трудъ едва-ли достаточно сентименталенъ, чтобы быть въ модѣ. Такъ называемый состязательный характеръ нашего уголовного судопроизводства пустилъ глубокіе корни въ умъ и чувствахъ народныхъ. Преслѣдователь и обвиняемый считаются дѣйствующими лицами въ дѣлѣ, исходъ котораго—жизнь и смерть, и обвиняемый занимаетъ, конечно, болѣе слабую сторону. Когда онъ стоитъ одинъ, какъ «пораженный олень общества» и охотники настигаютъ его, появленіе неразумной симпатіи въ его пользу естественно, но чрезвычайно опасно, и мы не можемъ скрыть отъ себя, что ёслат, который теперь сопровождаетъ тяжкое преступленіе, за-

ключаетъ въ себѣ что-то привлекательное. Возбуждать такой интересъ къ себѣ и подать поводъ къ глубокимъ научнымъ изслѣдованіямъ очень можетъ быть привлекательно для эгоистическаго и необразованнаго ума. Мы не говоримъ, что это могло бы побудить кого нибудь къ совершенію преступления, но это можетъ ослабить чувство, отъ него удерживающее. Китайцы употребляютъ самыя странныя выдумки для устрашенія преступниковъ и даже Бентамъ совѣтуетъ употребленіе всякаго виѣшняго знака, который можетъ сдѣлать наказаніе позорнымъ. Съ своей стороны мы мало питаемъ довѣрія ко всѣмъ подобнымъ средствамъ, если они не поддерживаются здравымъ общественнымъ мнѣніемъ. Мы надѣемся, что оно укрѣпитъ правосудіе противъ всѣхъ неодуманныхъ стремленій, могущихъ уменьшить несомнѣнность или ослабить страхъ его примѣненія въ уголовныхъ дѣлахъ».

ОТДѢЛЪ IV.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

● **судебныхъ слѣдователей московской губерніи.** Московскій губернскій прокуроръ доноситъ министерству юстиціи, что изъ 23 судебныхъ слѣдователей, назначенныхъ въ московской губерніи, 20 кончили курсъ въ университетѣ, изъ нихъ 11 со степенью дѣйствительнаго студента и 9 кандидатами.

Исключеніе изъ общаго правила: *предоставлять мѣста слѣдователей лицамъ, получившимъ образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ*,—сдѣлано только для трехъ чиновниковъ: секретаря уголовной палаты, чиновника особымъ порученій военнаго генераль-губернатора и чиновника гражданскаго губернатора, на томъ основаніи, что они по отличнымъ способностямъ своимъ, знанію дѣла и знакомству съ слѣдственною частію давно уже обратили на себя вниманіе московскаго начальства.

Въ числѣ 23 судебныхъ слѣдователей находятся 13 человекъ, уже занимавшихся слѣдственною частію, а 10 человекъ (изъ нихъ 7 кандидатовъ московскаго университета) определены изъ студентовъ послѣдняго выпуска.

Всѣмъ вновь поступившимъ на службу, до опредѣленія въ должность, было дано для производства по одному при-

мѣрному слѣдствію, за тѣмъ способнѣйшіе были зачислены въ кандидаты и собирались по нѣскольку разъ вмѣстѣ для разъясненія положенія о судебныхъ слѣдователяхъ и для опредѣленія всѣхъ подробностей будущей ихъ дѣятельности.

По утвержденіи въ должностяхъ, судебные слѣдователи размѣщены по уѣздамъ такъ, чтобы на каждый уѣздъ приходилось по одному изъ опытныхъ и прежде служившихъ и по одному изъ вновь поступившихъ на службу.

Польза этихъ мѣръ уже оказалась на дѣлѣ: изъ числа 306 слѣдствій, оконченныхъ судебными слѣдователями въ продолженіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ, только 70 производились болѣе мѣсяца, остальные 236 окончены въ нѣсколько недѣль; бывали слѣдствія, которые оканчивались буквально въ нѣсколько часовъ.

Изъ числа 82 арестантовъ, содержавшихся подъ стражей за судебными слѣдователями, только двое содержались болѣе 3-хъ мѣсяцевъ.

О порядкѣ уничтоженія дарственныхъ записей. Нѣкто (котораго мы назовемъ для большей ясности Петровымъ), не имѣя наслѣдниковъ по нисходящей линіи, совершилъ въ пользу двоюроднаго брата своего (котораго мы назовемъ Сидоровымъ) въ надлежащемъ присутственномъ мѣстѣ дарственную запись, которою предоставилъ въ пользу сего послѣдняго все принадлежавшее ему недвижимое имущество подъ извѣстнымъ условіемъ. Черезъ два года, по совершеніи въ присутственномъ мѣстѣ записи, Петровъ явился снова въ то же мѣсто и объявилъ, что Сидоровъ, которому онъ предъявилъ запись, не согласился на исполненіе изъясненнаго въ ней условія, почему онъ, Петровъ, представляя обратно въ тотъ же судъ подлинную запись, просилъ уничтожить оную установленнымъ порядкомъ. Судъ, имѣя въ виду, что подлинная запись находилась въ рукахъ у дарителя, и основываясь на его показаніи о нежеланіи одареннымъ исполнить условій записи, а равно не имѣя въ виду жалобы противной стороны

на отнятіе или похищеніе записи, призналъ эту послѣднюю несостоявшеюся и приобщилъ ее къ дѣламъ суда. Черезъ нѣсколько дней Петровъ явился снова въ то же присутственное мѣсто и просилъ совершить новую дарственную запись на имя другаго двоюроднаго своего брата Карпова; вслѣдствіе чего въ исполненіе такого ходатайства новый актъ и былъ совершенъ установленнымъ порядкомъ. Черезъ два мѣсяца по совершеніи записи на имя Карпова, Сидоровъ, не обратившись въ судъ, жаловался на дѣйствіе сего послѣдняго высшей инстанціи и взыскалъ въ своей жалобѣ, что онъ будто не отказывался отъ исполненія совершенной въ его пользу дарственной записи и что, во всякомъ случаѣ, присутственное мѣсто не имѣло права уничтожить имъ же утвержденную запись въ пользу его, Сидорова, а поэтому просилъ вторую запись на имя Карпова уничтожить со всеми послѣдствіями и возстановить силу первой.

Изъ этого простаго изложенія обстоятельствъ практическаго случая возникаютъ слѣдующіе вопросы: 1., Дарственная запись по смыслу 728-й ст. т. х. ч. 1. св. зак. гражд. изд. 1857 г. есть актъ крѣпостнымъ порядкомъ совершаемый, а поэтому какимъ порядкомъ слѣдуетъ совершать оную? 2., Если она совершена, то какимъ порядкомъ и въ какіе сроки она можетъ быть уничтожена? 3., Если она уничтожена неправильно, то должна ли сила оной быть возстановлена? и 4., Если, послѣ хотя неправильнаго уничтоженія, уже совершена новая запись, то какой участи подвергается эта послѣдняя? Приступая къ разбору перваго изъ означенныхъ вопросовъ, по соображеніи 987 ст. т. х. ч. 1. съ книгою II. разд. III. того же тома оказывается: что по исполненіи условій, изложенныхъ въ ст. 742 до 763 и по надлежащемъ удостовѣреніи въ самоличности совершающихъ актъ (764 до 798), актъ долженъ быть написанъ и изложенъ сообразно правиламъ, указаннымъ въ ст. 799 до 815. Затѣмъ совершающій актъ долженъ подписать оный своеручно, если же онъ безграмотенъ или слѣпъ или за болѣзнію не въ состояніи подписать оный самъ, то актъ подписывается, вмѣсто него, другимъ, по

его довѣрію, съ отвѣтственностію свидѣтелей въ томъ, что въ подписи акта не заключается ни какого подлога (ст. 816). Послѣ сего актъ записывается въ книгу отъ слова до слова со всѣми подписями и скрѣпами (820, 822), а подъ запискою акта въ книгу дающій оный росписывается, а приѣмлющій прикладываетъ руку; первый, получивъ актъ изъ рукъ надсмотрщика, вручаетъ оный послѣднему (824). По принятіи акта, принявшій оный вправѣ проситъ о ввѣдѣ его по оному во владѣніе и для сего долженъ предъявить надлежащему присутственному мѣсту актъ укрѣпленія на имущество, какъ то: купчую крѣпость, или данную, или дарственную, или раздѣльную записку (925) и если присутственное мѣсто признаетъ актъ дѣйствительнымъ и какъ спора о самомъ актѣ, такъ и запрещенія на переходъ имущества къ другому владѣльцу въ виду нѣтъ, то предписываетъ мѣстной полиціи немедленно ввести пріобрѣтателя во владѣніе установленнымъ порядкомъ (927). Если же споръ предъявленъ къъ бы то ни было какъ до совершенія ввода, такъ и послѣ совершенія оного въ двухъ-годичный срокъ, то по примѣненію къ 927, 1524 и 1525 ст. т. х. ч. I дѣло передается на разсмотрѣніе судебного мѣста по иску того, кто объявилъ на актъ споръ (1525). Такъ какъ въ настоящемъ случаѣ, подлежащемъ нашему разбору, ни отъ кого спора противу порядка совершенія записки на имя Сидорова предъявлено не было, то надлежитъ принять за доказанное, что самый порядокъ совершенія, установленный закономъ, былъ соблюденъ и что, такимъ образомъ, дарственная была выдана Петровымъ и принята Сидоровымъ въ томъ самомъ присутственномъ мѣстѣ, которое совершило оную. Это впрочемъ обстоятельство подкрѣпляется еще отчасти тѣмъ, что при предъявленіи записки, совершенной на имя Сидорова, Петровъ показалъ, что записку была ему возвращена одареннымъ и стало быть находилась у него въ рукахъ. Если такимъ образомъ признать за доказанную законность совершенія дарственной на имя Сидорова, то по соображеніи 825 т. х. ч. I съ 973, 975 и 976 оказывается, что даръ почитается недѣйствительнымъ, когда отъ него отречется тотъ, кому оный назначенъ. Для сего отреченія

не постановлено означеннымъ закономъ ни какого срока и очевидно, что къ актамъ сего рода семидневный срокъ, установленный 825 ст., примѣненія не имѣеть. Единственный срокъ, который можетъ и долженъ въ семъ отношеніи имѣть примѣненіе, есть двухгодичный со времени ввода по дарственнымъ, совершеннымъ безъ условія со стороны одареннаго; ибо коль скоро онъ имущество не принялъ и принять не желаетъ, то странно было бы его принуждать принять во что бы то ни стало даръ. Ежели же имущество принято и вводъ совершенъ, то въ такомъ отказѣ слѣдуетъ видѣть обратное дареніе и на таковое долженъ быть, разумѣется, совершенъ новый актъ. Если же дарственная была совершена подъ условіемъ, то даритель вправѣ требовать соблюденія этого послѣдняго, но коль скоро онъ сего не требуетъ, то и тутъ казалось бы вопроса быть не можетъ; ибо если обѣ совершившія актъ стороны изъявляютъ на уничтоженіе онаго согласіе, то объ чемъ же еще вести судебное дѣло? Но если при обоюдномъ согласіи лицъ, совершившихъ актъ, спорнаго или тяжебнаго дѣла не должно быть, то иначе представляется вопросъ въ томъ случаѣ, когда въ виду судебного мѣста есть одностороннее ходатайство одной стороны объ уничтоженіи акта, т. е. либо одареннаго подъ известнымъ условіемъ, либо, какъ въ настоящемъ дѣлѣ, дарителя. Хотя въ 974 и 976 ст. т. х. ч. 1. и допускается одностороннее уничтоженіе акта дарителемъ, ежели одаренный оказалъ ему непочтеніе или не исполнилъ возложенныхъ на него условій, и хотя эти обстоятельства могутъ возникнуть и послѣ семидневнаго и даже послѣ двухлѣтняго срока, но существованіе оныхъ однако требуетъ подтвержденія установленнымъ въ законѣ судебнымъ порядкомъ и безъ произнесенія рѣшительнаго приговора не можетъ быть признано за доказанное. Кромѣ того дѣло по сему предмету должно непременно, по примѣненію къ 1525 ст. т. х. ч. 1., начинаться по иску той стороны, которая требуетъ уничтоженія самаго акта. Примѣняя эти разсужденія къ настоящему дѣлу оказывается, что если Сидоровъ и Петровъ, такъ какъ ввода

во владѣніе учинено не было, явились бы оба въ присутственное мѣсто и просили бы объ уничтоженіи дарственной, то и не могло быть спора относительно того, что записка эта подлежала уничтоженію. Но Петровъ явился одинъ безъ Сидорова, а посему спрашивается, могло ли то обстоятельство, что у него въ рукахъ находилась дарственная записка, выданная, какъ видно изъ вышеназложеннаго, Сидорову установленнымъ порядкомъ, замѣнить личную явку сего послѣдняго и отреченіе его отъ дара? Сидоровъ въ томъ судѣ, въ который Петровъ предъявилъ записку для уничтоженія, противу такового ходатайства его не спорилъ и не жаловался на отнятіе у него дарственной, въ жалобѣ же своей на судъ, уничтожившій записку, не опровергаетъ показанія о томъ, что онъ возвратилъ дарственную, а также не обвиняетъ Петрова въ похищеніи у него дарственной и не говоритъ для чего была имъ возвращена Петрову означенная записка. При такомъ положеніи вещей и при не введѣ Сидорова во владѣніе казалось бы, что нахожденіе записки въ рукахъ у Петрова слѣдовало бы признать за отреченіе Сидорова отъ дара, а посему, если присутственное мѣсто, имѣя въ виду отказъ Сидорова, выражающійся нахожденіемъ записки въ рукахъ у Петрова, и согласіе этого послѣдняго на принятіе дара обратно, уничтожило дарственную, то оно поступило правильно и съ законами согласно, и Сидоровъ, если признавалъ права свои нарушенными либо тѣмъ, что онъ дарственной Петрову не возвращалъ, либо тѣмъ, что онъ условіе исполнилъ, либо тѣмъ, что онъ былъ уже введенъ во владѣніе, обязанъ былъ заявить о томъ до уничтоженія записки въ судѣ, или если по чему либо онъ этого сдѣлать не могъ, предъявить на Петрова формальный искъ установленнымъ въ законѣ порядкомъ. Если однако вслѣдствіе очевидно неправильнаго толкованія какъ 825, такъ равно и 1424 ст. (хотя эта послѣдняя даже не имѣетъ примѣненія къ дарственнымъ и постановлена только относительно купчихъ крѣпостей) и признать, что всякій крѣпостной актъ по истеченіи семидневнаго срока, даже въ случаѣ взаимнаго согласія договаривающихся сторонъ, не можетъ быть уничто-

женъ ипаче какъ по суду, то за спмъ въ настоящемъ дѣлѣ представляется къ обсужденію еще другой вопросъ: крѣпостной актъ, совершенный подлежащимъ порядкомъ, уничтоженъ не по порядку; слѣдуетъ ли возстановить силу онаго или нѣтъ? Если это уничтоженіе не имѣло бы послѣдствіемъ новыхъ распоряженій, относительно предмета дарственной, то признаніе дѣйствія объ уничтоженіи акта неправильнымъ само по себѣ должно было бы повлечь за собою возстановленіе его силы съ предоставленіемъ домогающейся уничтоженія акта сторонѣ начать о томъ искъ установленнымъ въ законѣ порядкомъ и относительно самаго имѣнія слѣдовало бы соблюсти условія, выраженные въ ст. 679 до 682 т. х. ч. II. св. зак. о суд. Но какъ видно изъ обстоятельствъ настоящаго дѣла, Петровъ уничтоженіемъ записи не удовольствовался, а совершилъ новую на имя другаго двоюроднаго брата своего Карпова. При такомъ положеніи вещей очевидно является уже четвертый вопросъ: если первая запись какъ крѣпостной актъ не могла быть уничтожена частнымъ порядкомъ, то можетъ ли быть уничтожена этимъ порядкомъ вторая также установленнымъ крѣпостнымъ порядкомъ совершенная запись?. Изъ таковаго затруднительнаго положенія полуюристы наши признаютъ возможнымъ выйти тѣмъ, что они говорятъ, первая запись уничтожена неправильно, а поэтому неправильное постановленіе судебного мѣста должно быть уничтожено со всеми послѣдствіями. Такъ какъ послѣдствіемъ сего неправильнаго распоряженія было совершеніе новой, хотя крѣпостной записи, то эта послѣдняя упадаетъ сама собою. При этомъ однако они упускаютъ изъ виду то, что 1, они сами, признавая неправильнымъ уничтоженіе частнымъ постановленіемъ одного крѣпостнаго акта, уничтожаютъ другой такой же крѣпостной актъ такимъ же частнымъ постановленіемъ, что 2, законъ допускаетъ въ извѣстномъ случаѣ существованіе двухъ крѣпостныхъ актовъ на одно и то же имѣніе, какъ это видно изъ ст. 1426. Хотя въ этой статьѣ и говорится, что имѣніе утверждается за тѣмъ изъ двухъ пріобрѣтателей, на имя котораго актъ былъ совершенъ раньше, но тѣмъ

не менѣе, такъ какъ въ той же статьѣ должна быть въ пользу другаго пріобрѣтателя опредѣлена отвѣтственность на основаніи 2290 ст. улож. о наказаніяхъ и какъ кромѣ того не сказано, что второму пріобрѣтателю предоставляется отыскивать убытки, а сказано прямо, что въ пользу его они взыскиваются, то очевидно для всякаго, знакомаго съ духомъ нашего законодательства, что таковой приговоръ судебного мѣста не можетъ состояться иначе, какъ въ апелляціонномъ порядкѣ.

Всѣ изложенныя выше сего соображенія приводятъ насъ къ слѣдующему результату: 1, либо судебное мѣсто уничтожило правильно дарственную и въ такомъ случаѣ Сидоровъ, если онъ признаетъ, что Петровъ не имѣлъ права предъявлять записи къ уничтоженію, потому что онъ отъ исполненія условія не отказывался или потому что Петровъ похитилъ у него актъ, долженъ о томъ войти установленнымъ порядкомъ съ искомъ гражданскимъ въ первомъ случаѣ, а съ искомъ уголовнымъ во второмъ, 2, либо если первая запись уничтожена неправильно частнымъ порядкомъ, то и вторая не можетъ быть уничтожена тѣмъ же частнымъ порядкомъ и судебное мѣсто, въ которое поступила жалоба Сидорова, должно объявить ему, что такъ какъ слѣдствіемъ уничтоженія записи, совершенной на его имя, было совершеніе второй, которая по отношенію къ порядку совершенія и уничтоженія пользуется тѣми же преимуществами, какъ и первая, то ему слѣдуетъ просить объ уничтоженіи второй записи и о восстановленіи тѣмъ же преимущества первой, на его имя совершенной, порядкомъ, установленнымъ для дѣлъ вотчинныхъ, а спорное имѣніе до разрѣшенія сего дѣла вотчиннымъ порядкомъ должно быть поручено опекунскому управленію, на точномъ основаніи 679 ст. т. х. ч. II. св. зак. о суд. Очевидно, что ежели при предъявленіи первой записи къ уничтоженію судебному мѣсту слѣдовало объявить Петрову, что таковое ходатайство его заключаетъ въ себѣ искъ по дѣлу вотчинному, то совершеніемъ второй записи, при существованіи первой, уже не Петровъ, а Сидоровъ обращается въ истца, а отвѣтчиками по отношенію къ сему послѣднему столько же

Петровъ, объявившій судебному мѣсту, что Сидоровъ не желаетъ исполнить условій записи и поэтому возвратилъ оную ему, сколько и Карповъ, могущій доказывать дѣйствительность второй записи, и наконецъ самое присутственное мѣсто, нарушившее законъ о порядкѣ уничтоженія крѣпостныхъ актовъ, если при окончательномъ разсмотрѣнн дѣла окажется, что оно на таковое дѣйствіе не имѣло права.—Съ своей стороны встрѣчнымъ истцомъ по этому дѣлу можетъ явиться и Карповъ, либо по претензій своей относительно силы дарственной на имя его совершенной, либо по претензій на Петрова и на судебное мѣсто за совершеніе второй записи при (неуничтоженномъ по закону) существованіи первой.

А. Фриде.

● **Копіяхъ съ приложенийъ въ прошеніи.** Г. Золотаревъ обратился въ редакцію юридическаго вѣстника съ вопросомъ: необходимо-ли, по точному смыслу статей закона (ст. 267 п. 12 и 13 и 1760 т. х. ч. II) при прошеніи вмѣстѣ съ прилагаемыми къ нему документами представлять и копій съ сихъ послѣднихъ, и вправѣ-ли присутственное мѣсто, въ случаѣ непредставленія таковыхъ копій, отказать въ принятіи прошенія. Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ вслѣдствіе того, что на основаніи 13 п. 267 ст. копій съ документовъ прилагаются только при представленіи самихъ документовъ *въ копіяхъ*, о непринятіи же прошенія за непримененіе копій *съ подлиннаго* документа нигдѣ не говорится, и можетъ быть много случаевъ, гдѣ проситель, представляя подлинный документъ, не нуждается въ его возвращеніи, а слѣдовательно нѣтъ надобности и въ представленіи копій. Почтенный редакторъ юридическаго вѣстника, отвѣчая на этотъ вопросъ въ 6-мъ выпускѣ своего изданія, объяснялъ, что на основаніи 13 и 14 ст. V т. уст. о пошл. и 1760 и 1761 ст. II ч. X т., копій съ приложенийъ должны быть во всякомъ случаѣ представляемы, но при этомъ онъ

пе совѣмъ точно выразился, сказавъ, что копіи должны быть представляемы непременно на гербовой бумагѣ того же достоинства, какъ и самая просьба. Въ статьяхъ 1760 и 1762 ч. и т. х, а также въ ст. 13 и 14 т. v уст. о пошл., на которыхъ основывается г. редакторъ юридическаго вѣстника, положительно говорится, что копіи съ приложеній должны представляться на такой гербовой бумагѣ, какая установлена для производства дѣлъ въ томъ мѣстѣ или у того лица, къ коему просьба поступаетъ, а по ст. 1773, 1779 и 1780 ч. и т. х производство дѣлъ въ среднихъ и высшихъ инстанціяхъ установлено на гербовой бумагѣ разборомъ ниже нежели какой установленъ для просьбъ, подаваемыхъ въ эти же мѣста; такъ что гербовая бумага того же самаго достоинства, на какомъ подается прошеніе, должна быть употребляема *только* для копій съ приложеній, подаваемыхъ при просьбѣ въ низшія инстанціи и лицамъ соответственныхъ опымъ разрядовъ (ст. 1772 и 1778 т. х ч. и.)

Суммарное судопроизводство въ Англии.

Въ статьяхъ «о мировой юстиціи въ Англии» (современникъ *Л.Л.* 4 и 11 за 1860 г.) г. Утпнъ развивалъ между прочимъ ту мысль, что суммарный судъ, т. е. судъ безъ присяжныхъ, сталъ получать съ прошедшаго столѣтія всё большее и большее развитіе въ Англии и что ему стали подсудны многіе роды дѣлъ, которые первоначально судились присяжными, а между тѣмъ такого рода изытія отъ подсудности суду присяжныхъ часто служъ ть не въ пользу, а въ ущербъ правосудія; жалобы на расширеніе круга дѣйствіи судей безъ присяжныхъ весьма перѣдки. Въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Утпнъ приводилъ факты англійской судебной практики и ссылался на отзывъ нѣкоторыхъ англійскихъ публицистовъ, находящихъ суммарное производство во многихъ случаяхъ далеко небезукорызненнымъ. Дѣйствительно, нельзя видѣть равнодушно случай, рѣшаемые мировыми судьями, въ родѣ слѣдующаго, приведеннаго г. Утпнымъ: Марта Амось жила служаца-

кой на фермѣ у Джона Тальбота. Она была нѣсколько времени помолвлена и за мѣсяць до свадьбы объявила хозяйкѣ, что намѣрена еѣ оставить и выйти замужъ. Хозяйка еѣ отказала на томъ основаніи, что она нанята погодно (hired by years) (*). Тѣмъ не менѣе въ церквахъ сдѣлано было оглашеніе и назначенъ день свадьбы. За нѣсколько дней до свадьбы за невѣстой пришли ея мать и женихъ и такъ какъ хозяинъ не хотѣлъ еѣ расчитать, то Марта оставила его и ушла съ матерью. На слѣдующее утро Тальботъ досталъ приказъ о поимкѣ ея и вручилъ его мѣстному констаблю, который немедленно пошелъ въ приходъ жениха, и въ ту самую минуту, когда свадебный поѣздъ отправлялся въ церковь, констабль остановилъ невѣсту и показалъ ей приказъ: вмѣсто свадьбы, невѣста была уведена въ Ньюпортъ, гдѣ подвергнута была тюремному заключенію. Потомъ еѣ потребовали къ мировому судѣ, который постановилъ: «вычесть еѣ въ штрафъ изъ жалованья фунтъ стерлинговъ въ пользу хозяина, возвратиться на мѣсто и окончить срокъ служенія». Нельзя не сказать съ г. Утинымъ, что это олицетвореніе торжествующаго договора личнаго найма. Не менѣе интересны другіе примѣры мирового производства, которые мы встрѣтили въ англійской судебной хроникѣ за послѣднее время.

Нѣкій Юль нанялся работникомъ къ братьямъ Машпипъ, кожевникамъ въ Шеффилдѣ, срокомъ на три года, по до истеченія срока ушелъ отъ нихъ безъ позволенія и безъ всякаго законнаго повода. За нарушеніе договора мировой судъ (въ засѣданіи двухъ судей) приговорилъ его, на основаніи статута Георга III (годъ 6-й), къ 21 дневному тюремному заключенію въ исправительномъ заведеніи, съ тяжелою работою и съ убав-

(*) Домашняя прислуга въ Англии нанмается обыкновенно за точно определенное въ годъ жалованье. Но по большей части не дѣлаетъ я именнаго условія, сколько времени служеніе должно продолжаться, и контрактъ, если не было иначе уговорено, понимается такимъ образомъ, что каждая изъ сторонъ можетъ отъ него во всякое время отказаться,—слуга, увѣдомляя за мѣсяць о своемъ намѣреніи оставить хозяина, хозяинъ, выплачивая жалованье впередъ за мѣсяць.

кою ему за это время жалованья. По окончании срока заключения, Юль не возвратился къ хозяевамъ и за неисполненіе того же контракта снова былъ приговоренъ мировымъ судьей къ тюремному заключенію съ тяжелою работою, срокомъ на мѣсяць, но такъ какъ онъ апеллировалъ на это постановленіе въ судъ казначейства (Court of Exchequer), то до рѣшенія дѣла въ этомъ судѣ онъ былъ оставленъ на свободѣ, по представленіи денежнаго поручительства.

Мировой судъ объяснилъ на требованіе суда казначейства, что изъ доказательствъ, представленныхъ къ его обсужденію, не было видно, была-ли первая отлучка Юла временная, или онъ болѣе вовсе не хотѣлъ возвращаться къ Маппинъ, но что чрезъ 17 дней по освобожденіи его изъ тюрьмы онъ объявилъ въ судѣ, что согласенъ заплатить Маппинамъ должныя имъ деньги, которыя они обязаны принять и освободить его отъ контракта, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ онъ получаетъ болѣе высокую заработную плату. Ушелъ же онъ отъ нихъ вслѣдствіе спора о количествѣ платы за сдѣланную имъ работу, и не возвратился къ нимъ послѣ тюремнаго заключенія потому, что такъ совѣтовалъ ему его стряпчій.

Суду казначейства предстояло разрѣшить слѣдующіе вопросы: 1) имѣли-ли право мировые судьи за нарушеніе Юломъ контракта заключить его въ тюрьму, послѣ того какъ онъ уже сидѣлъ въ ней за нарушеніе того же контракта; 2) такъ какъ Юль дѣйствовалъ добросовѣстно (*bona fide*), полагая, что имѣлъ право не возвращаться болѣе къ хозяевамъ послѣ заключенія въ тюрьмѣ, то имѣли-ли судьи право постановлять противъ него приговоръ? и 3) не отмѣненъ-ли статутъ Георга III позднѣйшимъ постановленіемъ Георга IV?

Адвокатъ братьевъ Маппинъ говорилъ, что цѣль законодательства была доставить хозяевамъ средство къ выполненію работниками ихъ обязательствъ. Начинать искъ противъ работника за неисполненіе имъ контракта совершенно бесполезно, и угроза тюремнымъ заключеніемъ есть какъ бы подкрѣпленіе увѣренности въ исполненіи контракта. 21 дневнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ контрактъ не прекращается, а потому за

вторичное его нарушение можно вторично заключить въ тюрьму работника, неисполняющаго условій контракта. Хозяева даютъ рабочимъ впередъ деньги для покупки инструментовъ, вполне полагаясь при этомъ на дѣйствительность и точное исполненіе контракта, такъ какъ работники работаютъ поштучно и у себя дома; если бы можно было толковать иначе статутъ Георга III, то хозяева не имѣли бы никакой возможности заключать контракты. На основаніи же этого статута мастера имѣютъ возможность наказывать тремя способами рабочихъ: либо тюремнымъ заключеніемъ до шести мѣсяцевъ, либо сбавкою жалованья, или наконецъ совершеннымъ увольненіемъ. А такъ какъ въ статутѣ не сказано, чтобы, послѣ тюремнаго заключенія неисполняющаго своихъ обязанностей работника, контрактъ должно считать нарушеннымъ, то вторичное заключеніе должно принять дозволеннымъ, тѣмъ болѣе что законодательство положительно выговариваетъ въ другихъ статутахъ (статутъ 26 года царствованія Георга III), что, при неисполненіи работникомъ своей обязанности и послѣ шестимѣсячнаго тюремнаго заключенія, контрактъ должно почитать недѣйствительнымъ. Далѣе адвокатъ говорилъ, что шеффилдскимъ фабрикантамъ очень важно имѣть хоть какое нибудь обезпеченіе въ исполненіи контрактовъ ихъ рабочими. Освободить же работника отъ вторичнаго заключенія на томъ основаніи, что онъ дѣйствовалъ bona fide, почитая себя въ правѣ такъ дѣйствовать вслѣдствіе мнѣнія своего атторнея, было бы опасно, потому что тогда всякій работникъ нарушалъ бы когда вздумается контрактъ, говоря, что онъ это сдѣлалъ, основываясь на мнѣніи своего стряпчаго.

Однако судья баронъ Мартинъ и другіе судьи возражали адвокату, что, на основаніи его теоріи, иной работникъ, заключившій на 5 лѣтъ контрактъ, могъ бы просидѣть пять лѣтъ въ тюрьмѣ, въ случаѣ нарушенія имъ контракта, и за тѣмъ отмѣнили приговоръ мировыхъ судей.

Хорошо, что Юль имѣлъ возможность представить денежное поручительство и имѣлъ способъ для принесенія апелляціи, а то ему пришлось бы просидѣть въ тюрьмѣ не одинъ еще разъ,

и потерпѣть уголовное наказаніе за нарушеніе гражданской сдѣлки. Любопытно-бы знать, подвергаются ли гг. наниматели или фабриканты гдѣ нибудь и когда нибудь также уголовнымъ наказаніямъ за нарушеніе ими договора въ отношеніи нанимаемыхъ ими работниковъ? Если обратиться къ справкамъ, то окажется, что нигдѣ и никогда. А вотъ другой интересный фактъ изъ новѣйшей судебной практики: На одной изъ улицъ въ Кэптербэри играло пѣсколько мальчиковъ и одинъ изъ нихъ камнемъ разбилъ стекло въ лавкѣ какого то торговца. Такъ какъ страховое общество соглашалось вставить стекло (оцѣненное въ 6 ф. 8 ш. и 6 пенсовъ) не иначе, какъ если виновникъ будетъ привлеченъ къ суду, то хозяинъ лавки явился передъ кэптербэрійскимъ меромъ, засѣдавшимъ съ другими мировыми судьями, и обвинилъ Томаса Годдена въ томъ, что онъ разбилъ стекло въ его лавкѣ. Томасу нѣтъ еще 7 лѣтъ; судьи находили, что предумышленія *не было*, но тѣмъ не менѣе присудили бѣднаго мальчика къ уплатѣ 5 фунтовъ, а за непмѣніемъ у отца его средствъ къ уплатѣ этихъ денегъ, Томасъ приговоренъ къ тюремному заключенію на 21 день, «и приговоръ этотъ основанъ на парламентскомъ актѣ, по которому такое наказаніе полагается именно только въ томъ случаѣ, когда разбитіе было намѣренное и умышленное». — Къ счастью, приговоръ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіи вслѣдствіе требованія агента страхового общества, отказавшагося отъ взысканія этихъ денегъ. —

Подобный настоящему случаю читали мы въ прошломъ году: на малыя мировыя засѣданія въ Ст. Альбансъ (Гэрфордшэръ) была приведена дѣвочка Руфъ Гаррисонъ, 12 лѣтъ, которую обвиняли въ томъ, что она прибила пятилѣтнюю Елисавету Кирби, за то, что она вышибла у нея изъ рукъ корзинку съ конскимъ навозомъ. Мировые судьи нашли, что хотя дѣло пустячное, но нападеніе было, и приговорили Руфъ къ самому незначительному штрафу—6 пенсовъ, да къ уплатѣ судебныхъ издержекъ 10 шил., или же, за невозможностью выплатить эти деньги, къ тюремному заключенію на 14 дней. Хотя мать Руфи просила сейчасъ же посадить её въ тюрьму, такъ

какъ имъ платитъ не изъ чего, но судья сказалъ, что имъ дается двѣ недѣли на представленіе денегъ, если же по истеченіи этого времени они не будутъ уплачены, 12 лѣтняя Руфъ будетъ подвергнута тюремному заключенію. Такіе факты, кажется, не требуютъ комментаріевъ.

Лондонское общество для вспоможенія освобожденнымъ преступникамъ. Въ дѣлѣ исправленія преступниковъ въ послѣднее время пришли повсюду къ тому убѣжденію, что, послѣ освобожденія преступниковъ изъ исправительныхъ заведеній, дальнѣйшее наблюденіе за судьбою и жизнью ихъ должно принадлежать свободнымъ ассоціямъ или обществамъ: они должны продолжать дѣло, начатое правительствомъ въ исправительномъ заведеніи. Участіе же полиціи въ наблюденіи за дальнѣйшею жизнью бывшего преступника губительно и совершенно противно цѣли учрежденія полиціи. Въ этихъ видахъ учредилось въ 1857 г. въ Лондонѣ общество для поддержки освобожденныхъ преступниковъ. Общество это находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ директорами тюремъ и получаетъ свѣдѣнія о тѣхъ изъ заключенныхъ, на исправленіе которыхъ можно надѣяться послѣ освобожденія ихъ изъ тюрьмы, если ихъ только продолжать поддерживать и наблюдать за ними. Освобожденные изъ заключенія отдають въ общество заработанныя ими въ тюрьмѣ деньги; общество, на основаніи собранныхъ объ освобожденномъ свѣдѣній, старается доставить или свойственное ему занятіе или инымъ какимъ либо образомъ прочно пристроить его; успѣхъ дѣйствій общества очень много зависитъ при этомъ отъ возбуждаемаго имъ довѣрія. Для того же, чтобы не подвергать освобожденныхъ новому искушенію въ періодъ времени между освобожденіемъ и доставленіемъ работы, обществомъ устроены два убѣжища, для *временнаго* пребыванія. Въ теченіи одного года вотъ что сдѣлано обществомъ: раздавая небольшія денежныя суммы освобожденнымъ, а также рекомендуя ихъ своимъ довѣреннымъ агентамъ, оно способст-

вовало переселенію изъ Англіи 65 мужчинъ и 12 женщинъ, доставило въ самой Англіи работу 124 мужчинамъ и 24 женщинамъ, и давало временно работу, на счетъ самаго общества, 79 мужчинамъ и 8 женщинамъ. Съ хозяевами рабочихъ общество ведетъ постоянную переписку для того, чтобы имѣть точныя свѣдѣнія о покровительствуемыхъ имъ лицахъ, и этимъ способомъ получаетъ чрезвычайно вѣрный матеріалъ для уголовной статистики. По имѣющимся въ обществѣ свѣдѣніямъ изъ 318 освобожденныхъ преступниковъ, въ преступленія впади вновь только 8 мужчинъ и 4 женщины, между тѣмъ какъ о 41 мужчинахъ и 12 женщинахъ получены положительно благопріятныя свѣдѣнія, на основаніи коихъ можно почитать ихъ вполне исправившимися. Почти всѣ деньги, выданныя обществомъ въ займы, были ему возвращены.—

Нѣмецкая юридическая газета, изъ которой мы извлекаемъ эти свѣдѣнія (издаваемая Гольцендорфомъ), говоритъ, что для того, чтобы такія общества получили значеніе въ глазахъ правительства и чтобы на нихъ перешло исполненіе обязанностей полиціи, которая она въ настоящее время такъ неудовлетворительно исполняетъ, для этого нужно приобрести такимъ обществамъ прочную организацію. Однимъ изъ лучшихъ средствъ для этого нѣмецкая газета почитаетъ сношенія, которыя подобныя общества должны содержать между собою для постоянного обмѣна своихъ наблюденій и замѣчаній. Этимъ безъ всякаго сомнѣнія не предлагается ввести повсюду обязательное однообразіе, но доставляется возможность пользоваться на пользу общую дѣятельностію разъединенныхъ въ настоящее время обществъ.—

Случай расторгненія брака въ Англіи.—

Въ Queen's Bench'ѣ недавно рассматривался вопросъ о дѣйствительности брака, совершеннаго съ племянницею покойной жены. Главный судья лордъ Коксбэрнъ объявилъ, что относительно совершенной недействительности подобныхъ браковъ предъ закономъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія и что то

обстоятельство, что мать второй жены была незаконною сестрою первой жены, не измѣняетъ ровно ничего; ибо ни на чемъ не основано и должно быть даже признано опаснымъ то мнѣніе, что для признанія подобныхъ брачныхъ сопряженій незаконными необходимо существованіе законнаго родства.

Хотя въ правильности существа этого мнѣнія главнаго судьи и нельзя сомнѣваться, однако не мѣшаетъ замѣтить слѣдующее: по англійскимъ гражданскимъ законамъ бракъ разсматривается исключительно какъ гражданскій контрактъ. Вопросъ о святости брачнаго союза составляетъ исключительно предметъ вѣдомства духовныхъ властей, и «поэтому» говорить знаменитый англійскій юристъ Блэкстонъ «свѣтскіе суды не могутъ входить въ обсужденіе брачнаго союза какъ дѣйствія, составляющаго грѣхъ, а только какъ дѣянія, противнаго гражданскому порядку.—Только духовные суды, которые дѣйствуютъ для спасенія души (*pro salute animae*), должны уничтожать брачныя сопряженія, признаваемые за прелюбодѣяніе, яко противныя правиламъ церкви». Изъ того, что предъ гражданскимъ закономъ бракъ разсматривается исключительно какъ контрактъ, слѣдуетъ, что онъ подлежитъ обсужденію судебныхъ мѣстъ съ той же точки зрѣнія, какъ и всѣ вообще контракты, и онъ долженъ поэтому быть признанъ этими мѣстами законнымъ и имѣющимъ силу, если лица, участвовавшія въ немъ во время совершенія брака: 1) были согласны на заключеніе союза; 2) если они были способны заключать бракъ, и 3) если бракъ совершенъ ими по формѣ, требуемой закономъ.

Причины неспособности къ брачному сожитію бывають по англійскимъ законамъ двухъ родовъ: одни изъ нихъ происходятъ изъ духовныхъ законовъ и существованіе этихъ причинъ хотя и достаточно для объявленія брака ничтожнымъ, но таковое объявленіе должно послѣдовать со стороны духовнаго суда вслѣдствіе заявленной сему суду жалобы или доноса. Гражданскій же судъ хотя и можетъ уничтожить брачное сожитіе, но не иначе, какъ послѣ предварительнаго приговора духовнаго суда, установившаго недѣйствительность самаго сопряженія. Самый бракъ *ipso facto* ни коимъ образомъ не мо-

жетъ быть признанъ гражданскимъ судомъ ничтожнымъ со всѣми послѣдствіями онаго и не можетъ быть расторгнуть прежде, нежели послѣдуетъ приговоръ духовнаго суда. Къ причинамъ неспособности къ брачному сожитію по духовному закону хотя и принадлежитъ близость родства, но такъ какъ никакой брачный союзъ не признается ничтожнымъ по гражданскимъ законамъ съ самаго начала, и такъ какъ по этимъ законамъ бракъ становится незаконнымъ только съ момента произнесенія духовнымъ судомъ приговора о разводѣ, то послѣдствія подобныхъ браковъ признаются недѣйствительными только съ момента дѣйствительно послѣдовавшаго при жизни незаконныхъ супруговъ расторженія, всѣ же послѣдствія, прорастекающія изъ дѣйствій, предшествующихъ такому приговору духовнаго суда, признаются имѣющими силу предъ гражданскимъ закономъ. Такимъ образомъ даже не позволено духовному суду послѣ смерти незаконно сочетавшихся лицъ объявлять бракъ недѣйствительнымъ; «ибо, говоритъ Блэкстонъ, послѣ смерти приговоръ духовнаго суда уже не можетъ болѣе обратитъ на путь истины согрѣшившаго супруга». Этотъ извѣстный англійскій юристъ приводитъ даже примѣръ рѣшенія King's-Bench'a: «пѣкто, говоритъ онъ, женился на сестрѣ первой своей жены; послѣ смерти второй жены епископскій судъ производилъ переписку о признаніи брака недѣйствительнымъ и домогался признанія рожденныхъ отъ брака дѣтей незаконными. Но King's-Bench уничтожила производство это и допустила только произнесеніе епископскимъ судомъ приговора о подвергнутіи мужа, оставшагося въ живыхъ, духовному наказанію за прелюбодѣяніе». Самые гражданскіе законы Англіи вовсе не говорятъ о степеняхъ, въ которыхъ бракъ не дозволенъ; на основаніи же духовныхъ законовъ должны быть признаны недѣйствительными, не свѣтскимъ, а духовнымъ судомъ, брачныя сопряженія, совершенныя между восходящими и нисходящими и между боковыми родственниками въ третьей степени. Между боковыми родственниками же въ четвертой степени родства бракъ считается дозволеннымъ и такимъ образомъ двоюродный братъ можетъ жениться на

двоюродной сестрѣ, и даже внукъ можетъ вступить въ бракъ съ сестрою своей бабки. Степени запрещеннаго свойства исчисляются соотвѣтственно степенямъ родства и хотя, такимъ образомъ, никто не можетъ по духовнымъ законамъ жениться послѣ смерти жены ни на ея сестрѣ, ни на ея племянницѣ, но тѣмъ не менѣе въ настоящемъ случаѣ важнѣе не столько вопросъ о томъ, могъ ли бракъ, признанный Queen's-Bench недействительнымъ, имѣть силу предъ духовнымъ судомъ, сколько другой юридическій вопросъ о томъ: вправѣ ли былъ этотъ судъ произнести приговоръ въ настоящемъ дѣлѣ и не долженъ ли былъ онъ отклонить отъ себя вовсе обсужденіе сего вопроса, какъ подлежащаго исключительно вѣдѣнію духовнаго суда. Объявляя бракъ этотъ недействительнымъ и ничтожнымъ по самому закону, лордъ Коксбэрнъ, тѣмъ самымъ, признавъ незаконными и дѣтей, происшедшихъ отъ сего брака, между тѣмъ какъ ежели бы онъ сказалъ, наприкладъ, что бракъ, расторгнутый духовнымъ судомъ, признается незаконнымъ со времени дѣйствительнаго расторженія, то этимъ самымъ онъ спасъ бы честь певнино страдающихъ отъ ошибки или грѣха родителей и кажется не поступилъ бы несогласно съ англійскими гражданскими законами, рассматривающими бракъ какъ гражданскую сдѣлку, ни съ примѣрными рѣшеніями своихъ предшественниковъ.

Случай изъ австрійской судебной практики. 20 марта 1857 года умерла вдова Розалія Шварцъ. Въ завѣщаніи своемъ она сдѣлала нѣсколько отказовъ (Legatovъ) изъ своего значительнаго состоянія. Въ пунктѣ 20 между прочимъ было сказано слѣдующее:

«Моего племянника Юлія Арха каменьщика въ Маутгаузенѣ его жепѣ Маріи, его дочери Аннѣ и его сына Ивана завѣщаю каждому по одной акціи банка. Его дочери Аннѣ завѣщаю я кромѣ того небольшую брилліантовую брошку».

На основаніи этого духовнаго завѣщанія Юлія Архъ требовалъ отъ наслѣдника выдачи *четырехъ* акцій, а именно для себя, жены и двухъ дѣтей.

Наслѣдникъ соглашался на выдачу *трехъ* акцій, но отказывалъ въ выдачѣ *четвертой*, утверждая, что завѣщательница имѣла въ виду только жену Юлія Арха и его двухъ дѣтей. Онъ основывалъ свой отказъ на томъ, что слова: «моего племянника Юлія Арха каменьщика въ Маутгаузенѣ» приведены только для болѣе точнаго обозначенія слѣдующихъ за тѣмъ лицъ и что между словами: «въ Маутгаузенѣ» и «его женѣ» не поставлено запятой.

Вѣнскій коммерческій судъ рѣшеніемъ 16 февраля 1860 года отказалъ Юлію Арху въ его искѣ. Рѣшеніе это онъ между прочимъ основывалъ на слѣдующихъ соображеніяхъ:

«Для полученія отказа истецъ долженъ былъ бы доказать, что таковой ему назначенъ ясными выраженіями духовнаго завѣщанія. Но истецъ этого не сдѣлалъ. Ни изъ 21 пункта, ни изъ другихъ мѣстъ завѣщанія не видно, чтобы Розалія Шварцъ желала отказать одну акцію своему племяннику Юлію Арху. Въ такомъ случаѣ она сказала бы: моему племяннику Юлію Арху каменьщику въ Маутгаузенѣ». Такой выводъ еще болѣе подтверждается отсутствіемъ запятой между словами: «въ Маутгаузенѣ» и «его женѣ».

Вѣнскій оберъ-ландгерихтъ 2 мая 1860 года отмѣнилъ это рѣшеніе коммерческаго суда и постановилъ, что наслѣдникъ Розаліи Шварцъ обязанъ выдать Юлію Арху акцію банка съ слѣдующими по ней за истекшее со смерти завѣщательницы время купонами и дивидендомъ.

Рѣшеніе оберъ-ландгерихта было утверждено 22 августа 1860 года высшимъ судомъ.

Какъ судъ второй, такъ и судъ третьей инстанціи въ рѣшеніяхъ своихъ приводили между прочимъ слѣдующіе мотивы:

Самое естественное правило всякаго истолкованія заключается въ томъ, что грамматически правильному предложенію не слѣдуетъ давать смысла, который бы оно имѣло только

при предположеніи грамматической невѣрности. 21 пунктъ завѣщанія:

«Моего племянника Юлія Арха каменьщика въ Маутгаузенѣ его женѣ Маріи, его дочери Аннѣ и его сына Ивана завѣщаю каждому по одной акціи банка» не содержитъ въ себѣ (за исключеніемъ грамматическихъ ошибокъ въ словахъ «моего племянника», «его сына» и «каждого», которыя, безъ сомнѣнія, должны были быть употреблены въ дательномъ падежѣ, т. е. «моему племяннику», «его сыну» и «каждому») никакой синтаксической ошибки, если принять, что завѣщательница желала отказать своему племяннику Юлію Арху, его женѣ Маріи, его дочери Аннѣ и его сыну Ивану каждому по одной акціи. Это самое предложеніе было бы грамматически и синтаксически неправильно, если предположить, что завѣщательница повменовала только жену, дочь и сына какъ легатаріевъ и привела имя, занятіе и мѣстожителство своего племянника единственно для болѣе точнаго обозначенія вышеприведенныхъ лицъ. Правильное выраженіе такого ея намѣренія могло заключаться только въ словахъ: «женѣ, дочери и сыну моего племянника», а не въ словахъ: «моему племяннику, его женѣ, дочери и сыну».

«Отсутствіе запятой между словами «въ Маутгаузенѣ» и «его женѣ» не имѣетъ существеннаго значенія при разрѣшеніи настоящаго дѣла, потому что смыслъ предложенія не зависитъ отъ того, будетъ ли или не будетъ поставлена запятая между дательными падежами: «моему племяннику», «его женѣ», «его дочери» и «его сыну».

«Наконецъ ни одно мѣсто въ завѣщаніи не показываетъ, чтобы Розалія Шварцъ имѣла намѣреніе исключить своего племянника Юлія Арха изъ числа своихъ легатаріевъ, напротивъ того 22 и 23 пункты завѣщанія доказываютъ, что завѣщательница была расположена къ нему, вслѣдствіе чего должно заключить, что истолкованіе 21 пункта въ пользу истца не будетъ противорѣчить волѣ завѣщательницы.

Изложивъ настоящій случай, мы приведемъ тѣ замѣчанія, которыми сопровождается его Gerichtshalle:

Приведенный случай бросаетъ свѣтъ на тѣ трудности, которыя предстоятъ иногда судьѣ, если отъ него требуютъ такое истолкованіе духовнаго завѣщанія, послѣ смерти завѣщателя, которое не допускаетъ никакаго сомнѣнія. Римское право поставляло дѣйствительность отказовъ въ зависимость отъ употребленія извѣстныхъ формулъ и даже, по словамъ Гая, отказы не могли быть назначены на греческомъ языкѣ (*graece scripta non valent*). Австрійское законодательство, имѣя въ виду безконечное разнообразіе юридическихъ отношеній въ новыхъ государствахъ, освободило гражданъ отъ стѣснительной формалистики, господство которой еще продолжается въ нѣкоторыхъ правахъ, напр., въ англійскомъ, и ограничилось постановленіемъ нѣкоторыхъ общихъ правилъ, вытекающихъ изъ характера юридическаго дѣянія, и немногихъ вѣщныхъ условій. Это направленіе, безъ сомнѣнія, способствуетъ свободному развитію юридической жизни, но оно въ то же время требуетъ, чтобы было предоставлено также болѣе свободы субъективному воззрѣнію судьи.

Если не допускать въ данномъ случаѣ свободнаго субъективнаго воззрѣнія судьи, то мы придемъ къ выводу, противорѣчающему рѣшенію высшаго суда. Тогда невозможно предположеніе, что вмѣсто дательнаго падежа (моего племянника) завѣщательница по ошибкѣ употребила винительный, тогда необходимо смотрѣть на спорный пунктъ только какъ на объектъ истолкованія, ничего въ немъ не измѣняя. Въ такомъ случаѣ 21 пунктъ не выражаетъ положительнымъ образомъ желанія завѣщательницы отказать Юлію Арху одну акцію и представляетъ темное мѣсто. Доказать, что это мѣсто имѣетъ извѣстный опредѣленный смыслъ лежитъ на обязанности истца, т. е. этотъ послѣдній долженъ доказать, что завѣщательница сдѣлала ошибку, употребивъ винительный падежъ вмѣсто дательнаго и пропустивъ запятую.

Законодательное движеніе въ Германіи. Въ предпоследней книжкѣ нашего журнала мы сообщили извѣстіе о проектѣ общегерманскаго торговаго права,

представленномъ особымъ комитетомъ сейму во Франкфуртѣ. Изъ нынѣ доставляемыхъ иностранными газетами свѣдѣній видно, что датскій посланникъ, по порученію своего правительства, объявилъ сейму, отъ 6 мая, что король слѣдилъ съ величайшимъ сочувствіемъ за трудами комисіи, начертавшей означенный проектъ, и не отказывается отъ примѣненія новаго положенія, если оно войдетъ въ силу для германскаго союза, въ Гольштиніи и Лауенбургѣ. Такъ какъ однако до сего времени датскій посланникъ не участвовалъ въ обсужденіи проекта, то правительство предоставляетъ себѣ, по окончательномъ начертаніи проекта, войти въ болѣе подробное разсмотрѣніе отдѣльныхъ положеній онаго, съ цѣлію распространенія дѣйствія его на подвластныя ему герцогства.

Австрійское правительство, кажется, усердно принимается за преобразование гражданскаго судопроизводства въ подвластныхъ ему областяхъ, придерживаясь при томъ обще принятыхъ нынѣ началъ гласности и устности. По порученію австрійскаго министра юстиціи въ Кельнъ командированы доктора правъ Вильмеръ и Коппъ, для практическаго изученія и изслѣдованія при рейнскаго судопроизводства во всѣхъ его подробностяхъ. При такомъ сознаніи австрійскимъ правительствомъ этихъ двухъ главныхъ началъ гражданскаго судопроизводства, осуществленіе возбужденной нынѣ въ Германіи мысли о начертаніи общаго проекта судопроизводства для всѣхъ государствъ, входящихъ въ составъ германскаго союза, вѣроятно, не представитъ тѣхъ затрудненій, которыхъ опасаются нѣкоторые германскіе юристы, и быть можетъ недалеко время изданія общаго свода законовъ, по всѣмъ отраслямъ законодательной дѣятельности, для страны, въ отдѣльныхъ частяхъ которой въ послѣднее время стали сознавать всѣ неудобства специальныхъ законовъ для каждой незначительной мѣстности и чувствуютъ всю выгоду изданія общихъ правилъ, которыя могли бы имѣть примѣненіе во всѣхъ странахъ, населенныхъ народомъ, хотя не составлявшимъ никогда единого политическаго цѣлаго, но стремящимся въ послѣднее время къ созданію сего единства.

Изъ Вѣны пишутъ отъ 26-го іюня, что проектъ новаго судоустройства для странъ, представляемыхъ тѣснымъ составомъ государственнаго совѣта, былъ розданъ членамъ палаты депутатовъ (Abgeordneten-Haus). Въ этомъ положеніи придерживаются, съ незначительными измѣненіями, началъ, начертанныхъ уже въ 1850 году. Какъ тогдашній, такъ равно и настоящій проектъ суть произведенія нынѣшняго министра юстиціи барона Пратовера. Въ новомъ положеніи администрація строго отдѣлена отъ судебной дѣятельности. Окружные суды, окружные коллегіальные суды, земскіе суды (Landesgerichte) и верхніе земскіе суды (Oberlandesgerichte) составляютъ обыкновенныя судебныя инстанціи какъ въ уголовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ и надъ всѣми этими судами, для единства рѣшеній, установленъ кассационный судъ, дѣятельность котораго исключительно будетъ сосредоточена на разсмотрѣніи nullitетныхъ жалобъ (Nullitaets Klagen) и кассационныхъ прошеній. Замѣчательно однако при этомъ, что о судѣ присяжныхъ какъ въ уголовныхъ, такъ равно и въ гражданскихъ дѣлахъ, въ проектѣ не упоминается. Министръ объявилъ, что вопросъ о необходимости примѣненія присяжныхъ, правительство считаетъ не разрѣшеннымъ еще окончательно, и хотя по примѣру проекта 1850 г. оно не отказывается отъ введенія сего учрежденія, то тѣмъ не менѣе оно желаетъ представить этотъ вопросъ на обсужденіе представителей страны, и будетъ руководствоваться въ семъ отношеніи тѣми желаніями и соображеніями, которыя будутъ высказаны ими по означенному предмету. Намъ кажется однако, что осуществленіе началъ гласности и устности, къ приведенію которыхъ, какъ полагаютъ, австрійское правительство стремится, трудно безъ возстановленія суда присяжныхъ. Въ уголовномъ судопроизводствѣ недостаточно разъединить администрацію отъ суда, необходимо отдѣлить также обсужденіе фактическихъ вопросовъ отъ юридическихъ. Если австрійское правительство въ настоящее время, не смотря на положеніе 1850 г., встрѣчаетъ еще сомнѣніе въ необходимости введенія суда присяжныхъ по уголовнымъ дѣламъ, то кажется изданіе обще

германскаго свода судоустройства и уголовного судопроизводства, во всякомъ случаѣ, со стороны Австрiи встрѣтитъ не маловажное препятствiе; ибо въ прочихъ частяхъ Германiи въ необходимости суда присяжныхъ не встрѣчаютъ основательныхъ сомнѣнiй.—Желательно было бы, чтобы въ семъ отношенiи депутаты, на обсужденiе которыхъ переданъ барономъ Пратобевра новый проектъ судоустройства, явились бы достойными, по просвѣщенному взгляду, представителями страны. Въ составленномъ министромъ юстиции положенiи измѣнены также и начала фискальнаго надзора и судебной защиты.

Въ Саксонiи, какъ извѣстно, готовится новый сводъ гражданскихъ законовъ. Проектъ уже написанъ и находится нынѣ на обсужденiи второй палаты ландтага. По этому случаю въ недавнемъ времени произошла очень странная демонстрацiя. Нѣкоторые духовныя лица обратились къ министру исповѣданiй съ прошенiемъ, въ которомъ умоляли его употребить все свое влiянiе къ тому, чтобы та часть новаго гражданскаго свода, которая касается расторженiя брака лицъ лютеранскаго исповѣданiя, не вошла бы въ силу. На это прошенiе, какъ водится, министръ отвѣтилъ означеннымъ лицамъ, что сводъ въ свое время былъ обсужденъ между прочимъ и духовенствомъ и вошедшiя въ оный постановленiя не признаны противными правиламъ лютеранской церкви, самое же помѣщенiе этихъ правилъ въ сводъ законовъ не должно обижать духовенство, ибо этимъ напротивъ того законодатель желалъ выказать свое уваженiе къ постановленiямъ того исповѣданiя, къ которому и онъ принадлежитъ.

Свѣдѣнiя изъ французскаго отчета за 1859 г. о судебныхъ гражданскихъ дѣлахъ.

Изъ отчета французскаго министра юстиции о дѣлахъ гражданскихъ за 1859 годъ видно, что число дѣлъ въ гражданскихъ и коммерческихъ судахъ Францiи уменьшилось, число же принесенныхъ въ кассационный судъ жалобъ на рѣшенiя гражданскiя нѣсколько увеличилось.

Въ кассационный судъ вступило въ 1859 году апелляционныхъ жалобъ 614, тогда какъ въ 1858 году ихъ было 588, а въ 1857 г. 593.

Изъ числа 614 поступившихъ въ кассационный судъ жалобъ было: на рѣшенія императорскихъ судовъ—453, коммерческихъ судовъ 20, мировыхъ судей 3, на постановленіе камеры нотариусовъ 1 и на постановленіе присяжныхъ по дѣламъ объ отчужденіи имущества для общественной надобности 45 жалобъ.

Во Франціи присяжные въ рѣшеніи гражданскихъ дѣлъ вообще не участвуютъ, въ противность тому, какъ это установлено въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, но въ спорахъ объ отчужденіи имущества для общественныхъ надобностей они принимаютъ участіе (*). Эти послѣднія дѣла имѣютъ во Франціи даже особую юрисдикцію, а именно: приносимые кассационному суду жалобы на рѣшенія присяжныхъ по этимъ дѣламъ поступаютъ прямо въ гражданскій отдѣлъ кас. суда (chambre civile), безъ предварительнаго разсмотрѣнія въ палатѣ прошеній (chambre des requêtes) (**), тогда какъ всѣ другія гражданскія дѣла предварительно разсматриваются въ палатѣ прошеній. Кассационный судъ во Франціи, находя гражданское рѣшеніе неправильнымъ, кассируетъ, уничтожаетъ его, но не разрѣшаетъ самаго дѣла по существу, а передаетъ оное въ другой судъ, для новаго разсмотрѣнія и разрѣшенія.

Апелляционныхъ жалобъ въ 1859 г. разсмотрѣно только *предварительно* (палатою прошеній) 473, изъ нихъ 307 отвергнуты палатою, а 166 переданы на окончательное разсмотрѣніе гражданской палаты кассационнаго суда. Кассационный судъ (по апелляционнымъ гражданскимъ дѣламъ) постановилъ въ 1859 г. *окончательныхъ* рѣшеній 207: по 132 апелляционнымъ жалобамъ прежнія рѣшенія судовъ кассированы, по 75 жалобамъ апелляции отвергнуты были кассационнымъ судомъ.

(*) Предложеніе о введеніи въ гражданскихъ дѣлахъ суда присяжныхъ отвергнуто было 30 апрѣля 1790 французскимъ національнымъ собраніемъ.

(**) 20 п. закона 3 мая 1841 г.

Въ судахъ, называемыхъ императорскими (cours impériaux) и составляющихъ во Франціи вторую судебную инстанцію, оставалось неразсмотрѣнныхъ въ 1859 г. 6163 дѣлъ, вновь вступило 10,608, всего было 16,771, изъ нихъ разрѣшено въ этомъ году 10,547 дѣлъ. — Число неразсмотрѣнныхъ императорскими судами дѣлъ ежегодно возрастаетъ, а именно: къ 1857 г. подобныхъ дѣлъ оставалось 2,408, къ 1858 г. 2,917, къ 1859 г. 3,067, а къ 1860 году 3,405. — Вслѣдствіе сего французское правительство въ октябрѣ 1860 г. циркулярно предписало принять мѣры къ уменьшенію числа неразсмотрѣнныхъ дѣлъ.

Изъ числа 10,547 разрѣшенныхъ и выбывшихъ дѣлъ, въ императорскихъ судахъ разрѣшено: по выслушаніи обѣихъ тяжущихся сторонъ 7803 дѣла, по выслушаніи одной изъ тяжущихся сторонъ 596 и исключено изъ очереднаго списка (за примиреніемъ, сдѣлками и проч.) 2148 дѣлъ.

Въ 361 судахъ 1-й степени по дѣламъ гражданскимъ производилось въ 1859 году 144,054 дѣла (вступило 108,298 и оставалось отъ прежнихъ лѣтъ 36,756 дѣлъ).

Въ этихъ судахъ производилось: 74,007 дѣлъ формою обыкновеннаго суда и 70,047 суммарнымъ порядкомъ. Въ теченіи года *убыло* 28,650 по миролюбивымъ сдѣлкамъ, и прекращенію иска, и разрѣшено 90,566 (*). Изъ числа сихъ послѣднихъ дѣлъ разрѣшено судами 1-й степени окончательно 40,153 дѣла и съ правомъ принесенія аппеляціи во вторую инстанцію 50,413 дѣлъ. — На сто дѣлъ послѣдней категоріи по 14 принесены были жалобы на рѣшеніе въ судъ высшей степени. — Оставалось въ судахъ первой степени неразрѣшенныхъ къ 1860 г. 24,838 дѣлъ — менѣе противъ предшествующаго годоваго остатка (35,756) на 10,918 дѣлъ.

Изъ числа 11,035 дѣлъ, неразрѣшенныхъ судами 1-й степени къ 1860 году, почти половина (именно 444 на 1000)

(*). Изъ числа 90,566 дѣлъ, рѣшенныхъ судами 1-й степ. въ 1859 г., почти $\frac{1}{3}$ рѣшена была въ отсутствіи одной изъ тяжущихся сторонъ (par default), а именно рѣшено такимъ порядкомъ 27,640 дѣлъ.

перѣшенны за недавнимъ вступленіемъ (до 3 мѣсяцевъ и болѣе), по есть однако же дѣла не разрѣшенныя болѣе двухъ лѣтъ; такихъ дѣлъ было къ 1860 году 1458 (59 на 1,000).

Отчетъ французскаго министра исчисляетъ суды, имѣющіе наибольшій остатокъ неразрѣшенныхъ дѣлъ, и замѣчаетъ, что для болѣе успѣшнаго теченія дѣлъ въ судахъ первой степени, правительствомъ въ концѣ 1860 года во многихъ изъ нихъ увеличенъ личный составъ.

Кромѣ собственно тяжбныхъ дѣлъ, судьями и председателями судовъ разрѣшаемы были въ значительномъ числѣ частныя прошенія и представленія въ особенности по вопросамъ, нетерпящимъ отлагательства, сиротскимъ опекамъ, по исполненію судебныхъ рѣшеній, судебнымъ сборамъ, продажѣ имуществъ и проч.

Въ 1859 г. было произведено 16,525 продажъ имуществъ по судебнымъ рѣшеніямъ, менѣе чѣмъ въ 1858 г. на 998. Въ особенности замѣчается уменьшеніе числа продажъ *недвижимыхъ* имуществъ, а именно: подобныхъ имуществъ продано въ 1859 году 5,751, тогда какъ въ 1851 году ихъ продано было 11,000, а въ 1850 году 12,590.

Что касается порядка продажи имуществъ, какъ движимыхъ, такъ и недвижимыхъ, то въ 1859 г. продано на торгахъ судами 9,708 (537 на 1,000), а 6,817 имуществъ (413—1,000) предоставлено было продать нотариусамъ; это дозволеніе дается *въ видахъ взаимной выгоды* кредитора и должника.

Цѣна проданныхъ въ 1859 г. 16,525 имуществъ простиралась на сумму 210.894,600 фр. Среднимъ числомъ каждое проданное имущество оцѣнено было въ 12,762 франка. Издержки и пошлины по этимъ продажамъ значительны; они въ недвижимыхъ имуществвахъ, оцѣенныхъ ниже 500 франковъ, (по указанію французскаго министра юстиціи) поглащаютъ всю выручку продажи малоцѣннаго имущества.

● выдачѣ преступниковъ Франціи въ 1859 году. Въ настоящее время Франція состоитъ съ

сорока государствами Европы и Америки въ договорахъ о взаимной выдачѣ уголовныхъ преступниковъ. Эдиктъ Наполеона 1 (1811 года) исчисляетъ главные случаи, въ которыхъ выдача преступниковъ имѣетъ мѣсто, и порядокъ требованія и выдачи ихъ. Важнѣйшіе трактаты по этому предмету заключены были Франціею съ Испаніею въ 1765 г. (22 сен. и съ Швейцаріею въ 1827 г. (9 мая) (*). Выдача преступниковъ Франціи въ 1859 г. представляетъ слѣдующія данныя: всего выдано Франціи а) по силѣ трактатовъ 95 чел. (въ томъ числѣ пять женщ.) и б) Тунисомъ выданъ одинъ преступникъ на основаніи обычая (изаде) этой страны выдавать Франціи виновныхъ ея подданныхъ, совершившихъ въ Тунисѣ преступленіе или только укрывающихся въ этой странѣ отъ преслѣдованія французскаго правительства. Изъ числа 96 выданныхъ въ 1859 г. преступниковъ, 44 были выданы по требованію Франціи, остальные затѣмъ выданы были самими иностранными государствами безъ предварительнаго о томъ требованія.

Наибольшее число выдано преступниковъ въ 1859 году Швейцаріею 20 (15 по требованію Франціи), Испаніею 22 (11 по требованію) и Сардиніею 15 (изъ нихъ 4 по требованію Франціи). Австрія выдала трехъ и Англія одного преступника (за подлогъ); всѣ выданные совершили преступленія уголовныя; 1 только, выданный Сардиніею, былъ по политическому преступленію (rebellion). Въ отношеніи родовъ преступленій изъ числа этихъ преступниковъ были преслѣдуемы: за злостное банкротство 25, за разные подлоги 19, по смертоубійству 18 (дѣтоубійству 5); остальные затѣмъ за дѣланіе фальшивой монеты, поджоги, воровство, похищеніе и разграбленіе общественной собственности.

Число случаевъ смертной казни. Въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ (Jahrbuecher der deutschen Rechtswissenschaft und Gesetzgebung) мы находимъ слѣдующую замѣтку о числѣ смертныхъ приговоровъ, какъ поста-

(*) Трактаты эти пополнялись позднѣйшими договорами.

новленныхъ судами, такъ и дѣйствительно приведенныхъ въ исполненіе въ различныхъ странахъ Европы, и объ отношеніи силъ послѣднихъ къ народонаселенію:

	пост. смертн. пригов.	привед. въ ис- полн.	смертн. казнь при- ход. на
Франція (1857)	58	32	1,125,000
Англія и Валлисъ (1855—57)	176	40	1,447,000
Шотландія (1855—57)	6	3	3,000,000
Нидерланды (1855)	15	1	3,500,000
Австрія (1856)	122	83	446,000
Пруссія (1855—57)	98	?	„
Баварія (1855—57)	68	18	660,000
Зарейнская Баварія (1855—57)	9	3	600,000
Ганноверъ (1854—56)	21	6	900,000
Мекленбургъ-Шверинъ (1824—59)	12	3	6,000,000
Гольштейнъ (1825—59)	63	5	3,000,000
Великое герцогство			
Гессенское (1856—57)	8	?	„

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что хотя въ Англіи часто заявляется мнѣніе о необходимости смертной казни, однако число смертныхъ приговоровъ, дѣйствительно приведенныхъ въ исполненіе, сравнительно меньше чѣмъ во Франціи, Австріи, Баваріи и Ганноверѣ.

Число убійствъ и грабежей, совершенныхъ въ Сардинскомъ королевствѣ въ 1853 г.

Мы заимствуемъ изъ одного нѣмецкаго журнала слѣдующія свѣдѣнія о числѣ убійствъ и грабежей, совершенныхъ въ Сардинскомъ королевствѣ въ 1853 году.

На 4¹/₂ милл. жителей королевства было совершено 159 убійствъ. Побудительными причинами въ 9 случаяхъ была защита своей личности и своей чести или личности и чести другихъ; въ 12—невѣжество и глупость; въ 13—ревность; въ 87—ненависть, мщеніе и гнѣвъ, въ 14—полученіе денежныхъ или какихъ либо другихъ выгодъ; въ 18—совершеніе или сокрытіе другихъ преступленій, въ 5 случаяхъ причина не открыта.

Въ этомъ числѣ было: 2 случая убійства родителей,

2—супруговъ и 6—дѣтей, всѣ въ порывахъ гнѣва; 2—дѣтоубійства для спасенія чести и 3 по невѣжеству. Обыкновенныхъ убійствъ было 23, изъ которыхъ 12 совершены въ гнѣвѣ; убійствъ съ увеличивающими вину обстоятельствами 88, изъ которыхъ 53 совершены изъ мщенія и ненависти.

Орудіями къ убійству служили: въ 46 случаяхъ ружья, въ 15 пистолеты, въ 20—кинжалы, въ 1—сабля, въ 25—обыкновенные ножи, въ 6—ремесленные орудія, въ 5—топоры, въ 14—палки, въ 17—различные другіе предметы. Въ 4 случаяхъ встрѣчается удушеніе, въ 5—паденіе съ высоты, въ 1—отравленіе, въ 5—различные роды смерти.

Между 200 убійцами находилось 14 женщинъ, изъ которыхъ ни одна не умѣла ни писать, ни читать. Побудительною причиною преступленія между женщинами въ 5 случаяхъ была любовь.—Изъ мужчинъ 103 не умѣли ни читать, ни писать, а 8 получили высшее образованіе.

Большее число убійствъ приходится на островъ Сардинію, богатый монастырями и находившійся долгое время подъ господствомъ іезуитовъ. На немъ въ особенности часто были случаи коварнаго убійства (Meuchelmord): такъ на 500,000 жителей Сардиніи приходится $\frac{3}{5}$ всего числа такого рода убійствъ, тогда какъ на материкъ остается $\frac{2}{5}$ при 4.000,000 жителей.

Грабежей было совершено 111, въ томъ числѣ 16 были сопровождаемы убійствомъ и 34 начаты съ насиліемъ; въ 7 случаяхъ убійство было совершено послѣ ограбленія. Въ 59 случаяхъ грабежъ былъ направленъ противъ одного взрослого мужчины, въ 41 противъ 2 и болѣе; въ 11 противъ женщинъ и дѣтей. Въ 84 случаяхъ были похищены деньги, въ 33—золото и другія драгоценности, въ 34 платье и бѣлье, въ 14—домашняя скотина.

Большая часть грабежей происходила въ окрестностяхъ Турина, на Сардинію приходится только 23 случая.

Въ грабежахъ участвовало 171 лицо. Въ 34 случаяхъ преступленіе было совершено однимъ лицомъ, въ $\frac{1}{3}$ отъ 2 до 3, и въ $\frac{1}{3}$ 3 до 5. Въ совершеніи одного грабежа приняло участие болѣе 10 разбойниковъ.

Бюджетъ министерства юстиціи въ Пруссіи за 1858 г.

Доходы.

Судебныя пошлины	8.924,895	тал. (*)
Пошлины въ пользу чиновниковъ	253,349	—
Штрафы	265,258	—
Различные доходы	190,394	—
Итого	9.633,896	тал.

Расходы.

А. Постоянные расходы.

Министерство, личный составъ	92,220	тал.
----- Канцелярскіе матеріалы и прочія издержки	6,900	—
Оберъ-трибуналь, личный составъ	181,375	—
----- Канцелярскіе матеріалы и пр.	5,200	—
Особая коммисія (Immediat-Justiz-Examina- tions-Commission)	8,038	—
Верхніе суды, личный составъ	1.100,719	—
----- Канцелярскіе матеріалы и пр.	82,504	—
Нижніе суды, личный составъ	6.261,707	—
----- Канцелярскіе матеріалы и пр.	831,924	—
Уголовныя издержки	2.036,625	—
Издержки по гражданскимъ дѣламъ	656,704	—
Прочія издержки	21,000	—
На содержаніе зданій, занимаемыхъ су- дебными мѣстами	40,000	—
Итого	11.324,916	тал.

Б. Чрезвычайные расходы.

Постройка и починка тюремъ и зданій, занимаемыхъ судебными мѣстами	300,000	тал.
---	---------	------

(*) Одинъ прусскій таллеръ составляетъ около 91 коп. сер.

Отдѣль II. Судебная практика.

А. РУССКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ. 357.

Изложеніе рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ, въ ко-
ихъ разрѣшаемы были вопросы:

- I. О правѣ наслѣдованія замужней дочери въ имѣніи ея отца.
- II. О порядкѣ опредѣленія свойства несостоятельности.
- III. О существенномъ условіи заключенія договоровъ.

Б. РУССКАЯ УГОЛОВНАЯ. 391.

Дѣло крестьянъ Матвѣева, Павлова и другихъ, сужден-
ныхъ за воровство-кражу.

В. ИНОСТРАННАЯ УГОЛОВНАЯ. 405.

- I. Процессъ по обвиненію супруговъ Маннингъ въ убійствѣ
О'Коннора.
- II. Процессъ по обвиненію Юнгмана въ убійствѣ разныхъ
лицъ.

Отдѣль IV. Разныя извѣстія и смѣсь. 457.

О судебныхъ слѣдователяхъ московской губерніи.—О по-
рядкѣ совершенія дарственной записи.—О копіяхъ съ при-
ложеній къ прошеніямъ.—Суммарное судопроизводство
въ Англіи.—Лондонское общество для поддержанія освобо-
жденныхъ преступниковъ.—Случай расторженія брака
въ Англіи.—Случай изъ австрійской судебной практи-
ки.—Законодательное движеніе въ Германіи.—Изъ фран-
цузскаго гражданского отчета.—О выдачѣ преступни-
ковъ Франціи.—Число случаевъ смертной казни.—Число
убійствъ и грабежей, совершенныхъ въ сардинскомъ ко-
ролевствѣ въ 1833 году.—О бюджетѣ министерства юсти-
ціи въ Пруссіи.

Издаваемый съ іюля 1859 года *Журналъ Министерства Юстиціи* выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе съ января 1861 по январь 1862 года составляетъ, безъ пересылки и доставки *шесть* руб. сер., съ пересылкою же и доставкою на домъ *семь* руб. *пятьдесятъ* коп. сер.

Подписка на журналъ принимается исключительно въ Конторѣ Редакціи, находящейся при книжномъ магазинѣ Комисіонера Министерства Юстиціи книгопродавца А. И. Давыдова, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Заѣтнава.

Въ той же Конторѣ Редакціи можно получать по вышеозначеннымъ цѣнамъ изданія *Журнала Министерства Юстиціи* за преемное со дня основанія онаго время, а именно: изданіе 1859 года (съ іюля мѣсяца) 6 книгъ и изданіе 1860 года 12 книгъ (последняго изданія можно получать также отдѣльно послѣ годѣ съ іюля 1860 по январь 1861 года).

Желающіе доставить въ журналъ статью или какое свѣдѣніе благоволятъ обращаться въ *Редакцію Журнала Министерства Юстиціи*, имѣющую помѣщеніе на углу Загороднаго проспекта и Можайской улицы въ домѣ Соколова.

ВЪ ТИПОГРАФІИ

ПРАВТЕЛЪСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ. 11 августа 1861 года.

Ценсоръ *Обертъ*.